

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Издательскій Домъ "Русскій Паломникъ": а/я -13, Москва, 127299, Россія.
Vlaam Society of America: P. O. Box 70, Platina, CA 96076 U.S.A.

Годъ XLVI.

— ❧ № 32 ❧ —

2004 г.

100 ЛѢТЬ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ

СВѢТІИ ЛЮБЕВИЦЕ

Свѣтл. Свѣта

Свѣтл. Анастасія

Свѣтл. Анастасія

Свѣтл. Алексія

Свѣтл. Николай

Свѣтл. Татяна

Свѣтл. Анна

СВѢТЛЫЯ СЕСТРА
АННА И ТИМОФЕЙ
ЖЕ ПАМЯТЬ, ДА
ЕСТО СВЯТЫХЪ
ПОСЛАЖЕТА, ЗА
ЛЮБИ СЕБЯ.

Цесаревичъ, фото 1912 г.

НА ПЕРВОЙ ОБЛОЖКЪ: Икона Св. Цесаревича съ Августѣйшей Семейю,
работы Филиппа Москвитина.

Столѣтіе “Царствованія” Св. Цесаревича Алексія, Заступника современной Россіи 1904 – 2004

НЕСМОТЯ на полностью измѣнившуюся за прошлый вѣкъ Россію, исказишюу курсъ своего историческаго святаго призванія и погрязну въ тину скверны міра сего, Россія тѣмъ не меньше показывать проблески стремленія къ Истинѣ, какъ бы медленно пробуждается, нащупывая свое самосознаніе, но еще не сознавая, что у нея есть Богомъ поставленный законный Заступникъ, сидѣщій на русскомъ тронѣ въ Царствіи Небесномъ, ожидающій признанія своимъ русскимъ народомъ — Св. Цесаревичъ Алексій.

Въ помощи Вышняго живый, Св. Мученикъ Цесаревичъ Алексій,* сокровенное чудо спасенія нашего,* рыцъ Богу въ защиту нашу,* яко Ты приближице и упованіе людямъ Твоимъ,* да на Тя взирающе цѣломудрствуемъ* и живы Единому Господу обрящемся.

Тропарь, гласъ 8

ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІЕ

КОГДА Государь Императоръ Николай II отрёкся отъ престола и передалъ его въ руки малолѣтнему Цесаревичу Алексію, кто дѣйствительно унаслѣдовалъ всю Россію, кишащую тогда беззаконіемъ на всѣхъ фронтахъ, и вскорѣ потонувшую. Перестала даже называться Россіей, и народъ, упавъ, попалъ въ лапы слугъ антихристовыхъ, своими же руками залилъ Св. Русь потоками крови. Вотъ кто унаслѣдовалъ Царевичъ... Не успѣвшего достигъ 14-лѣтняго возраста, его вмѣстѣ со всей праведной фамиліей зѣвски убили, точно заклали подъ каббалистическими знаками.

Русскій народъ убилъ его прапрадѣдовъ: Императора Петра III и Павла I; затѣмъ убилъ Александра II Освободителя русскаго народа отъ крѣпостнаго права; отравили его дѣда Александра III и отца Николая II разстрѣляли вмѣстѣ со всей семьей. Думали, окаянные, этимъ избавиться отъ наслѣдника, т.е. продолжателя законнаго Царствованія, “Удерживающаго” Россію отъ узаконивающаго Беззаконіе. Удалось сынамъ міра сего внѣшне избавиться отъ богоугодной жизни, съ трагическими послѣдствіями. Но внутренне, духовно-мистически, они только укрѣпили надъ Россіей унаслѣдованную власть божеской Св. Руси, которую еще никакой иной монархъ не унаслѣдовалъ, чтобы быть защитникомъ, ибо имя Алексій съ греческаго означаетъ

“Защитникъ”! И онъ понынѣ царствуетъ надъ Святой “небесной и земной” Русью.

Черезъ страданія и стояніе въ Правдѣ Божіей царство его живо; ждѣть оно “исполненія временъ” подъ защитой законнаго Русскаго Наслѣдника Св. Алексѣя, управляющаго Св. Русью изъ Царства небеснаго съ вѣрными своими слугами, мучениками и исповѣдниками, какъ ушедшими внѣшнѣ съ нимъ, такъ и оставшимися міру невѣдомыми, скрытыми отъ мірскаго глаза, живыми страсто-терпшами. Жива эта рать Св. Цесаревича надъ духовно живыми русскими людьми по всей Св. Руси!

У Св. Царя Николая Александровича долго не было наследника, все рождались дѣвочки. Вся внѣшняя и духовная Россія вымаливала Наслѣдника. Въ Саратовѣ во время прославленія Прп. Серафима (напивавшаго за 70 лѣтъ впередъ письмо Государю!), по предказанію Блаженнаго Паши, что родится наконецъ-то Наслѣдникъ, дарованъ былъ Россіи наследникъ — Прекрасный сынъ. Но, увы, больной смертельной болѣзью (темо-филией), страданія его были предопредѣлены, страданія споспѣшествовали ему въ краткой жизни, страданіями онъ и закончилъ свой коротенькій вѣкъ!

Вся Россія вымаливала его здравіе. Сколько святыхъ людей было на Руси въ то время и никто не могъ помочь ему, облегчить, остановить царское кровопролитіе. Нашелся неизвѣстный нѣкій странникъ Григорій, который даже на разстояніи изцѣлялъ. Онъ былъ незамѣнимъ.

Врагамъ нужно было очернить святую царскую семью и съ этой цѣлью напали на этого простецу-странника, используя его какъ “козла отпущенія”. Гоненіе на него не прекращалось. Даже высшее священноначаліе “анаематствовало” его. Но онъ продолжалъ исцѣлять даже въ 1916 году, получивъ у Царевича наименование “нашъ другъ”. Въ Ставку Царя писала сыну: “Посылаю тебѣ двѣ розы отъ нашего друга — положи одну въ Евангеліе...” (9-го Августа 1916 г.)

Страсти накалялись. Рѣшено было его убить, были попытки. Говорятъ, тогда странникъ Григорій сказалъ пророческіе страшные слова, что если его уубьютъ, то уубьютъ вѣдущее священноначаліе, уубьютъ Царя, погибнетъ и Россія, и даже не будетъ страна сія называться Россіей, исчезнетъ Россія географически.

И пророчество исполнилось. Страшной смертью закололи и еще живыхъ бросили въ каналъ утопить Григорія. Разстрѣляли Кіевского Митрополита Владимира, положивъ этимъ начало миллионному геноциду русскаго народа. Зѣфрски убили всю Царскую семью. Липили Россію ея имени, какъ бы стерѣть съ лица земли. И даже одного епископа Исидора, посмѣвающаго отпѣвать Григорія, развирѣвѣвшая разнузданная чернь растерзала живьемъ, посадивъ на колѣ...*

Совѣтская пропаганда, машина покрыла всю историческую правду ложью какъ паутиной, всаявая въ ГУЛАГъ инакомыслящихъ. А новое государство повѣсило “жельзный занавѣсъ”, чтобы держать русскихъ въ своей странѣ какъ въ тюрьмѣ.

И тьма опустила на русскую землю. Страданія земныя умножились въ прежней пышной богатой и Богоугодной Россіи...

Съ небеснаго царскаго трона Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй видѣть русское горе и своимъ вѣроподданнымъ таинственно помогаетъ, но не въ земномъ планѣ! Какъ онъ самъ страдалъ на землѣ, такъ и его вѣрныя слуги тоже должны избрать долю “блаженныхъ нищихъ духовъ” (т.е. лишенныхъ земныхъ удовольствій), ибо блаженство дается тѣмъ, кто способенъ видѣть духовныя снѣности, любить ихъ больше, чѣмъ земное благополучіе. Тѣ — подъ ЗАЩИТОЙ у законно “царствующаго” Св. Алексѣя-Защитника, который

Священномученикъ
Епископъ Исидоръ.

*Есть въ воспоминаніяхъ одного валаамскаго послушника, впоследствии Игумена Филимона, интересный моментъ, дающій заглянуть въ душу этого епископа Исидора. Въ 1911 году тихій и незамѣтный свѣтитель оказался въ опалѣ и прибылъ на Валаамъ и былъ въ монастырской гостиницѣ, гдѣ послушникъ Феопетъ проходилъ свое послушаніе. Въ гостиницѣ всегда шумно, много и высокопоставленныхъ посѣтителей. Однажды его послали принести самоваръ въ номеръ Епископа Исидора. Съ самоваромъ въ рукахъ онъ помолится и открывъ дверь замеръ. Передъ нимъ вокругъ стола сидѣло трое епископовъ съ опальными Исидоромъ и въ полномъ молчаніи въ навзрыль плакали! Слезы ручьями текли обильно по щекамъ маститыхъ архіереевъ. Пораженный послушникъ сразу же сердцемъ почувствовалъ, что имъ была открыта какая-то страшная тайна, и они не могли сдержаться даже въ присутствіи посторонняго лица, такъ болѣзненно была ихъ скорбь. О чѣмъ они плакали? Что они предвидѣли? Вскорѣ историческія событія разгромятъ надъ Русью.

ждеть отъ своего Русскаго народа возвращенія къ жизни по Заповѣдямъ Божиимъ, чтобы братолобие двигало мужескіе души и благоблѣнне женскія.

II СВЕРСТНИКЪ

100-лѣтіе Епископа Нектарія

Жилъ въ городѣ Санъ-Франциско смиреннѣйшій епископъ. Звали его Нектаріемъ (въ міру Олегъ Концевичъ). Родился онъ въ тотъ же годъ, что и Цесаревичъ, и любить его всей душой, хотя лично

ему въ дѣтствѣ не приходилось его видѣть. Воспитывался онъ съ юныхъ лѣтъ подъ старческимъ окормленіемъ у великаго Старца Нектарія Оптинскаго. Семья Концевичей была патриотически настроенной; его братъ Владиміръ изъ любви къ Родинѣ пошелъ добровольцемъ въ армію и погибъ въ первыхъ сраженіяхъ Первой Мировой войны. Это приблизило всю семью къ Церкви. А юный Олегъ уже давно имѣлъ въ сердцѣ преданность къ Царской Семьѣ, особенно благоговѣлъ передъ своимъ сверстникомъ Цесаревичемъ.

Когда грянула кровавая революція, Олегъ сталъ постоянно прислуживать въ церкви и отъ близости къ монастырской идеології тайно мечталъ о пустынныхъ, лѣсныхъ заброшенныхъ келліяхъ, гдѣ бы можно было въ уединеніи вымалывать спасеніе Россіи отъ ея враговъ.

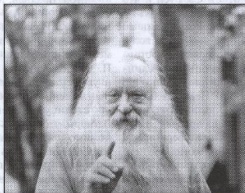
Разъ во время богослуженія служащій багושка съ трепетомъ въ голосъ послалъ его на колокольню извѣстить всѣмъ страшную вѣсть, что разстрѣляны Цесаревичъ и вся Августѣйшая фамилія. Въ ужасѣ помчался съ рыданіемъ сверстникъ извѣстить народу печальнымъ заулокимымъ звономъ о случившемся злодѣяннѣ, подобномъ Убіенію Царевича Дмитрія въ Угличѣ. Какъ повѣдать онъ намъ, съ каждымъ ударомъ мощнаго колокола онъ ощущалъ, какъ въ душу вбѣдрялась безысходная боль объ уходящей Св. Руси, ея укладѣ тихой божеской жизни, и эта тоска съ того момента на колокольнѣ вселилась въ него на всю жизнь, и хотя онъ обладалъ по природѣ спокойнымъ жизнерадостнымъ характеромъ, и даже даромъ остроумія и юмора, тѣмъ не менѣе грусть душевная никогда не покидала его. Цесаревича нѣтъ, нѣтъ продолженія царской власти, нѣтъ будущности, а современное, что окружало его и быстрымъ шагомъ захватывало всю Россію, стало такимъ скучнымъ и сѣрымъ. И хотя съ годами Господь привелъ его обшаться со святыми людьми (какъ святой жизни

Епископъ Онуфрій въ Харьковѣ и другіе, которымъ онъ прислуживалъ), безотрадной стала казаться ему жизнь. Всю жизнь онъ ощущалъ крестъ избранничества отъ міра сего, быть вѣрнымъ памяти Государя и его Наслѣдника, хотя объ этомъ было крайне опасно даже и подумать. И онъ молчалъ, какъ бы затаивъ глубоко въ сердцѣ эту сладко-печальную боль.

Во время войны, уже потерявъ все, включая Родину, онъ оказался въ Германіи, подъ бомбежкой въ Берлинѣ. Потомъ на югъ Германіи и послѣ окончанія войны попалъ въ благообильную Америку, но тихая тоска по прошлому Императорской Россіи его не покидала. Онъ вѣрилъ слѣпо въ воскресеніе Руси, хотя жизнь пульсировала въ противоположную сторону, удаляясь все дальше и дальше отъ того благороднаго образа жизни, который оплакивалъ онъ на колокольнѣ въ тотъ злосластный день.

Уже будучи въ епископскомъ санѣ и принимая участіе въ прославленіи Св. Праведнаго Иоанна Кронштадскаго, онъ ожидалъ приближенія Столѣтія со дня рожденія Императора Николая II. Тогда смѣло прозвучалъ голосъ Св. Иоанна Максимовича, его правящаго архіерея, что пора прославить всѣхъ новомучениковъ съ Государемъ и Царской фамиліей. Запретяло отъ радости сердце Епископа Нектарія, не смущаясь тѣмъ, что поголовно всѣ помѣстныя Православныя Церкви, кромѣ Сербской, подняли шумъ протеста въ угоду власти имущихъ князей міра сего. Уединившись, крѣпко помолвившись, съ благословеніемъ Св. Владыки Иоанна, онъ составилъ докладъ о значеніи съ православной точки зрѣнія Царской власти и что обозначаетъ сверженіе ея. Царь, по ученію Апостола Павла, есть "Удерживающій" мировое зло. Епископъ Нектарій считалъ, что Царь-Мученикъ "силѣнъ слудъ съ лица Русской Земли всю нечистоту богоборческой власти". Вотъ слова его доклада: "...Необходимо, помимо нашего сугубаго покаянія, прославить Государя ВО ГЛАВЬ всѣхъ Русскихъ Новомучениковъ... Тогда, вѣрнѣе, Свѣтлая Душа Государя, печальника страждущей Россіи, поклонится Престолу Божию и сотворитъ сугубую молитву о спасеніи Россіи и о насъ зрѣющихъ. Кровь мученическая вопіетъ къ Богу. И Господь, видяшиа ишему покаяніюмъ доиди и..."

"См. "РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ" № 3, 1991, с. 33.

Владыка Нектарій

услышавъ святую молитву Своего смиреннѣйшаго раба — нашего Царя-Мученика въ СИЛЬ СОТВОРИТЬ чудо и, снѣвъ съ совѣсти Русскаго Народа тяжкій грѣхъ царевниста, дыханіемъ устъ Своихъ можетъ СДУ-НУТЬ съ лица русской земли коммунистическое иго и всю нечистоту божоборческой власти... и ВОСКРЕСИТЬ СВЯТУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ РУСЬ.

И свершилось. Одна только маленькая группа Русскихъ православныхъ на фонѣ всѣхъ помѣстныхъ Церквей, отказавшихся отъ признанія святости Новомучениковъ Россійскихъ, открыто заявила по всему міру, что она вѣрна Гонимой Св. Руси и что Правда восторжествуетъ. Хотя и были среди своихъ же протесты, чтобы прославить не съ Государемъ во главь, но тайна, окришавъ смиренному епископу, сверстнику Защитника Руси Цесаревича, восторжествовала. Во время Прославленія онъ былъ единственный клирикъ, раньше жившій въ Россіи и по благословенію Стара Оптинскаго Нектарія состояній въ Московской Патріархіи, въ лицѣ его она сподобилась потаенно участвовать въ прославленіи.

Прославленіе съ Царемъ во главь свершилось! «Теперь будемъ ожидать того дня, когда рухнетъ СССР», — говорилъ онъ намъ. «Ждите и молитесь...» Онъ благословилъ строить въ своей епархіи первый храмъ Новомученикамъ, самъ закладывалъ первый камень. Ночью послѣ этого события онъ повѣдалъ намъ, что не дожидаясь волеюгнаннаго дня освященія храма и освобожденія Руси. Въ его глазахъ не было особой печали, ибо онъ глубоко вѣрилъ, что несмотря на халатность и нѣкое равнодушіе русскихъ къ принципамъ Царской Св. Руси, въ свободномъ мірѣ «наше дѣло сдѣлано!» — говорилъ онъ. «Теперь новообращенные изъ Американцевъ, Австралийцевъ и еще неспросвѣщенныхъ народовъ подхватятъ огоньскъ искупытельной Истины Новомучениковъ и принесутъ плодъ Господу». Подумавъ, добавилъ: «Да, вотъ еще сдѣлывало бы прославить Святителя Аверкія, не дожившаго до прославленія и котораго ужъ «наши не прославятъ по зависти...» Мы встали, повернулись къ иконамъ и пропѣли величаніе Аверкію, ревнителю Новомучениковъ, какъ бы вдогонку ко всѣмъ его божественнымъ героямъ — и такъ прославили его, котораго праведникъ-американецъ О. Серафимъ видѣлъ въ видѣніи, какъ на небѣ вся Россія умученная праздновала свое воскресенье. И это было въ ночь его перваго дня ангела на небѣ — Святаго Равноапостальнаго Аверкія.

Прошелъ годъ. Ко дню памяти Новомучениковъ храмъ былъ построенъ. Но епископъ былъ плохъ и послалъ меня на малое освященіе. Во время ехаристического канона мнѣ сообщили, что въ Санъ-Франциско только что преставился Епископъ Нектарій. Его душа отлетѣла ко Господу по освященіи перваго храма Новомученикамъ въ тотъ

моментъ, когда пѣли «Милость мира, жертву хваленія...» Это было въ Январѣ 1983 года, а черезъ только 8 лѣтъ совѣтскій міръ палъ! Какъ Моисей, онъ не дождался своей страны обѣтованной, ибо душа его уже была готова для той страны небесной, гдѣ ждать его имъ прославленный Сверстникъ, Св. Цесаревичъ Алексѣй.

III КАКЪ МОЙ ДѢДЪ УТЪШАЛЪ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ

Мой прадѣдъ, Михаилъ Васильевичъ Фокинъ, былъ родомъ изъ города Сапожокъ Рязанской губерніи. Изъ купеческаго сословія, онъ былъ человѣкомъ предприимчивымъ и добился положенія метръ-дѣ-отеля при Дворѣ Императора Александра II, завѣдывалъ также Яхъ-клубомъ, устраивая приемы и угощенія для знатныхъ особъ. Въ 1863 году, по приглашенію Петербургской Филармоніи, прибылъ въ столицу знаменитый композиторъ Рихардъ Вагнеръ, чтобы дать серію концертовъ, въ которыхъ поммо прекрасно исполненныхъ симфоній Бетховена, познакомилъ нашу русскую музыкальную элиту со своими произведениями, оставившими сильное впечатлѣніе. Россія узнала Вагнера, юный Чайковский былъ пораженъ. Позднѣ Императоръ Николай II считалъ Вагнера своимъ любимымъ композиторомъ. Были планы поставить его оперу «Лоэнгрингъ» и, хотя тогда этому не суждено было быть, однако его почитатели готовились, прѣзжали изъ разныхъ сторонъ. Одной изъ таковыхъ была молодая артистка-хористка Екатерина Киндъ, родомъ изъ Манхейма. Въ Петербургѣ она познакомилась съ обшительнымъ Фокинымъ и позавтила была Вагнеръ! Свадьба была пышной. Артистическая черта передалась дѣтямъ.

У нихъ была дочь и четыре сына. Старшіе были очарованы балетомъ, который въ то время въ Россіи былъ на высотѣ, но балетнымъ профессионаломъ стать только младшій сынъ, вопреки желанію отца. Онъ оказался очень способнымъ, былъ принятъ въ Театральное училище и впоследствии сталъ знаменитымъ на весь міръ балетмейстеромъ Михаиломъ Фокинымъ. Старшіе его братья тоже отличались артистическими талантами, одинъ былъ выдающимся актеромъ въ Пермскомъ театрѣ, а другой оказался въ Америкѣ и его видѣли на Голливудскихъ экранахъ. Но третій сынъ Александръ, мой дѣдъ, пошелъ въ отца, былъ предприимчивымъ, большой спортсменъ, бралъ призы на лодочныхъ гонкахъ, яхтахъ и на велосипедахъ. Отъ Государя Николая II получилъ призъ «Первый вѣздокъ Россіи на велосипедѣ». Преуспѣвъ съ послѣдними, онъ открылъ свой велосипедный магазинъ, а затѣмъ, когда появились автомобили, то у него оказался первый въ столицѣ фешенебельный автомобильный

магазинъ. Однимъ изъ первыхъ покупателей былъ Вел. Князь Сергій Александровичъ Романовъ, впоследствии Новомученикъ.

Къ этому времени появилось кинематографическое увлеченіе и часто неподходящаго содержания для молодого поколѣнія. Дядю захотѣлось создать что-либо полезное для всей семьи. Онъ рѣшилъ создать свой театръ съ цѣлью, чтобы художественные спектакли насаждали болѣе нравственныя цѣли. Онъ превратилъ свой автомобильный гаражъ-магазинъ на Троицкой улицѣ въ "Троицкій Театръ Миниатюръ" съ постановками небольшихъ пьесъ по доступнымъ цѣнамъ и творческихъ музыкальныхъ спектаклей, приглашая молодыхъ музыкантовъ, артистовъ, художниковъ. Дѣло быстро пошло, соединивъ прекрасное съ полезнымъ.

Однажды утромъ онъ попросилъ свою школьницу-дочь принести въ школьные учебники. Собравъ своихъ сценаристовъ и художниковъ, онъ предложилъ имъ сочинить веселую музыкальную пьесу на школьную тему. Въ результатѣ на основѣ популярныхъ современныхъ мелодій была поставлена веселая пьеса про плохого ученика, двоесника, проваливающаго свои экзамены и, несмотря на балерину Шпартгалку (роль исполняла моя бабушка, Александра Феодоровна Фокина) и др., онъ буквально проваливается сквозь полъ, подъ восторженные аплодисменты. "Ивановъ Павелъ" былъ большой успѣхъ, весь Петербургъ напѣввалъ эти мелодіи, вся Россія.

Въ 1916 году пришелъ молодой человекъ и сказалъ: "Моя фамилія Вырубовъ, я преподаю уроки игры на балалайкѣ Наслѣднику Алексѣю Николаевичу. Пришелъ по порученію Его Величества Государя Николая Александровича, ввиду того, что члены царской фамиліи не имѣютъ права посѣщать частныя театры, а Наслѣдникъ очень интересуется "Ивановымъ Павломъ", имѣть эту пьеску и, зная ее наизусть, постоянно напѣвваетъ всѣ мелодіи, то Государь проситъ Александра Михайловича поставить спектакль въ Красносельскомъ театрѣ, чтобы доставить это удовольствие своему сыну Алексѣю Николаевичу". Конечно, дѣду мой былъ счастливъ исполнить это желаніе Государя, котораго онъ почиталъ и любилъ. Дѣтумъ спектакль состоялся. Дѣду стоялъ за кулисами и смотрѣлъ на Царевича Алексѣя, съ какимъ восторгомъ онъ слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ и какъ смѣялся и аплодировалъ. Въ восторгъ прижавъ колѣни къ животу, заливался смѣхомъ.

По окончаніи дѣду сказали, что Государь хочетъ лично его поблагодарить. Дѣда представили, Государь пожалъ дѣдушкину руку и трогательно поблагодарилъ. Сердце его ликовало: "Какой онъ очаровательный, какіе лучистые незабываемые глаза, глаза святого. Благодатный". Дядю счаст-

ливую онъ до гроба сохранилъ о своемъ Государѣ, обаятельномъ, необыкновенномъ, почитаемомъ. А дѣтумъ потомъ говорилъ шутя: "Цѣлуйте мою руку, въкъ не буду ее мыть". Позже отъ Государя онъ получилъ золотыя часы. Такъ сподобился утѣшить Цесаревича и самаго отца столь большого сына, жить которому далъ русскій народъ еще только два года.

Послѣ шести десятковъ лѣтъ изгнанники русскіе, разбѣянные по лицу вселенной, наконецъ-то въ 1981 году прославили свѣтлую память безчисленнаго сонма мучениковъ съ Государемъ во главѣ. Но на Руси, скванной страхомъ Лубянки, Государь и Его Святой Наслѣдникъ оставались скрыты отъ народа, бывшаго Богоносцемъ. Эмигранты, какъ безпочвенники безъ Родины, вяло почитаютъ память Царственныхъ страстотерпцевъ. Забывается на чужбинѣ языкъ родной, замѣняются старыя обычаи инославными. Забывался и Царь. Царь нуженъ Россіи.

Внучкъ моего дѣда Нѣ Димитріевнѣ, пламенной почитательницѣ Царской семьи, горько стало на душѣ ввиду недостатности Россіи до Государя, взмолилась она и осянула ея святая мысль: заказать икону Царя какому-нибудь благоговѣйному иконописцу съ надписью: "Къ прославленію Государя въ Россіи". Со страхомъ Божіимъ отслужилъ я Царю молебень передъ началомъ святаго дѣла. Освятить икону по исполненіи заказа Святитель Константинъ, отпечатали тысящи копій разныхъ размѣровъ и отпечатали въ Россію съ просьбой Царю Батюшкѣ слѣдять по вѣрѣ Владыки Нектарія возможномъ прославленіе Его на необъятной Руси.

И услышалъ Господь! Раздавалъ я вездѣ иконы, а одну предназначилъ для Рязани, и съ этой копій произошло миротеченіе, съ небеснымъ благоуханіемъ, что есть символъ примиренія съ Богомъ. И пошелъ чудеса. Царь пошелъ по Руси, даже облетѣлъ всѣ ея предѣлы-границы.* А въ годъ Двухтысячный по пришествію Христа на землю вся Русская Церковь на Руси наконецъ-то прославила своихъ Новомучениковъ съ Царемъ во главѣ!

Святой Царь слѣдуетъ свое дѣло! Цесаревичъ Защищаетъ свой народъ. Остальное за русскимъ народомъ — съ Богомъ ли онъ?

Россія смертельно была ранена серпомъ и молотомъ. Но душа жива! Страна нуждается въ дѣятеляхъ-просвѣтителяхъ. Спаситель сказалъ: "Жатвы много, а дѣятелей мало, и такъ молите Господина жатвы, чтобы выслалъ дѣятелей на жатву Свою. Идите, Я посылаю васъ какъ агнецы среди волковъ" (Лк. 10:2-3). И добавляетъ: "Не бойся, малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ Царство" (Лк. 12:32).

Аминь.

О. Г. П.

**ПРП. ГЕРМАНЪ АЛЯСКИНСКІЙ. Портретъ-миніатюра
работы иконошницы Елизаветы Яновской. 1865 г.**

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГИЯ

ПОЛНЫЙ Валаамскій ПѢтерикъ

Преп. Германъ Аляскинскій

О МОНАСТЫРЬ НА ОСТРОВЪ ЕЛОВОМЪ И ОБЪ УБОГОМЪ МОНАХЪ ГЕРМАНЪ

Память 15-го Ноября (1836 г.)

2

ПРИМА ВИТА — первое издание Житія было составлено самим
Игуменомъ Дамаскинымъ и издано Валаамскимъ монастыремъ въ 1868 году, 30 лѣтъ послѣ кончины
Прп. Германа. Издавая этотъ рѣдкій первоисточникъ, мы раздѣлили его по главамъ съ дополненіями въ
квадратныхъ скобкахъ въ самомъ текстѣ и съ замѣтками по ходу повѣствованія.

Въ уѣзду пустыннолюбія Прп. Германа, пустыня его до сегодняшняго дня
осталась такой же, какъ и была при немъ. Этотъ подлинникъ удѣль монашестеующихъ
бережно хранящъ какъ тайну самъ перевозчикъ св. острова, "убогій Германъ",
какъ любилъ себя называть Преподобный.

1. ПРИНОШЕНІЕ ИГУМЕНА ДАМАСКИНА

Въ 1793 ГОДУ изъ мона-
ховъ Валаамскаго монастыря была
составлена первая Духовная Миссія и отправлена для
проповѣди слова Божія дикимъ обитателямъ сѣверо-
западной Америки, которые за десять только лѣтъ
передъ этимъ стали поступать въ подданство Россіи.
Въ числѣ членовъ этой Миссіи были монахи Германъ.

По отбытіи съ Валаама, время отъ времени, увѣ-
домляли миссіонеры своихъ братьевъ о Христѣ и своихъ
дѣйствіяхъ*. Хотя эти увѣдомленія, вѣроятно, про-

"Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки."
Мф. (5:16).

должались во все время пребыванія валаамскихъ
монаховъ въ Америкѣ, но такъ какъ ихъ въ архивѣ
монастырскомъ не сохранилось, то Валаамскому
монастырю были извѣстны труды и судьба его отда-
ленныхъ братьевъ только изъ сочиненій г. Стурдзы* и
нѣкоторыхъ другихъ**, въ которыхъ за изложеньемъ
общаго хода евангельской проповѣди въ Россійско-
Американскихъ владѣніяхъ и особенно важныхъ
случаевъ изъ жизни самихъ проповѣдниковъ, не
доставало извѣстій объ одномъ монахѣ Германѣ. Эти
послѣднія извѣстія принесены были на Валаамъ въ

*Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстни-
ковъ русскихъ съ 1796 по 1853 гг., М, 1857.

**Рукописное описаніе кругосвѣтнаго плаванія
Александро-Невскія Лавры Іером. Гедеона, и проч.

*Письма ихъ напечатаны въ *Очеркахъ Россіи* Вадима
Пассека, кн. 5, М, 1842, сс. 224-36.

конец 1864 года одним богомольцем, проживавшим около десяти летъ по своимъ надобностямъ въ Америкѣ и лично знавшимъ ближайшаго ученика О. Германа, креола Герасима Иванова Зырянова, рассказалъ котораго и переданъ былъ имъ письменно настоятелю Валаамскаго монастыря.

Побуждаемый желаніемъ получить болѣе подробныя свѣденія о Старцѣ, а частію и подтвердить свѣденія, уже сообщенныя, настоятель въ томъ же 1864 году обратился съ письменными просьбами къ высокопреосвященному Иннокентію, архіепископу Камчатскому и Алеутскому, къ преосвященному Петру, бывшему епископу Ново-Архангельскому, и къ викарію Камчатской епархіи, и къ ученику монаха Германа, креолу Герасиму Зырянову.

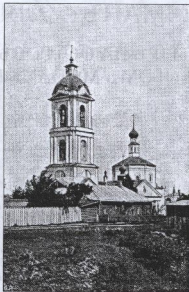
Покаплы эти просьбы за океанъ, изъ г. Калуги въ 1865 году получено было валаамскимъ игуменомъ письмо отъ Семена Ивановича Яновскаго. Въ этомъ письмѣ г. Яновскій объяснилъ, что лично знаетъ “бывшаго монаха Валаамскаго монастыря, О. Германа, почтеннаго святаго мужа, великаго подвижника”, сохранилъ у себя два письма, “какъ драгоценность отъ св. Старца, бывшаго его наставника, котораго память для него священна”, и предлагалъ доставить о. игумену какъ названныя два письма, такъ и нѣкоторыя интересныя свѣденія о жизни Старца. Началась переписка: доставлены свѣденія о Старцѣ, “оставленные отъ души, со стараніемъ, какъ бы получше и повѣрнѣе”, — и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснилось, что сообщившіи ихъ, С. И. Яновскій, съ 1817 по 1821 годъ былъ главнымъ правителемъ всѣхъ Россійско-Американскихъ колоній и что теперь, по его выраженію, “онъ болѣзненный старецъ, 77-ой годъ ему, стоитъ на краю могилы, — и почему знать, можетъ быть, Господь и жизнь его длить, чтобы передать свѣденія о жизни святаго Старца”.

Затѣмъ на письма О. Игумена, отправленные за океанъ въ 1867 году получены отвѣты. Высокопреосвященный Иннокентій подтвердилъ сущность чудеснаго избавленія его отъ потопленія, по молитвамъ О. Германа**, о которомъ избавленія сооб-

щили, между прочимъ, свѣденіе помянутой богомольцы валаамской; а преосвященный Петръ доставилъ свѣденія о Старцѣ, которыя, какъ онъ самъ подтверждаетъ, по его порученію собиралъ и написалъ кадьякскій житель Константинъ Ларионовъ, достойный довѣрія. “Я не знаю, — писалъ при этомъ преосвященный О. Игумену, — доставить ли вамъ кадьякскій креоль Герасимъ Зыряновъ какія-нибудь свѣденія объ Отцѣ Германѣ; а я со своей стороны поручалъ кадьякскому священнику и кадьякскому уроженцу, креолу Константину Ларионову написать мнѣ все, что они знаютъ, или отъ другихъ слышали объ О. Германѣ. Что могъ собрать, то при семь провожаю къ Вамъ”.*

Такъ собраны на Валаамѣ вполне достовѣрныя свѣденія о жизни О. Германа. Въ этомъ неожиданномъ собраніи свѣденій ровно черезъ 30 летъ послѣ смерти Старца, предрекашаго, что именно въ это время вспомнить о немъ, какъ бы слыша его заѣтъ его духовнымъ родственникамъ, обитателямъ любимаго имъ Валаама, мы стараемся теперь, на основаніи исчисленныхъ источниковъ, въ воспоминаніе о блаженномъ нашемъ Отцѣ, изобразить черты его жизни.

2. СЕРПУХОВЪ

Серпуховъ, Срѣтенская церковь въ 1910 г. — приходъ, къ которому были приписаны купцы Зыряновы, очевидно, родители Прп. Германа.

Ныгѣ церковь въ руинахъ, колокольни вообще нѣтъ.

Монахъ Германъ происходилъ изъ купцовъ города Серпухова Московской епархіи. Какъ онъ назывался до постриженія въ монашество и какая была его фамилія, — неизвѣстно**. Съ самыхъ юныхъ летъ онъ имѣлъ великую ревность къ благочестію [Съ 12-ти летъ живетъ въ Саровѣ. — О. Г. П.], и 16-ти летъ отъ рожденія пошелъ въ монахи.

Сначала поступилъ онъ въ Троицко-Сергіеву пустынь, лежащую близъ Финскаго залива, на петергофской дорогѣ, въ 15-ти верстахъ отъ С.-Петербурга. Въ то время Сергіева пустынь была приписана къ Троице-Сергіеву Лаврѣ и управлялась строителями, присылаемыми изъ Лавры. Вѣроятно, О. Германъ какъ сосѣдь г. Москвы, бывалъ въ Москвѣ и посещалъ Свято-Троицкую московскую Лавру; тамъ имѣлъ случай узнать о святой отрасли св. Лавры,

*Подлинныя письма его въ Канцеляріи Валаамскаго монастыря, въ дѣлѣ за № 15, 1859 г.

**Письмо отъ 1-го Марта 1867 г. — Тамъ же.

*Подлинное письмо отъ 9-го Сентября 1867 г. за № 55 — Тамъ же.

**См. статью Винокурова — Р. П. № 31.

Троишко-Сергіевъ петербургской пустыни, — и это, можетъ быть, и было поводомъ къ поступленію его въ пустынь.*

О Въ Сергіеву пустыню съ О. Германомъ, между прочимъ, былъ слѣдующій случай. На горѣ съ правой стороны подъ бородой образовался у него нарывъ: боль была острая, опухоль быстро возростала и обезобразила все лице, весьма трудно было глотать, запахъ былъ нестерпимый. Въ такомъ опасномъ положеніи, ожидая смерти, О. Германъ не обратился къ земному врачу, но затворивъ келью, съ теплою молитвою и слезами припалъ онъ предъ образомъ Царицы небесной, прося у Ней исцѣленія; молился всю ночь, потомъ мокрымъ полотенцемъ оберъ ликъ пречистой Владычицы и этимъ полотенцемъ обвязалъ свою опухоль; продолжалъ молиться со слезами, въ изнеможеніи заснулъ на полу, и видѣлъ во снѣ, что его исцѣлила Пресвятая Дѣва. Наутро просыпается, встаетъ и къ великому удивленію находитъ себя совершенно здоровымъ: не прорвавши нарыва, опухоль разошлась, оставивъ по себѣ только малый значокъ, какъ бы въ воспоминаніе чуда. Врачи, которымъ рассказывали объ этомъ исцѣленіи, не вѣрили, доказывая, что необходимо было нарыву или самому прорваться, или быть прорѣзаннымъ; но слова врачей были слова опыта немощи человѣческой, а гдѣ дѣйствуетъ Божія благодать, тамъ чинъ естества побѣждается. — Такія явленія смиряютъ умъ человека подлѣ крѣпкую руку милосердія Божія!

Сергіева Пустынь, Свято-Троицкій соборъ, гравюра 18-го вѣка, время Прп. Германа.

3. ВАЛААМЪ

Пять или шесть лѣтъ проживавъ О. Германъ въ Сергіеву пустыни и потомъ перешелъ въ Валаамскій монастырь, широко раскинувшійся въ архипелагъ величественныхъ острововъ, среди необозримыхъ водъ Ладожскаго озера. Всею душою полюбилъ онъ Валаамскую обитель; полюбилъ незабвеннаго настоятеля ея, великаго Старца Назарія, и всю братію. «Вашихъ отеческихъ мнѣ убогому благодѣяній, — писалъ послѣдствію О. Назарію изъ Америки, — не излагать изъ моего сердца ни страшныя неподходящія сибирскія мѣста, ни лѣса темныя, ни быстрины великія рѣкъ не смоютъ, никакія грозныя

океанъ не угаситъ чувствъ оныхъ. Я въ умѣ воображаю любимый мною Валаамъ, на него всегда смотрю чрезъ великій океанъ». Старца Назарія въ своихъ письмахъ величалъ онъ «преподобнѣйшимъ, любезнымъ своимъ батюшкой», а всю валаамскую братію — «любезною и дражайшею». Пустынный Еловый островъ, мѣсто своего жительства въ Америкѣ, назвалъ онъ «новымъ Валаамомъ». И, какъ видно, всегда находился въ духовномъ общеніи съ своею духовной родиной; ибо уже въ 1823 году, слѣдовательно черезъ тридцать лѣтъ пребыванія своего въ предѣлахъ американскихъ, писалъ письма къ преемнику О. Назарія, Игумену Иннокентію.

Вотъ что говорилъ о жизни О. Германа на Валаамѣ современникъ его, постриженникъ О. Назарій и послѣдствію игуменъ Валаамскій, О. Варлаамъ. Отецъ Германъ проходилъ здѣсь разныя послушанія и, какъ «на все благое уготованный», между прочимъ, былъ посланъ въ г. Сердоболь для надзора за работами при производившейся тамъ мраморной лѣлкѣ. Любили братія Отца Германа и съ нетерпѣніемъ ожидали его возвращенія изъ Сердоболя въ обитель. Испытавъ ревность молодого подвижника, мудрый Старецъ О. Назарій отпустилъ его на жительство въ пустыню.

Пустыня эта находилась въ глухомъ лѣсу, версты полторы разстояніемъ отъ обители; доннѣ мѣстность ея сохранила названіе «Германово». По праздникамъ приходилъ О. Германъ изъ пустыни въ монастырь. И бывало, на малой вечернѣ, стоя на клиросѣ, пріятнымъ теноромъ пѣвалъ онъ съ братією припѣвы канона: «Исусе сладчайшій, спаси насъ грѣшныхъ», «Пресвятая Богородице, спаси насъ», — а слезы градомъ лились изъ его очей.

Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія разширились предѣлы святой Россіи на сѣверѣ: дѣятельностію русскихъ промышленниковъ открыты были тогда Алеутскіе острова, составляющіе на великомъ океанѣ цѣпь отъ восточнаго берега Камчатки до западнаго берега сѣверной Америки. Съ открытіемъ острововъ обнаруживалась священная необходимость — просвѣтитъ свѣтомъ евангельскимъ дикихъ ихъ обитателей. Для этого святаго дѣла, по благословенію св. Синода, высокопресвященный митрополитъ Гавріилъ поручилъ Старцу Назарію избрать способныхъ людей изъ братіи валаамской. Избрано было десять человѣкъ, въ числѣ ихъ и

*См. слѣдующій № 33 Р.П.

О. Германъ. Въ 1794 году отпразднаны избранники изъ Валаамъ къ мѣсту ихъ великаго назначенія. Святою ревностью проповѣдниковъ быстро разливался свѣтъ проповѣди евангельской между новыми сынами Россіи: нѣсколько тысячъ язычниковъ приняли христіанство; заведена школа для образованія новокрещенныхъ дѣтей; выстроена церковь въ мѣстѣ жительства миссіонеровъ; но невѣдомыми судьбами Божиими общіе успѣхи Миссіи были недолговременны. Черезъ пять лѣтъ своей многоплодной дѣятельности, вмѣстѣ со своєю свѣтлою, потонулъ начальникъ Миссіи, Архимандритъ Іоасафъ, возведенный уже въ санъ архіерея; ранѣе его ревностный Іеромонахъ Ювеналій сподобился мученическаго вѣнча; прочіе выбывали другъ за другомъ; наконецъ остался одинъ О. Германъ, и ему благоволилъ Господь долѣе всѣхъ собратій потрудиться подвигомъ апостольскимъ для просвѣщенія алеутовъ.

Прп. Германъ на Валаамѣ, современная гравюра Н. Махлюра.

4. АЛЯСКА

Мы выше замѣтили, что мѣстомъ жительства О. Германа въ Америкѣ былъ островъ Еловой, названный имъ "Новымъ Валаамомъ". Этотъ островъ простирается версты въ двѣ отдѣляется отъ острова Кадьяка, на которомъ построены были деревянный монастырь [Миссія] для помѣщенія членовъ Миссіи и устроена деревянная церковь во имя Воскресенія Спасителя. Островъ Еловой — небольшой*, весь покрытъ лѣсомъ; почти посреди его сбѣгаетъ въ морь маленький ручеекъ; зто-то живописный островъ избралъ для себя О. Германъ мѣстомъ уединенія, выкопавъ на немъ своими руками пещеру въ земль и въ ней провѣлъ первое цѣлое лѣто. Къ зимѣ близъ пещеры компанія выстроила для него келью, въ которой и жить онъ до смерти, а пещеру обратилъ для себя въ мѣсто могильнаго упокоенія. Недалеко отъ кельи возвышалась деревянная часовня и деревянный домикъ для помѣщенія училища и поспитителей. Передъ кельею раскидывался огородъ. Вотъ все поприще великихъ подвиговъ О. Германа въ теченіе болѣе сорока лѣтъ его жизни! — Здѣсь на огородѣ самъ копалъ онъ гряды; садилъ картофель и капусту, сѣялъ разныя овощи. Къ зимѣ запасалъ грибы, солилъ и сушилъ ихъ; соль приготавливалъ самъ

изъ морской воды или разсола. Плетеный коробъ, въ которомъ носилъ Старецъ съ берега морскую капусту для удобренія земли, говорить, былъ такъ великъ, что трудно было его поднять одному, а О. Германъ, къ удивленію всѣхъ, переносилъ его съ капустой, безъ посторонней помощи, на далекое пространство. Въ одну зимнюю ночь случайно ученикъ его Герасимъ увидѣлъ его въ лѣсу, идущаго босикомъ съ такимъ большимъ деревомъ, которое нужно было бы нести четверымъ. Такъ трудился Старецъ, и все, что пріобрѣталъ такими безбѣрными трудами, все это употреблялъ на пропитаніе и одежду для сиротъ — его воспитанниковъ, и на книги для нихъ.

Одежда его была одна зимой и лѣтомъ. Рубашки онъ не носилъ; вмѣсто нея онъ носилъ оленью кухлянку**, которую по восьми лѣтъ не снималъ и не перемѣнял, слѣдовательно шерсть на ней вся вытерлась и кожа залоснилась. Потомъ — сапоги или

башмаки, подрысникъ, ветхая полинялая, вся въ заплатахъ ряса и клобукъ. Въ этой одеждѣ онъ ходилъ вездѣ и во всякую погоду: въ дождь и въ снѣжную мѣтель, и въ бурю зимнюю, и въ сильнѣйшіе морозы.

Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленью, вытершеюся отъ времени шерстью; изголовьемъ — два кирпича, которые подъ голою шкурою или равдугой** оставались незамѣтными для поспитителей; одеяла не было, его замѣняла деревянная доска, лежавшая на печкѣ. Эту доску самъ О. Германъ назвалъ своимъ одеяломъ, завѣщавъ ею покрыть его смертные останки; она была совершенно въ ростъ его. "Въ бытность мою въ кельѣ О. Германа, — говоритъ крестъ Константинъ Ларионовъ, — я грѣшный сидѣлъ на его постели. — и это считаю верхомъ моего счастья!"

Случалось О. Герману бывать въ гостяхъ у правителей компаніи и въ бесѣдахъ душевнспасительныхъ съ ними просиживать до полуночи и даже за полночь; но ночевать онъ не оставался у нихъ и, несмотря ни на какую погоду, всегда уходилъ къ себѣ въ пустыню. Если же по какому-либо особенному случаю и нужно было ему ночевать внѣ кельи, то утромъ находили постель, посланную для него, совершенно нетронутой и Старца всегда неспавшимъ. Точно такъ и въ своей пустыни, проведши ночь въ бесѣдѣ, не предавался онъ отдохновенію.

*10 миль въ длину и 10 миль отъ о. Кадьякъ (Кодьякъ по-современному).

**Родъ рубашки. **Родъ замши.

Валаамскій монастырь времени Игумена Назарія, гравюра Е.Г. Шварца.

Бль Старецъ весьма мало. Въ гостяхъ, чуть отвѣдавъ какого-либо кушанья, оставался онъ безъ обѣда; въ кельѣ очень малая часть небольшой рыбы или овощей составляла весь его обѣдъ.

Тѣло его, изнуряемое трудами, блѣднѣемъ и постомъ, сокрушали 15-фунтовые вериги. Эти вериги въ настоящее время хранятся въ часовнѣ, гдѣ за образомъ Божіей Матери найдены были онъ послѣ смерти Старца, какъ говорятъ одни, или откуда онъ сами выпали, какъ поясняютъ другіе.

Разсказывая о такихъ подвигахъ О. Германа, ученики его, алеутъ Игнатій Алигьяга, прибавлялъ: “Да, трудную жизнь велъ апа”, и никто не можетъ подражать его жизни!”

Описанныя нами черты изъ жизни Старца касаются, такъ сказать, внѣшняго его дѣланія. Главное же дѣло его, говоритъ преосвященный епископъ Петръ, “было упражненіе въ подвигахъ духовныхъ, въ уединенной кельѣ, гдѣ никто его не видалъ, только внѣ кельи слышали, что онъ пѣлъ и совершалъ богослуженіе по монашескому правилу”. Такое свидѣтельство преосвященнаго подтверждаетъ и слѣдующій отвѣтъ самаго О. Германа. Старца спрашивали: “Какъ Вы, Отецъ Германъ, живете одни въ лѣсу? Какъ не соскучитесь?” Онъ отвѣчалъ: “Нѣтъ! Я тамъ не одинъ! Тамъ есть Богъ, какъ и вездѣ есть Богъ! Тамъ есть Ангелы святые! И можно ли съ ними со-

скутиться? Съ кѣмъ же лучше и пріятнѣе бесѣда, съ людьми или съ Ангелами? Конечно, съ Ангелами!”

Какъ смотрѣлъ О. Германъ на туземныхъ жителей Америки, какъ понималъ свое отношеніе къ нимъ и какъ сочувствовалъ ихъ нуждамъ, выражаетъ онъ самъ въ одномъ письмѣ къ бывшему правителю колоній Яновскому.

“Любезному нашему Отечеству, — писалъ онъ, — Творещъ какъ будто новорожденнаго младенца дать изволить край сей, который еще не имѣетъ ни силъ къ какимъ-нибудь познаніямъ, ни смысла; требуетъ не только покровительства, но по безсилію своему и слабога ради младенческаго возраста — самаго поддержанія; но и о томъ самомъ не имѣетъ еще способностей кому-либо сдѣлать свою просьбу. А какъ зависимость сего народнаго блага небеснымъ Провидѣніемъ, неизвѣстно до какого времени, отъ дана въ руки находящемуся здѣсь российскому начальству, которое теперь вручилося нашей власти, — сего ради я, нижайшій слуга здѣшнихъ народовъ и нянька, отъ лица тѣхъ предъ вами ставши, кровавыми слезами пишу вамъ мою просьбу. Будьте намъ отецъ и покровитель. Мы всеконечно краснорѣчія не знаемъ; но съ нѣмнотою младенческимъ языкомъ говоримъ: “Отрите слезы беззащитныхъ сиротъ, прохладите жаромъ печали таюшяя сердца, дайте разумѣть, что значить отрада!”

Какъ чувствовалъ Старецъ, такъ и поступалъ. Предстательствовалъ онъ всегда передъ начальствомъ за провинившихся, заступалъ обижав-

смыхъ, помогать нуждающимся, чѣмъ только могъ, — и алеуты обоего пола и дѣти ихъ часто посѣщали его. Кто просилъ совѣта, кто жаловался на притѣсненіе, кто искалъ защиты, кто желалъ помощи: каждый получалъ отъ Старца возможное удовлетвореніе. Разбиралъ онъ ихъ взаимныя несправедливости, старался всѣхъ мирить; особенно въ семействахъ заботился возстанавливать согласіе. Если не удавалось помирить мужа съ женой, Старецъ на время разлучалъ ихъ. Необходимость такой мѣры онъ самъ объяснялъ такъ: "Пусть лучше врозь живутъ да не дерутся и не бранятся; а то, повѣрьте — страшно, если не развести; были примѣры, когда мужъ убивалъ жену или жена изводила мужа!" Особенно любилъ О. Германъ дѣтей; надѣлялъ ихъ сухариками, пекъ имъ крендельки, и малютки ласкались къ Старцу. Любовь О. Германа къ алеутамъ доходила до самоотверженія.

На корабль изъ Соединенныхъ Штатовъ занесена была на о. Ситху, а оттуда на о. Кадьякъ, повальная, заразительная, смертельная болѣзнь, или язва. Она начиналась жаромъ, сильнымъ насморкомъ и удушьемъ, и оканчивалась колотьемъ; въ три дня человекъ умиралъ. Не было на островѣ ни доктора, ни лѣкарьства. Болѣзнь разилалась по селенію, быстро охватывала окрестности; она дѣйствовала на всѣхъ, даже и на грудныхъ дѣтей. Смертность была такъ велика, что три дня нѣкому было копать могилы, — и тѣла валялись незакрытыми! "Я, — говорить самовидецъ, — не могу представить себѣ ничего печальнѣе и ужаснѣе того зрѣлища, которымъ я пораженъ былъ; постигнувши алеутскій кажимъ! Это большой сарай, или казарма, съ нарами, въ которомъ живутъ алеуты со своими семьями; въ немъ помѣшалось до ста человекъ. Здѣсь одни уже умерли и остыли и лежали подлѣ живыхъ; другіе кончались: стонъ, вопль, раздражающій душу! Я видѣлъ матерей уже умершихъ, по охлажденнымъ грудямъ которыхъ ползало голодное дитя, тѣшное съ воплемъ искавшее себѣ нищи... Кровью обливалось сердце отъ жажды! Кажется, если бы кто могъ достойно кистью изобразить весь ужасъ этой печальной картины, тотъ и въ ожесточенной душѣ возбудилъ бы страхъ смерти. Во все время этой грозной болѣзни, продолжавшейся, съ постепеннымъ умаленіемъ, цѣлый мѣсяць, О. Германъ,

не шая себя, неутомимо посѣщалъ больныхъ, увѣщевалъ ихъ терпѣть, молиться, приносить покаяніе, или приготовлялъ ихъ къ смерти.

5. НОВО-ВАЛААМСКІЙ МОНАСТЫРЬ

Особенно старался Старецъ о нравственномъ преспіянїи алеутовъ. Съ этой цѣлю для дѣтей — сиротъ алеутскихъ устроено было имъ училище; онъ самъ училъ ихъ закону Божію и церковному пѣнію. Съ этой цѣлю въ часовнѣ, близъ его кельи, въ воскресные и праздничные дни собиралъ онъ алеутовъ для молитвы. Здѣсь часы и разныя молитвы читалъ для нихъ ученикъ его, а самъ Старецъ читалъ Апостолъ, Евангеліе и устно поучалъ ихъ; пѣли же его воспитанницы, и пѣли очень приятно. Любили алеуты слушать наставленія О. Германа, и во множествѣ собирались къ нему. Увлечательны были бесѣды Старца, и съ чудною силою дѣйствовали онѣ на слушателей. Объ одномъ изъ такихъ благодатныхъ впечатлѣній своего слова пишетъ онъ самъ.

"Слава судьбамъ святымъ милостиваго Бога! Онъ непостижимымъ Своимъ промысломъ показалъ мнѣ нынѣ новое явленіе, чего здѣсь, на Кадьякѣ я, двадцать лѣтъ живши, не видалъ. Нынѣ послѣ Пасхи одна молодая женщина, не болѣе двадцати лѣтъ, порусски хорошо говорившій умбющая, прежде меня совсѣмъ не знавшая, никогда не виданная, пришла ко мнѣ и, услышавъ о воплощенїи Сына Божія и о вѣчной жизни, столько возгорѣла любовію ко

Прибытіе Валаамскихъ миссіонеровъ въ Америку, къ алеутамъ.
Современная гравюра Н. Макуровъ.

Иисусу Христу, что никакъ не хочетъ отъ меня отойти и сильною просьбою убѣдила меня противъ моей склонности и любви къ уединенію, несмотря ни на какія предлагаемая ей отъ меня препятствія и трудности, принять ее, и болѣе уже мѣсяца у меня жить и не скучаетъ. Я, съ великимъ удивленіемъ смотрю на сіе, поминаю слово Спасителя: что утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ". — Эта женщина жила у Старца до его смерти; она наблюдала за благонаравіемъ дѣтей, учившихся въ его училищѣ, и онъ умирая завѣщалъ ей жить на Еловомъ, и когда она скончается, похоронить ее при его ногахъ. — Называлась она Софья Власова.

О характерѣ и силѣ бесѣды Старца Я[новскій] пишетъ: "Мнѣ было тридцать лѣтъ, когда я встрѣтился съ О. Германомъ. Надо сказать, что я воспитывался въ морскомъ корпусѣ, зналъ многія

науки и много читалъ; но, къ сожалѣнью, науку изъ наукъ, т.е. законъ Божій, едва понималъ поверхностно, и то теоретически, не примѣняя къ жизни, и былъ только по названію христіанинъ, а въ душѣ и на дѣлѣ — вольнодумецъ, деистъ. Тѣмъ болѣе я не признавалъ божественности и святости нашей религіи, что перечиталъ много безбожныхъ сочиненій Вольтера и другихъ философовъ 18-го вѣка. Отецъ Германъ тотчасъ замѣтилъ это и пожелалъ меня обратить. Къ великому моему удивленію, онъ говорилъ такъ сильно, умно, доказывалъ такъ убедительно, что, мнѣ кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять противъ его словъ. Ежедневно беседовали мы съ нимъ до полночи, и даже за полночь, о любви Божіей, о вѣчности, о спасеніи души, о христіанской жизни. Сладкая рѣчь неумолкаемымъ потокомъ лилась изъ устъ его!.. Такими постоянными беседами и молитвами святаго Старца Господь совершенно обратилъ меня на путь истины, и я сдѣлался настоящимъ христіаниномъ. Всѣмъ этимъ я обязанъ О. Герману: онъ мой истинный благодѣтель”.

“Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — продолжаетъ Я[новскій], — О. Германъ обратилъ одного морского капитана [Гегмайстера] изъ лютеранской вѣры въ Православіе. Этотъ капитанъ былъ весьма образованъ; кромѣ многихъ наукъ, онъ зналъ языки: русскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій и нѣсколько испанскій, — и за всѣмъ тѣмъ онъ не могъ устоять противъ убѣжденій и доказательствъ О. Германа: перемѣнилъ свою вѣру и присоединенъ къ Православной Церкви чрезъ миропомазаніе. Когда отъѣзжалъ онъ изъ Америки, Старецъ при прощаніи сказалъ ему: “Смотрите, если Господь возьметъ Вашу супругу у Васъ, то Вы никакъ не женитесь на нѣмкѣ; если женитесь на нѣмкѣ, она непремѣнно повредитъ Ваше православіе”. Капитанъ далъ слово, но не исполнилъ его. Предостереженіе Старца было пророчествомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно умерла жена у капитана, и онъ женился на нѣмкѣ; вѣроятно, оставилъ или ослабилъ вѣру, и умеръ скорострительно, безъ покаянія.

Далѣе говоритъ Я[новскій]: “Однажды пригласили Старца на фрегатъ, пришедшій изъ С.-Петербурга. Капитанъ фрегата былъ человѣкъ весьма

ученый, высокообразованный; онъ былъ присланъ въ Америку по Высочайшему повелѣнію для обривозанія всѣхъ колоній; съ капитаномъ было до двадцати пяти человѣкъ офицеровъ, такъ же людей образованныхъ. Въ этомъ-то обществѣ сидѣлъ большаго роста, въ вѣтхой одеждѣ, пустынный монахъ, который своею мудрой бесѣдою всѣхъ образованныхъ собесѣдниковъ своихъ привелъ въ такое положеніе, что они не знали, что ему отвѣчать. Самъ капитанъ разсказывалъ: “Мы были безотвѣтны, дураки предъ нимъ!” О. Германъ сдѣлалъ всѣмъ имъ одинъ общій вопросъ: “Что вы, господа, болѣе всего любите и чего бы каждый изъ васъ желалъ для своего счастья?” Посыпались разные отвѣты. Кто желалъ богатства, кто — славы, кто — красиваго жену, кто — прекраснаго корабля, на которомъ бы онъ начальствовалъ, и такъ далѣе въ этомъ родѣ. “Не правда ли, — сказалъ имъ на это О. Германъ, — что всѣ ваши разнообразныя желанія можно привести къ одному, — каждый изъ васъ желаетъ того, что по его понятію, считаетъ онъ лучшимъ и болѣе достойнымъ любви?”

Прип. Германъ на байларкѣ,
современная гравюра П. Макюръ.

“Да, такъ!” — отвѣчали всѣ. “Что же, скажите, — продолжалъ онъ, — можетъ быть лучше, выше всего, всего превосходнѣе и по преимуществу достойнѣе любви, какъ не Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Который насъ создалъ, украсилъ такими совершенствами, всему далъ жизнь, все содержать, питаетъ, все любить, Который Самъ есть Любовь и прекраснѣе всѣхъ человѣковъ? Не должно ли же поэтому превъше всего любить Бога, болѣе всего желать и искать Его?” Всѣ заговорили: “Ну, да! Это разумѣется!” “Это само по себѣ!” — “А любите ли вы Бога?” — спросилъ тогда Старецъ. Всѣ отвѣчали: “Конечно, мы любимъ Бога. Какъ не любить Бога?” — “А я, грѣшникъ, болѣе сорока лѣтъ стараюсь любить Бога, и не могу сказать, что совершенно люблю Его”, — возразилъ имъ О. Германъ, и сталъ доказывать, какъ должно любить Бога. “Если мы любимъ кого, — говорилъ онъ, — мы всегда помнимъ того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тѣмъ предметомъ. Такъ ли же вы, господа, любите Бога? Часто ли вы обращаетесь къ Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святые заповѣди?” — Должны были признаться, что нѣтъ!

“Для нашего блага, для нашего счастья, —

заключилъ Старецъ, — по крайней мѣрѣ, дадимъ себѣ обѣтъ, что отъ сего дня, отъ сего часа, отъ сей минуты мы будемъ стараться любить Бога уже выше всего, и исполнять Его святую волю!» Вотъ какой умный, прекрасный разговоръ велъ О. Германъ въ обществѣ; безъ сомнѣнія этотъ разговоръ долженъ былъ запечатлѣться въ сердцахъ слушателей на всю ихъ жизнь!

Вообще О. Германъ былъ словоохотливъ; говорилъ умно, дѣльно и назидательно, болѣе всего о вѣчности, о спасеніи, о будущей жизни, о судьбахъ Божіихъ; много рассказывалъ изъ житій святыхъ, изъ пролога, но никогда не говорилъ ничего пустого. Такъ пріятно было его слушать, что бесѣдующіе съ нимъ, даже и алеуты и ихъ женщины увлекались бесѣдою и нередко только съ разсѣвтомъ дня, какъ бы нехотя, оставляли его, свидѣтельствуя крестомъ Константина Ларіоновъ.

Я [новскій] подробно описываетъ наружность О. Германа. «Живо помню я, — говоритъ онъ, — всѣ черты сившаго благодатно лица Старца, его пріятную улыбку, кроткій привлекательный взоръ, смиренный тихій нравъ и его пріятливое слово. Онъ былъ росту небольшого, лицо имѣлъ блѣдное, покрытое морщинками; глаза сѣро-голубые, исполненные блеска, и на головѣ у него было немного сѣдыхъ волосъ. Рѣчь его была негромкая, но весьма пріятная». Изъ бесѣдъ своихъ со Старцемъ Я [новскій] приводитъ два случая. «Однажды, — пишетъ онъ, — я прочелъ О. Герману оду «Богъ» Державина. Старецъ удивился, восхитился, и просилъ прочесть ее еще разъ; я повторилъ. «Неужели это простой ученый писалъ?» — спросилъ онъ. «Да, ученый, поэтъ, — отвѣчалъ я. «Это по вдохновенію Божію писано», — сказалъ Старецъ.

«Въ другой разъ я рассказывалъ ему, какъ испанцы въ Калифорніи захватили въ плѣнъ 14 человекъ алеутовъ и іезуиты [Францісканцы] принуждали ихъ всѣхъ принять католическую вѣру; на что алеуты никакъ не соглашались. «Мы —

христіане», — говорили они. «Неправда, вы — еретики, схизматики, — возражали іезуиты, — и если вы не согласитесь принять нашу вѣру, то мы васъ всѣхъ замучимъ!». Загнѣмъ алеуты по два человекъ до вечера были разбѣшены по темницамъ. Вечеромъ съ фонаремъ и зажженными свѣчами пришли іезуиты въ темницу, и стали снова убѣждать бывшихъ въ ней двухъ алеутовъ къ принятію католической вѣры. «Мы — христіане, — былъ отвѣтъ алеутовъ, — и не перемѣнимъ своей вѣры!» Тогда іезуиты стали ихъ мучить, сперва одного, а другой былъ свидѣтелемъ. Отрѣзали у алеута по одному суставу и пальцевъ на ногахъ, потомъ — по другому, да въ одному суставу и пальцевъ на рукахъ, загнѣмъ по другому, потомъ отрубили ступни ногъ, кисти рукъ, — кровь лилась,

Фортъ Россъ въ Калифорніи, общій видъ утрированный.

Художникъ Уилли Баумъ.

мученикъ — терпѣлъ и твердилъ одно: «Я — христіанинъ». И въ такихъ мученіяхъ отъ истеченія крови скончался. На другой день обѣщали іезуиты такъ же замучить и его товарища, но въ эту ночь было получено повелѣніе изъ Монтеры, чтобы всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ русскихъ алеутовъ немедленно прислать туда подъ конвоемъ, а потому они утромъ всѣ, кромѣ скончавшагося, и были отправлены. Это рассказывалъ мнѣ самовидецъ алеутъ, товарищъ замученнаго, впоследствии бѣжавшій изъ плѣна; и объ этомъ я тогда же донесъ въ главное правленіе въ С.-Петербургъ. Когда я кончилъ мой рассказъ, О. Германъ спросилъ: «А какъ звали замученнаго алеута?» — «Петромъ, — отвѣчалъ я, — фамиліи не припомню». Старецъ всталъ передъ образомъ, благоговѣнно перекрестился и произнесъ: «Святый новомученикъ Петръ, моли Бога о насъ!»

6. УЧЕНІЕ

Чтобы нѣсколько выразить самый духъ ученія О. Германа, мы приведемъ слова собственноручнаго письма его.

«Истиннаго христіанина, — писалъ онъ, — дѣлать вѣра и любовь къ Христу. Грѣхи наши нимаю

христианству не препятствуют, по слову самого Спасителя. Онъ изволилъ сказать: *не праведнѣя приидохъ призвати, но срывать спасти. Радость бываетъ на небеси о единомъ кающемся больше, нежели о десятидесяти праведникахъ.* Также о блудницѣ, прикасающейся къ ногамъ Его, фарисею Симону изволилъ говорить: “Имѣющему любовь многій долгъ прощается, а съ неизмѣющаго любви и малый зыскивается”. Сими разсужденіями христианинъ долженъ приводить себя въ надежду и радость, и отнюдь не внимать наносимому отчаянію: тутъ нуженъ щитъ вѣры.

“Грѣхъ любящему Бога ничто иное, какъ стрѣла отъ неприятеля на сраженіи. Истинный христианинъ есть воинъ, продирающійся сквозь полки невидимаго врага къ небесному своему отечеству, по апостольскому слову: *отечество наше на небесахъ, а о воинѣхъ говоритъ: нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ и ко властемъ* (Еф. 6, 12).

“Пустыя вѣка сего желанія удаляютъ отъ отечества, любовь къ тѣмъ и привычка одѣваютъ душу нашу какъ будто въ гнусное платье; оно названо отъ апостоловъ “внѣшній человекъ”. Мы, странствуя въ путешествіи сей жизни, призывая Бога въ помощь, должны гнусности той солекаться, а одѣваться въ новые желанія, на новую любовь будущаго вѣка, и чрезъ то узнавать наше къ небесному отечеству или приближеніе или удаление; но скоро сего сдѣлать невозможно, а должно слѣдовать примѣру больныхъ, которые, желая любезнаго здравія, не оставляютъ зыскивать средствъ для излеченія себя”.

Ничего не искавъ для себя въ жизни, давно уже, при самомъ прибытіи въ Америку, по смиренію, отказавшись отъ сана іеромонаха и архимандрита, и оставившись навсегда простымъ монахомъ, О. Германъ, безъ малѣйшаго страха предъ сильными, ревновалъ всѣмъ усердіемъ по Богу. Съ кроткою любовью, несмотря на лице, обличалъ онъ многихъ въ нетрезвой жизни, недостойномъ поведѣніи и притѣсненіи алеутовъ. Обличаемая злоба вооружалась противъ него, дѣлала ему всевозможная неприятности и клеветала на него. Клеветы были такъ сильны, что часто даже люди благонамѣренные въ доносахъ на О. Германа не могли замѣтить лицъ подковомъ наружной правды, — и поэтому должно сказать, что только одинъ Господь сохранялъ Старца. Правитель колоній Я[новскій], не выдавши еще О. Германа, вслѣдствіи однихъ наговоровъ на него, уже писалъ въ С.-

Петербургъ о необходимости его удаленія, объясняя, что онъ будто бы возмущаетъ алеутъ противъ начальства. Священникъ, прѣбывавшій изъ Иркутска съ большимъ полномочіемъ, надѣлалъ О. Германа много огорченій и хотѣлъ его отправить въ Иркутскъ; но правитель колоній Муравьевъ защитилъ Старца. Другой священникъ М. прибылъ на Еловый островъ съ правителемъ колоній Н. и компанейскими служителями обыскивать келью О. Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда же не нашли ничего цѣннаго, вѣроятно съ дозволенія старшихъ, служитель Пономарьковъ сталъ топоромъ выворачивать половыя доски. “Другъ мой, — сказалъ ему тогда О. Германъ, — напрасно ты взялъ топоръ; это орудіе лишитъ тебя жизни!” Чрезъ нѣсколько времени потребовались люди въ Николаевскій редутъ; почему изъ Кадыка послали туда русскихъ служителей, въ числѣ ихъ и Пономарькова, такъ кенайцы его, сонному, топоромъ отсѣкли голову.

При. Германъ предсказываетъ будущность монастыря Новый Валаамъ. Гравюра Н. Маковъ.

Много великихъ скорбей понесъ О. Германъ и отъ бѣсовъ. Это онъ самъ открылъ усенику своему Герасиму, когда тотъ, войдя къ нему въ келью безъ обычной молитвы, на всѣ вопросы свои не получивъ отъ него отвѣта и на другой день спросилъ его о причинѣ вчерашаго молчанія. “Когда я пришелъ на этотъ островъ и поселился въ этой пустыни, — сказалъ ему тогда О. Германъ, — много разъ бѣсы приходили ко мнѣ, какъ будто для надобностей, и въ видѣ человѣческомъ, и въ видѣ звѣрей, и я много потерялъ отъ нихъ и разныхъ скорбей и искушеній; поэтому-то теперь я и не говорю съ тѣмъ, кто войдетъ ко мнѣ безъ молитвы”.

7. ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Посвятивши себя совершенно на служеніе Господу, ревнуя единственно о прославленіи Его всесвятаго имени, вдали отъ родины, среди многообразныхъ скорбей и лишеній, десятиа дѣтъ проводя въ высокихъ подвигахъ самоотверженія, О. Германъ былъ сподобленъ многихъ сверхъестественныхъ даровъ отъ Бога.

Среди Еловаго острова по горѣ сбѣгаетъ въ морѣ небольшой ручеекъ, у котораго устье всегда ометывается бурномъ. Весною, когда появлялась рѣчная рыба, Старецъ стрѣлалъ нѣсколько песковъ въ устьѣ, чтобы было можно пройти рыбѣ, — и первоприблизившаяся рыба стремилась въ рѣку. “Бывало, скажетъ апа, — говоритъ Алигяга, — пойдешь и достанешь рыбу въ рѣкѣ!” Рыбу сушеною кормилъ

О. Германъ птицъ, — и онѣ во множествѣ привитали около его кельи. Подъ кельею у него жили горностаи. Этого маленькій звѣрекъ, когда охотится, недостатокъ, а старецъ кормилъ ихъ изъ рукъ. “Не чудо ли мы это видѣли!” — говоритъ его ученикъ Игнатій. Видѣли также, что О. Германъ кормилъ мелдьвѣли. Со смертю Старца и птицы и звѣри удалились; даже огородъ его не дасть такого урожая, если кто самовольно держать его, утверждаетъ Игнатій.

На Еловомъ островѣ сдѣлалось наводненіе. Жители въ испугъ прибѣжали къ Старцу: тогда онъ взялъ изъ дому своихъ воспитанниковъ икону Божіей Матери, вынесъ, поставилъ ее на лайдъ* и сталъ молиться. По молитвѣ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: “Дать этого мѣста, гдѣ стоитъ св. икона, не подойдетъ вода”. Исполнилось слово Старца. Затѣмъ, обѣщая такую же помощь отъ святой иконы и на будущее время — заступленіемъ пренепорочной Владычицы, поручилъ онъ ученицъ своей Софѣ, въ случаѣ наводненія, ставить икону на лайдъ. Икона эта хранится на островѣ.

Баронъ Ф.П. Врангель, по просьбѣ Старца, писалъ подъ диктовку его письмо — неизвѣстно которому — митрополиту. Когда окончено и прочитано было письмо, Старецъ поздравилъ барона съ чиномъ адмирала. Изумился баронъ: это была для него новость, которая дѣйствительно подтвердилась только черезъ долгое время при выѣздѣ его въ С.-Петербургъ.

“Жаль мнѣ тебя, любезный кумъ, — говорилъ О. Германъ правителю Кошеварову, у котораго онъ принималъ отъ купцѣи сына, — жаль, смѣна тебе будетъ неприятная!” Годъ черезъ два Кошеваровъ при смѣнѣ, связаннымъ былъ отправленъ на о. Ситху.

Однажды загорѣлся на Еловомъ островѣ лѣсъ. Старецъ съ ученикомъ своимъ Игнатіемъ въ чащѣ лѣса, въ аршинъ ширины, провелъ полосу отъ подошвы горы, разорочавъ мохъ, и сказалъ: “Будьте спокойны, — огонь не перейдетъ этой черты!” На другой день, когда, по свидѣтельству Игнатія, не было надежды на спасеніе, съ сильнымъ напоромъ дошелъ огонь до разороченнаго Старцемъ моху, пробѣжалъ вдоль него и остановился, не коснувшись густаго лѣса, находившагося за чертой.

За годъ до полученія извѣстія въ Кадыкъ о смерти высокопреосвященнаго митрополита (неизвѣстно котораго), О. Германъ говорилъ алеутамъ, что ихъ большой духовный начальникъ скончался.

Часто говорилъ Старецъ, что въ Америкѣ будетъ свой архіерей, тогда какъ объ этомъ никто и не думалъ, да и надежды не было, чтобы въ Америкѣ былъ свой архіерей, говоритъ преосвященный Петръ, но пророчество его сбылось въ свое время.

“Послѣ смерти моей, — говорилъ О. Германъ, — будетъ повальная болѣзнь и умретъ отъ нея много людей и русскіе соединятъ алеуты”. Дѣйствительно, кажется черезъ полгода по его кончинѣ, было оспенное повѣтріе, смертность отъ котораго въ Америкѣ была паразитальная; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ оставалось въ живыхъ только по нѣскольку человекъ. Это побудило колониальное начальство соединить алеуты: тогда изъ 20-ти селеній образовалось только семь.

“Хотя и много пройдетъ послѣ моей смерти, — говаривалъ О. Германъ своимъ ученикамъ, — но меня не забудутъ, а мѣсто жительства моего не будетъ пусто: подобный мнѣ монахъ, убѣгающій славы человѣческой, придетъ и будетъ жить на Еловомъ, и Еловый не будетъ безъ людей!”

“Миленкій, — спрашивалъ О. Германъ крестна Константина, когда ему было не болѣе 12-ти лѣтъ отроду, — какъ ты думаешь, часовая, которую теперь строить, останется втунъ?” — “Не знаю, апа”, — отвѣчалъ малютка. “Я и дѣйствительно, — говоритъ Константинъ, — не понялъ тогда вопроса; хотя въ разговорѣ со Старцемъ живо зачлѣлся въ моей памяти”. Старецъ же, нѣсколько помолчавъ, сказалъ: “Дитя мое, помни, на этомъ мѣстѣ будетъ со временемъ монастырь”.

“Пройдетъ тридцать лѣтъ послѣ моей смерти, всѣ живущіе теперь на Еловомъ островѣ перемрутъ, ты останешься жить одинъ и будешь старъ и бѣденъ, — и тогда вспомнить меня”, — говорилъ О. Германъ ученику своему, алеуту Игнатію Алигьягъ. “Удивительно, — восклицаетъ Игнатій, — какъ подобный намъ человекъ могъ все это знать за такое долгое время! Впрочемъ, нѣтъ! Онъ — не простой человекъ! Онъ мысли наши видѣлъ и невольно доводилъ до того, что мы ему ихъ открывали и получали наставленія!”

“Когда я умру, — говоритъ Старецъ своимъ ученикамъ, — вы похороните меня рядомъ съ О. Иоасафомъ. Убейте немедленно моего быка: онъ мнѣ довольно послужилъ. Похороните же вы меня

Кончина Прп. Германа,
современная гравюра
И. Махоръ.

*Илопаята мель.

одни и не скажите о моей смерти в гавань: гаванские не увидят моего лица. За священником не посылайте и не дожидаетесь его — не дожидаетесь! Тѣла моего не обмывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, запеленайте меня в мантию и ея воскриліями покройте мое лицо и клобукомъ голову. Если кто пожелаетъ проститься со мной, пусть пѣлуется крестъ; лица моего не показывайте. Опустивъ въ землю, покройте меня бывшимъ моимъ одѣятомъ". Одѣяло это, какъ мы выше сказали, была доска, всегда находившаяся у него въ кельѣ.

8. ПРЕПОДОБНИЧЕСТВО

Приближалось время отшествія Старца. Въ одинъ день приказалъ онъ ученику своему Герасиму зажечь свѣчи передъ иконами и читать Дѣянія св. Апостоловъ. Черезъ нѣсколько времени лицо его просіяло, и онъ громко произнесъ: "Слава Тебѣ, Господи!" Потомъ, приказавъ прекратить чтеніе, объявилъ, что Господу угодно еще на недѣлю продлить его жизнь. Черезъ недѣлю, опять по приказанію его были зажжены свѣчи и читали Дѣянія св. Апостоловъ. Тихо преклонилъ Старецъ свою главу на грудь Герасима, келья наполнилась благоуханіемъ, просіяло лицо его, — и О. Германа не стало! Такъ блаженно почилъ онъ сномъ праведника на 81-омъ году своей многотрудной жизни, 13-го Декабря 1837 года. *

Несмотря на предсмертную волю О. Германа, ученики не рѣшились похоронить его, не давъ знать о смерти его въ гавань. Они побоялись русскихъ, говорятъ Алету; неизвѣстно почему, не убили и быка.

Посланный съ печальною вѣстью въ гавань, возвратясь объявилъ, что правитель колоній Кошеваровъ запретилъ хоронить Старца до своего прѣзда, что онъ приказалъ сдѣлать для усопшаго гробъ и что самъ со священникомъ немедленно привезетъ его. Но такія распоряженія были противъ воли почившаго. И вотъ подулъ страшный вѣтеръ, полился дождь, сдѣлалась ужасная буря. Не великъ былъ переѣздъ изъ гавани на Еловый, всего часа два въ пути, но никто не рѣшался пуститься въ морѣ въ такую погоду. Такъ было цѣлый мѣсяцъ; и хотя цѣлый мѣсяцъ лежало тѣло О. Германа въ тепломъ домѣ его воспитанниковъ, но не измѣнилось лице его и не было отъ тѣла ни малѣйшаго запаха. Наконецъ съ опытнымъ старикомъ Козьмою Училищевымъ

доставленъ былъ гробъ; изъ гаванскихъ никто не прѣхалъ, — и еловскіе жители одни предали землѣ смертные останки своего Старца. Такъ исполнилось послѣднее желаніе О. Германа, — и затѣмъ вѣтеръ стихъ, и поверхность моря стала гладка, какъ зеркало.

На другой день по смерти О. Германа быкъ его сталъ тосковать и съ тоски ударился лбомъ объ дерево и свалился мертвый на землю.

Въ одинъ вечеръ въ селеніи Катани (на Аюгнакѣ) виднѣть былъ надъ Еловымъ островомъ необыкновенно свѣтлый столбъ, достигавшій до неба. Пораженные чудеснымъ явленіемъ, опытные старики и креоль Герасимъ Вологдинъ и жена его Анна сказали: "Видно, Отецъ Германъ оставилъ насъ!" и стали молиться. Впослѣдствіи они извѣстились, что именно въ эту ночь преставился Старецъ. Этотъ столбъ виднѣнъ въ разныхъ мѣстахъ и другіе. Въ тотъ же вечеръ въ другомъ селеніи на Аюгнакѣ виднѣнъ челоуѣкъ, поднимавшагося съ Еловаго острова къ облакамъ.

Похоронивъ своего Отца, надъ могилою его ученики поставили деревянный памятникъ. "Я самъ видѣлъ его, — говоритъ кальякскій священникъ Петръ Кошеваровъ, — и теперь могу сказать, что онъ нисколько не тронуть временемъ и какъ будто бы сегодня сколоченъ".

Видѣвъ славную подвигами жизнь О. Германа, видѣвъ его чуда, видѣвъ исполненіе его пророчества и, наконецъ, его блаженное успеніе, "вообще все мѣстные жители", свидѣтельствуя пресвященный епископъ Петръ, "имѣютъ благоговѣнное уваженіе къ нему, какъ къ святому подвижнику, и вполне увѣрены въ его богоутоженіи".

Въ 1842 году, черезъ 5 лѣтъ по преставленіи Старца, плывя моремъ въ Кадыкъ и находясь въ крайней опасности, высокопреосвященный Иннокентій, архіеп. Камчатскій и Алеутскій, возрѣвъ на Еловый островъ, сказалъ въ умъ своемъ: "Если ты, Отецъ Германъ, угодишь Господу, то пусть перевернется вѣтеръ!" И точно, не прошло, кажется, и четверти часа, говоритъ высокопреосвященный, какъ вѣтеръ имъ сдѣлался попутный и они благополучно пристали къ берегу. Въ благодарность за избавленіе, архіеп. Иннокентій служилъ самъ на могилѣ блаженнаго панихиду.

Валаамъ. [Янв. 1868 г.]

Пасха на Еловомъ, Прп. Германъ съ сиротками и Софіей. Рисунокъ, сдѣланный на Еловомъ островѣ инокомъ Дамаскиномъ.

* Это произошло въ 1836 г. 15-го Ноября. См. Р.П. № 31 за 2004 г.

Продолженіе слѣдуетъ.

М.И. ГЛИНКА ВЪ ЮНЫЕ ГОДЫ. Аквафельный портрет работы художника Я. Яковлева.

ИСКУССТВО СВ. РУСИ

МИХАИЛЬ Ч. ГЛИНКА

— ФАРФОРЪ СВЯТОЙ РУСИ

Къ юбилею М.И. Глинки (1804 — 2004)

ИЗЪ ПУШКИНСКАГО КРУГА вышли великіе создатели русской культуры и искусства: вѣтъ литературная представлена прозой И.В. Гоголя и поэзіей М.Ю. Лермонтова, философская — наслѣдіемъ Киреевскаго, а музыкальная проявилась въ гѣніи Глинки, ставшаго основателемъ школы русской національной классической музыки. Значеніе нашего русскаго Моцарта (такъ называли Глинку современники) было велико, до его появленія вниманіе націи было направлено на освѣненіе западной культуры, съ нимъ же Русь Святая обрѣла въ XIX вѣкъ свое музыкальное оформленіе на европейскую ногу.

Но Россія XXI вѣка почти не знакома съ наслѣдіемъ Глинки, къ величайшему сожалѣнію, ибо въ музыкальномъ отношеніи Глинка является нѣкимъ мостомъ, по которому современный богоискатель можетъ пройти въ древность и настоящее. Современные миссіонеры должны помнитъ объ этомъ и въ своемъ дѣлѣ использовать музыку Глинки и другихъ русскихъ классиковъ, дабы вернуть массу нашихъ современныхъ язычниковъ къ музыкѣ, которая утончаетъ душу и приводитъ къ вратамъ Православія.

Пой въ восторгѣ русской хоръ,
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! Напѣ Глинка —
Ужъ не глина, а фарфоръ!

A. С. Пушкинъ

1. РУССКІЙ МОЦАРТЬ

АЯ ДВАДЦАТАГО дня 2004 года исполнилось 200 лѣтъ со дня рожденія Михаила Ивановича Глинки. Сто лѣтъ назадъ его юбилей отмѣчался очень скромно — шла русско-японская война, затѣмъ грянула революція. Въ чѣсть юбилея была осуществлена новая постановка оперы «Жизнь за Царя» подъ управленіемъ С.В. Рахманинова, возродившая за давностію лѣтъ утраченный интересъ къ этому произведенію. Газеты, все вниманіе удѣлявшіе войнѣ, сочили своимъ долгомъ помѣститъ статьи о Глинкѣ. Въ періодъ испытаній воинства русскаго и всего народа необходимо было напоминаніе о національной культурѣ, ея ярчайшихъ страницахъ, о композиторѣ, чья музы-

ка выразила духъ дѣлаго народа. И намъ, жителямъ XXI вѣка, ползано обратиться къ своей исторіи, чтобы въ очередной разъ вспомнить, кто мы есть.

Родъ Глинки былъ польскаго происхожденія. Въ XVII вѣкѣ, съ окончательнымъ присоединеніемъ Смоленска къ Россіи, прадѣдъ композитора принялъ Православіе и русское подданство. Его родители Иванъ Николаевичъ, капитанъ въ отставкѣ, и мать Еженія Андрѣевна жили въ своемъ родовомъ имѣннѣ, селѣ Новоспаскомѣ, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гдѣ 20-го Мая 1804 г. у нихъ родился сынъ Михаилъ, прожившій здѣсь до 13-ти лѣтъ почти безвыѣздно. Жизнь въ Новоспаскомѣ, общеніе съ природой повляди на юнаго Глинку, развивъ особую чувствительность и романтизмъ натуры. Здѣсь же онъ приобщился къ народной культурѣ, къ Православію. Отъ рожденія Михаилъ, болѣзненный ребенокъ, былъ на попеченіи бабушки, которая окружила его няньками, привившими ребенку

любовь къ Господу. Въ своихъ автобиографическихъ запискахъ Михаилъ Ивановичъ вспоминалъ дѣтство:

«Однимъ изъ любимыхъ моихъ занятій было ползать по полу, рисуя мѣломъ деревья и церкви. Я былъ весьма набоженъ, и обряды Богослужения, въ особенности въ дни торжественныхъ праздниковъ, наполняли душу мою живѣйшимъ поэтическимъ восторгомъ... Музыкальная способность выражалась въ это время страстію къ колокольному звону (трѣзвону), я жадно вслушивался въ эти рѣзкіе звуки и умѣлъ на двухъ мѣдныхъ тазахъ ловко подражать звонарямъ».

Въ 13-лѣтнемъ возрастѣ Глинка отправился для обученія въ Петербургъ, въ Благородный пансіонъ — одно изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній для пріготовленія образованныхъ чиновниковъ. Тамъ начался его первые серьезные занятія музыкой съ лучшими маэстро.

Всѣ старанія тогдашнихъ музыкантовъ были направлены на развитие фортепианной техники и вокально-исполнительскаго искусства, необходимыхъ въ условной свѣтской жизни. Глинка обучался игрѣ на фортепиано у знаменитаго Джона Фильда. Уроки вокала онъ бралъ у Беллоли. Но значительное вліяніе на его музыкальное развитіе оказали самостоятельные занятія съ оркестромъ дяди, заложившіе интересъ къ симфонической музыкѣ и теоріи музыкальной композиціи. Пріѣзжая на каникулы въ Новоспасское, Глинка цѣлыми днями занимался съ оркестромъ. Съ каждымъ музыкантомъ по отдельности онъ прорабатывалъ партіи, тѣмъ самымъ самостоятельно постигая методы инструментовки знаменитыхъ въ то время композиторовъ.

Уроки музыкальной теоріи Глинка бралъ у теоретика Фукса, Карла Мейера, о которомъ онъ очень тепло высказался въ своихъ «Запискахъ» и чьими сочиненіями пользовался черезъ много лѣтъ при написаніи оперы «Жизнь за Царя», у Зигфрида Дена — «перваго музыкальнаго знахаря въ Европѣ». Къ послѣдному постигать премудрости музыкальной теоріи въ Берлинѣ Глинка пріѣхалъ почти въ 13-лѣтнемъ возрастѣ, будучи уже довольно извѣстнымъ композиторомъ.

Нужно отмѣтить, что судьба была благосклонна къ Глинкѣ: послѣ окончанія Пансіона онъ не сталъ зауряднымъ чиновникомъ. У Михаила Ивановича было слабое здоровье, потому родители не наста-

ивали на его обязательномъ поступленіи на службу, отецъ не сталъ противиться и его желанію быть композиторомъ.

Въ 1830 году Глинка отправился въ Италію — цѣлитель міровой музыкальной жизни, какъ для поправки своего слабаго здоровья, такъ и для овладѣнія композиторскимъ мастерствомъ. Тамъ онъ улекся произведеніями Россини, Беллини, Доницетти, снискавшими признаніе міровой музыкальной общест-венности. Въ Миланѣ Михаилъ Ивановичъ познакомился съ національной итальянской музыкой и попробовалъ себя на нивѣ сочинительства оной. Въ

1830 году онъ сочинилъ варіаціи на темы изъ оперъ «Анна Болейнъ» Доницетти, «Монтекки и Капулетти»*

Беллини. Одинъ изъ крупней-шихъ музыкальныхъ изда-телей Рикорди даже вы-пустилъ альбомъ его произведеній, итальян-цы называли Глинку Maestro Russo.

Но русскій композиторъ въ одинъ моментъ осозналъ, что не сможетъ писать итальянскую музыку лучше самихъ итальянцевъ. Тамъ, въ южной и солнечной странѣ онъ затосковалъ по холодной и строгой Россіи, по ея грустнымъ или безудержно веселымъ напѣвамъ. Онъ рѣшилъ, что будетъ писать на русскія національныя темы.

2. «ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ»

Въ 1834 году, вернувшись на родину, Глинка взялся за написаніе патриотической оперы, которая, какъ оказалось позже, положила начало всему развитію нашей музыки. «Жизнь за Царя» появилась на русской сценѣ 27-го Ноября 1836 года.

Идея о необходимости русской оперы родилась не у Глинки перваго. Эпоха 1812 года породила общее патриотическое движеніе, которое сообщило и русской музыкѣ. Родился рядъ національныхъ оперъ. Въ томъ направленіи писали Титовъ, Алябьевъ, Кауеръ, Давыдовъ. Глинка же, хорошо знакомый съ западнымъ искусствомъ и русскими народными мелодіями, взялъ за основу послѣднія и вывелъ изъ нихъ матеріалъ для построенія разнообразѣйшихъ музыкальныхъ формъ, выработанныхъ тысячелѣтней исторіей западно-европейской музыки.

* «Ромео и Джульетта» по Шекспіру.

Глинка съ матерью и сестрой Людмилой.

Декорации художника Андрея Роллера къ предпоследнему акту оперы «Жизнь за Царя» (1836 г.)

Глинку называли русским Моцартом*, русским Глюком. В искусствѣ инструментовки онъ также многому научился у нѣмцев. Съ великимъ французскимъ композиторомъ Г. Берлиозомъ Глинка подружился. Берлиозъ сдѣлалъ многое для популяризации творчества русскаго композитора въ Европѣ, написалъ нѣсколько глубокихъ критическихъ статей о его творествѣ, исполняя прозвѣщенія Глинки. Михаилъ Ивановичъ помогъ Берлиозу съ организацией гастролей по Россіи въ 1847 году. Критикъ А.Н. Сьровъ увидѣлъ въліяніе К. Вебера на Глинку, считалъ, что до появленія его «Волчьей долины» Глинка не могъ помышлять о возможности ландшафтной музыки, образецъ коей мы имѣемъ въ сценѣ въ лѣсу. Другія музыкальные критики XIX вѣка выяснили родство гармоній Глинки и Р. Шумана — его нѣмецкаго современника.

Мы можемъ сдѣлать выводъ, что М.И. Глинка долго изучалъ западное искусство и, вполне усвоивъ его, смогъ творить самобытную русскую музыку, чего не сдѣлали его предшественники.

Патриотическую оперу о подвигѣ крестьянина Ивана Сусанина, спасающаго царя, М.И. Глинка написалъ необычайно скоро. Когда произведеніе бы-

ло готово, композиторъ, благодаря содѣйствию директора императорскихъ театровъ А.М. Геденова, получилъ Высочайшее соизволеніе на посвященіе его Императору Николаю Павловичу. Опера получила названіе «Жизнь за Царя».

Представители высшаго свѣта, почитающіе за долгъ брать все родное, сочли музыку Глинки «кучерской». Государь Николай Павловичъ не гнушался слушать «кучерскую музыку» и послѣ перваго представленія оперы поблагодарилъ Глинку, высказавъ при этомъ замѣчаніе: «Нехорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ». Дѣйствительно, актеру О.А. Петрову, исполнявшему роль Сусанина, на первомъ представленіи, въ пылу театральнаго игры, «поляки» разорвали рубашку. Съ тѣхъ поръ въ моментъ нападенія враговъ на Сусанина авансцену заволанивало облако «снѣгопада», скрывавшее отъ зрителей умѣршеніе крестьянина.

Люди, которымъ была дорога русская культура, оцѣнили оперу по достоинству и преклонились передъ талантомъ Глинки. Вотъ что написалъ А.С. Пушкинъ о новой оперѣ:

Пой въ восторгъ русской хоръ,

Вышла новая новинка!

Веселися Русь! Нашъ Глинка —

Ужъ не глинка, а фарфор!

*Особенно это чувствуется въ камерной музыкѣ, сохранились даже варіаціи на тему изъ Моцарта (1827).

3. «СЛАВЬСЯ!»

Германъ Августовичъ Ларошь, одинъ изъ глѣбчайшихъ музыкальныхъ критиковъ, подмѣтилъ, что творчество Глинки близко стариннымъ русскимъ церковнымъ напѣвамъ, покоящимся на народной крестьянской пѣснѣ. «Гармонія Глинки въ его народныхъ произведеніяхъ основывается главнымъ образомъ на перезвучіяхъ и на древнихъ церковныхъ каденціяхъ; какъ тѣ, такъ и другія составляютъ сушность гармонизаціи русской пѣсни».

Въ знаменитомъ хорѣ «Славься», гдѣ, по мнѣнію Чайковского, «есть нѣчто подавляющее, исполниское», Глинка использовалъ интонаціи народной

Храмъ въ родовомъ имѣніи Глинки Новоспасское Смоленской губерніи.

пѣсни и знаменнаго распѣва, а также торжественныя канты, распространенныя имъ музыкальнѣе бытъ XVIII столѣтія. На первыя представленія оперы для усиленія звучности хора привлекались даже церковные пѣвчіе Преображенскаго полка.

Вновь затрагивая вопросъ о связи музыки Глинки съ православной традиціей, нельзя не упомянуть о созданныхъ имъ религіозныхъ произведеніяхъ. Послѣ представленія «Жизни за Царя» композиторъ былъ приглашенъ Императоромъ на службу въ Придворную пѣвческую капеллу. Состояніе здоровья заставило его вскорѣ покинуть службу, хотя онъ успѣлъ сочинить «Херувимскую пѣсню». Она сдѣлалась украшеніемъ хорового духовнаго репертуара послѣ того, какъ ее напечаталъ извѣстный музыкальный издатель П.И. Юргенсонъ въ концѣ XIX вѣка.

Въ 1856 году, наканунѣ смерти, Михаилъ Ивановичъ положилъ на три голоса ектенію обѣдни и «Да исправится».

Глинка поѣхалъ въ 1856 г. въ Берлинъ къ музыкальному теоретику, своему давнему другу и учителю, Зигфриду Дену, дабы основательно изучить новый для него предметъ. Онъ работалъ надъ произведеніями Баха, Генделя. Въ Берлинѣ онъ простудился и вскорѣ скончался, не осуществивъ своего замысла.

Зигфридъ Денъ, видѣвшій послѣднія минуты жизни Михаила Ивановича, написалъ сестрѣ покойнаго подробное письмо о концѣ композитора.

«Его разговоръ былъ ясенъ до послѣдней минуты; любимѣйшей его мечтой было уѣхать осенью въ Италію и тамъ провести зиму въ окрестностяхъ Комо... За нѣсколько часовъ до смерти, такъ около полуночи, онъ потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцѣловалъ его молча, горячо молился, сталъ кротокъ и спокоенъ и остался такъ до той минуты, когда смерть его внезапно поразила». Скончался М.И. Глинка тихо и безболѣзненно 3-го Февраля 1857 года. Похоронили его на Берлинскомъ кладбищѣ. Но по желанію сестры покойнаго Людмилы, тѣло Глинки было перевезено въ Петербургъ и погребено 22-го Мая 1857 года на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Надъ могилой былъ поставленъ памятникъ работы академика И.И. Горностаева. На гранитѣ памятника высѣчена строка «Славься!». А мы вспомнимъ слова, которые, въ память Сусанина, Глинка поставилъ эпиграфомомъ во второму варианту увертюры «Жизни за Царя»:

Миръ въ землю сырой!
Чистъ въ страну родной!
Слава мнѣ въ Руси Святой!

4. П.И. ЧАЙКОВСКІЙ

Въ небольшомъ очеркѣ сложно дать всѣстороннюю оцѣнку творчества композитора и его мѣста въ русской культурѣ. Потому доверимся мнѣнію классика. Петръ Ильичъ Чайковскій въ своемъ дневникѣ 27-го Іюня 1888 года записалъ о Глинкѣ:

«Небывалое, изумительное явленіе въ сферѣ искусства. Дилетантъ, поигрывавшій то на скрипкѣ, то на фортепіано, соединявшій совершенно безцвѣт-

няя кадрили, фантазии на модные итальянские мелодии, вдруг на 33-м году жизни ставит оперу, по гениальности, размаху, новизне и безупречности техники стоящую наряду с самыми великими и глубокими, что только есть в искусстве!

...Я же скажу только, что, наверное, никто больше меня не любит и не цыбит Глинку. Я не безупречный «русланист» и даже склонен в общем предпочесть «Жизнь за Царя», хотя музыкальных цыбностей в «Руслане», пожалуй, и в самом деле больше. Но стихийная сила в первой опере дает себя сильнее чувствовать, а «Слався» есть нечто подавляющее, исполненное. И ведь образца не было никакого: акцентовать нить ни у Моцарта, ни у Глюка, ни у кого из мастеров. Поразительно, удивительно!

Не меньшее проявление необычайной гениальности есть «Камаринская». Так, между прочим, несколько не собираясь написать нечто превращающее по задаче простую, шутиливую бездельку, этот человек дает нам небольшое произведение, в косяк каждый такт есть продукт сильнейшей творческой (из ничего) силы. Почти 50 лет с тех пор прошло; русских симфонических сочинений написано много, можно сказать, что имеется настоящая симфоническая школа. И что же? Вся она в «Камаринской», как дубь в желудь. И долго из этого богатого источника будут черпать русские авторы, ибо нуно много времени и много сил, чтобы исчерпать все его богатства. Да! Глинка — настоящий творческий гений...»*

5. РУССКИЙ ГИМНЪ

В сложнейший для современной России период (1990-е годы) «Патриотическая пьсьня» М.И. Глинки стала государственным гимном. Но ненадолго. В 2000 году на смену ей вернулась мелодия гимна Советского Союза А. Александрова.

Мы не в первый раз так обошлись с наследием Глинки. В советское время его опера «Жизнь за Царя» имела название «Иванъ Сусанинъ», подвиг вбрноподанного христианина был забыт — в новых трактовках Сусанин отдал жизнь не за Царя, а за отряд русских воинов, послѣдняя

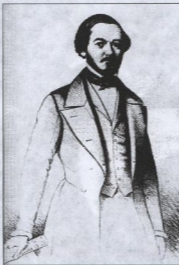
сцена, сочиненная, кстати, В.А. Жуковским — картина Москвы в минуту вѣнчания на царство Михаила Романова — была вовсе изменена. Народный хоръ вмѣсто прославления Помозанника Божия словами:

*«Слався, слався, нашъ Русскій Царь!
Господомъ данный намъ Царь-Государь!
Да будетъ беззмртенъ Твой Царскій родъ!
Да имъ благоденствуетъ русскій народъ!»*

— сталъ прославлять простой народъ, чернь, вступая в смысловую диссонансъ с музыкой, в основу которой Глинка положил церковный знаменный распѣвъ.

То же получилось и съ «Патриотической пьсьней», отказавшись от которой, мы, в лучшемъ случаѣ, отрѣклись от Глинки. А в худшемъ?

Гимнъ есть молитва, молитва цѣлаго народа, страны. Вопросъ въ томъ, къ кому она обращена. «Патриотическая пьсьня» Глинки была молитвой Господу, пьсьней патриотовъ Святой Руси. Музыковѣды скажутъ вамъ, что она созвучна съ молитвой «Боже, Царя храни!», вселяющая в души людей чувство укорененности и спокойствія. Музыка же А. Александрова — гимнъ Советскаго Союза, гимнъ человеку, его завоеваніямъ, подвигамъ, на алтарь которыхъ положена не одна тысяча жизней. Это гимнъ-надрывъ, въ которомъ отразилась тяжесть существованія русскаго народа въ атеизмъ. Но онъ не есть

Портретъ Михаила Глинки,
художникъ И. Кудерка.

покаянная молитва! Наоборотъ! — утверждение того порядка вещей, который былъ в недавнемъ братоубийственномъ прошломъ, и признание возможности дальнѣйшаго такого кроваваго существованія. Вернувшись къ нему, Россія продолжаетъ возносить молитвы НЕ Господу. Задумаемся, чѣмъ это будетъ чревато?

Со скорбью признаемъ, Россіи данъ былъ выборъ, она его сдѣлала, вновь отказавшись отъ ИСТИНЫ.

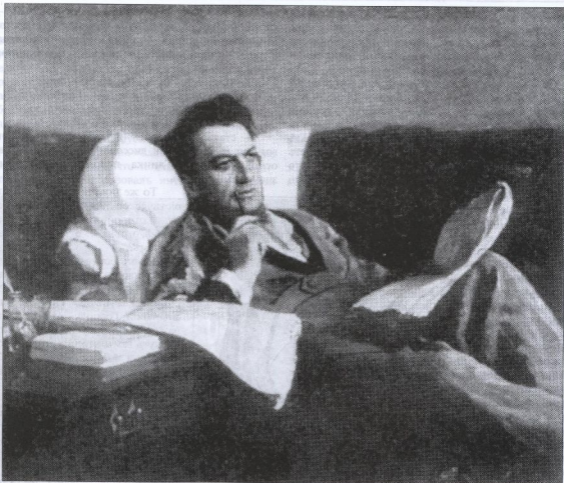
Прости Господи!

Но гений нашего Глинки, какъ и самого русскаго народа, не можетъ долго безмолвствовать, оставаясь въ коварномъ забвѣнн, и рано или поздно, если сохранить самодостоинство, онъ встанетъ на дыбы въ защиту Истины и красоты Святорусской и снова запоетъ:

«Слався, слався нашъ Русскій Царь!...»

Елизавета Филианова

*Изъ статьи Н.Д. Кашкина в приложеніи № 39 къ Московскому Листку отъ 20-го Мая 1904, № 140.

Портретъ Глинки художника Ильи Репина въ Третьяковской галереѣ, Москва.

6. РИМСКІЙ-КОРСАКОВЪ

Пожалуй, самым выдающимся последователем, пошедшим стопами Глинки, былъ написавшій «Пасхальную Увертюру», какъ бы отголосокъ Глинки — Николай А. Римскій-Корсаковъ. Съ колыбельныхъ дней онъ слышалъ, какъ мать его напѣвала арии изъ Глинкинскихъ оперъ, ставшихъ для него на всю жизнь роднымъ мотивомъ самаго прекраснаго въ нашемъ суетномъ мѣрѣ. Сочиненіе оперъ стало для него главнымъ любимымъ занятіемъ, и они все продолжали творческую традицію Глинки. Глинка написалъ оперы на темы историческую и легендарно-поэтическую — все, чѣмъ дышала русская творческая душа. Какъ бы продолженіемъ патриотической оперы Глинки «Жизнь за Царя» у Римскаго-Корсакова были историческіе «Псковитянка», «Царская Невѣста», а за «Русланомъ и Людмилой» Глинки пошла длин-

ная вереница легендъ и сказокъ Римскаго-Корсакова: «Граль Китежъ», «Садко», «Царь Салтанъ», «Золотой Петушокъ», «Майская Ночь», «Снѣгурочка». Жизнь у Глинки рано пресѣчена, но зато Римскій-Корсаковъ смогъ какъ бы осуществить намѣренія Глинки. Недаромъ Русскимъ Вагнеромъ называли создателя серіи «Русскихъ Нибелунговъ», добраго нашего гѣвца Св. Древней Руси и ея уникальныхъ пѣвучихъ сказокъ и преданій — Николая А. Римскаго-Корсакова.

БИБЛИОГРАФІЯ

1. Веймартъ П.П. *Михаиль Ивановичъ Глинка. Біографическій очеркъ*. М, 1892.
2. *Великій баянъ земли русской, комп. М.И. Глинки. Къ 100-лѣтію со дня рожденія*. М, Изд. т-ва Сытина, 1904.
3. *Глинка М.И. Записки*. М, Музыка, 1988.

4. Глинка М.И. Биография его по случаю открытія памятника въ Смоленскѣ 20-го мая 1885 года. Смоленскъ, 1885.

5. Глинка въ воспоминаніяхъ современниковъ. М, МузГиз, 1955.

6. Глинка М.И. въ Придворной капелль. СПб, 1892.

7. Загоскинъ Н.П. 50-лѣтне оперы «Жизнь за Царя». Рѣчь проф. Казанскаго унив. въ Казанскомъ театрѣ передъ юбилейнымъ представленіемъ. Казань, 1887.

8. Заринъ А.Е. Творецъ русской музыки. М, Изд. Д.П. Ефимова, 1915.

9. Кашкинъ Н.Д. М.И. Глинка. СПб, 1906.

10. Ларошъ Г.А. Избранныя статьи о Глинкѣ. М, МузГиз, 1953.

11. Прибавленіе № 39 къ газетѣ Московскій листокъ отъ 20-го Мая 1904 года, № 140.

12. Черединченко Т. «Гимнопеѣя» и «Неприкосновенный запасъ». М, Новое Литературное Обзоріе, 2001, № 1.

13. Glinka by A. Rosanov, NY, 1988.

14. M. Glinka by R. Mudge, Oklahoma, 1963.

ИЗВѢСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ М.И. ГЛИНКИ

I. БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ПѢСНОПѢЯ:

1. Херувимская пѣснь (1837)
2. «Да исправится молитва моя» (1856)
3. Ектенія первая (1856)

II. ОПЕРЫ:

1. «Жизнь за Царя» (1836)
2. «Русланъ и Людмила» (1842)

III. РОМАНСЫ:

1. «Дубрава шумить» на сл. В.А. Жуковскаго (1834)
2. «Сомнѣніе» на сл. Н.В. Кукольника (1838)
3. «Признаніе» на сл. А.С. Пушкина (1839)
4. «Сѣверная звѣзда» на сл. Е.П. Растопчиной (1839)
5. «Я помню чудное мгновенье» на сл. А.С. Пушкина (1840)
6. Цикль романсовъ «Прощаніе съ Петербургомъ» на сл. Н.В. Кукольника (1840)
7. «Адель» на сл. А.С. Пушкина (1849)
8. «Ночь въ Венеціи» на сл. Жуковскаго

Лучшая современная исполнительница романсовъ Глинки, Лина Мкртчян.

Памятникъ Глинкѣ въ Смоленскѣ.

9. «Среди долины ровныя»
- IV. МУЗЫКА КЪ ДРАМАТИЧЕСКИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ:
1. «Князь Холимскій» Н.В. Кукольника (1840)

V. СИМФОНИЧЕСКІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

1. Симфонія на двѣ русскія темы (1834)
2. Вальсъ-фантазія (1845)
3. «Арагонская хота», испанская увертюра № 1 (1845), (Балетъ Михаила Фокина)
4. «Камаринская» (Свадебная и плясовая) (1848)
5. «Сомнѣніе о лѣтней ночи въ Мадридѣ», исп. увертюра № 2 (1851)
6. Торжественный полонезъ на тему испанскаго болеро (1855)

VI. ВОКАЛЬНО-СИМФОНИЧЕСКІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

1. «Молитва» на сл. М.И. Лермонтова (1855)
2. «Лихорадушка» А.С. Даргомыжскаго, инструментовка для голоса съ оркестромъ (1855)

VI. КАМЕРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНІЯ :

1. Вариации на тему изъ Моцарта для арфы (1827)
2. Ноктюрнъ для альты (1825-1828)
3. Ноктюрнъ для арфы (1828)
4. «Котильонъ» (1828)
5. «Прощальный вальсъ» (1831)
6. Дивертисментъ на тему оперы «Сонамбула» Беллини (1832)
7. Серенада на тему «Анна Болейня» Доницетти (1832)
8. Мазурка (1833—1834)
9. Каприччио на русскія темы (1834)
10. Кавалерійская рысь (1843)
11. Вариации на шотландскую тему (1847)
12. «Привѣтъ Отчизнѣ» (1847)
13. Вариации для пѣяно на тему Беллини «Капулетти и Монтекки» (1831-1832)
14. Баркаролла «Ночь въ Венеціи»
15. Большой секстетъ и трио «Патетикъ» (1832)
16. Соната для альты и пѣяно (1825-1828)

ФИЛЬМОГРАФИЯ М.И. ГЛИНКИ

1. «Композиторъ Глинка» реж. Ариштамъ (1946)
2. «Глинка» реж. Армандь (1953)

Церковь-мученица в лагерь Кемптег, как она выглядела после разгрома, через алтарь которой спасались люди от советского рабства. Это было 12-го Августа по новому стилю, страшный день — и день рождения Царственного Мученика Цесаревича Алексея — Наслѣдника Россійскаго престола — небеснаго Защитника Православной Россіи. И онъ защитил: послѣ переезда в другой лагерь почти всѣ смогли тайно покинуть его и спаслись, но травма осталась на всю жизнь.

Семья Маловых: Николай Никанорович,
Владимир Николаевич, автор Ирина и ее мама,
Ирина Анатольевна.

Фасад школы Виттельсбахер в городѣ Кемптег в альпійской части Баваріи.

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МАТИРОЛОГИЙ

КЕМПТЕНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Память 12-го Августа (1945 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ СВИДЪТЕЛЬНИЦЫ
МАТУШКИ ИРИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЛУКИАНОВОЙ*МАЛО или почти ничего не знает новое поколеніе современной*

Руси о страданіях своих соотечественниковъ, которые до смерти были вѣрны историческимъ чаяніямъ святорусской вѣрности Христу, будучи за предѣлами своей Родины. Пришла пора не только узнать и воспѣть ихъ доблестное стояніе за Русь Святую, но и готовиться засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ чистоту Вѣры Православной, въ которомъ есть еще люди, жаждущіе принять на себя это Достояніе.

Тотъ, кто не потерялъ свою Родину, не можетъ понять того сиротскаго страха, неуверенности въ себя и подавляющей безпочвенности, которымъ овладѣваетъ все существо потеряющаго родную почву. Но поставившій Родину выше Бога, теряетъ Царство Небесное. А изгнанный изъ своего Отечества “правды ради” уподобляется праведнику, ибо, по ученію свв. Отцевъ Церкви, первая ступень “Лѣстницы Духовнаго Восхожденія” Прп. Іоанна Лѣстичника есть странничество, т.е. отршеніе отъ міра сего ради божественнаго идеала, которымъ жила и созидалась наша истинная Родина — Святая Русь.

Ниже помѣщаемъ воспоминанія нынѣ здравствующей свидѣтельницы, какъ русскіе люди крѣпко держались за свои духовныя цѣнности и не сдавались антихристову насилию, поработившему нашу Русь.

1. OPERATION KEELHAUL

1945 годъ. Кончилась страшная Вторая Мировая война. Въ Германіи оказалось нѣсколько миллионѣвъ русскихъ бѣженцевъ, не желавшихъ возвращаться на Родину. Одни были вывезены нѣмцами насильно на работы, другіе, попавъ въ плѣнъ, присоединились къ Власовскому движенію, третьи отступали вмѣстѣ съ нѣмецкими частями, не желая жить въ странѣ “побѣдившаго социализма”, съ его арестами и концлагерями. Страшный коммунистическій терроръ, начавшійся сразу послѣ революціи 1917 года и не ослабѣвшій и въ предвоенныя годы, вызвалъ невиданное до тѣхъ поръ переселеніе русскаго народа со своей Родины.

Послѣ окончанія войны совѣтское правительство, согласно постановленію Ялтинской конференціи, потребовало возвращенія своихъ гражданъ.

Западныя союзники обѣщали въ этомъ свою помощь. Но когда большинство русскихъ отказалось возвращаться на Родину, репатриационная акція стала насильственной. Она вошла въ исторію подъ секретнымъ названіемъ “Operation Keelhaul” (Операция Килеванія) — наказаніе въ англійскомъ флотѣ, когда матроса, привязавъ къ веревкѣ, протягивали подъ килемъ корабля.

Иностранныя рабочіе другихъ національностей, которыхъ много было въ то время въ Германіи, съ флагами и съ пѣнями на грузовикахъ уѣзжали къ себѣ на родину. Мы съ завистью смотрѣли на нихъ. По всей Европѣ рыскали совѣтскіе агенты. Организовывались лагеря для возвращенцевъ, а также и для нежелавшихъ уѣзжать на родину. Казалось, если будемъ вмѣстѣ, будетъ безопаснѣе. Какъ говорится, на міру и смерть красна. Громкимъ обѣщаніямъ

Южная Бавария, городъ Кемптенъ (Kempten), основанъ кельтами въ 15 г. до Рождества Христова.

“Родина васъ ждетъ” никто не вѣрилъ. Рѣдко можно было встрѣтить семью, чтобы кто-то изъ родныхъ не былъ сосланъ въ концлагерь или разстрѣлянъ, или раскулаченъ.

Въ июль 1945 года наша семья оказалась въ небольшомъ городѣ Кемптенѣ на югѣ Баварии. Семья наша состояла изъ дѣдушки, Николая Никаноровича Малова, старого профессора физики и высшей математики, моихъ родителей и меня, 17-лѣтней дѣвочки.

По прибытіи въ Кемптенъ друзья совѣтовали намъ записаться въ лагерь какъ старые эмигранты. Разница между старыми и новыми эмигрантами состояла во времени ихъ ухода изъ Россіи. Старые эмигранты оставили Россію вскорѣ послѣ революціи и жили въ разныхъ странахъ Европы. У большинства были такъ называемые нансеновскіе паспорта и официально Совѣтскій Союзъ претензіи къ нимъ не имѣлъ. Но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не такъ.

Новыми эмигрантами назывались люди, бѣжавшіе во время Второй Мировой войны, использовавъ оккупацию нѣмцами какъ возможность ухода изъ-подъ власти Сталина. И старые и новые эмигранты были исключительно политическими эмигрантами.

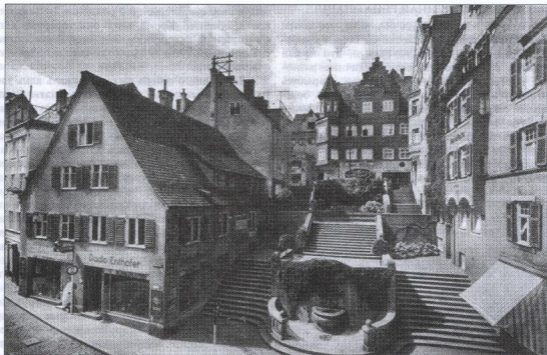
На семейномъ совѣтѣ рѣшено было говорить правду, такъ какъ дѣдушка — человѣкъ старыхъ традицій — не сказалъ бы неправды и ради спасенія жизни, и мы записались какъ новые эмигранты.

2. КЕМПТЕНЪ

Въ Кемптенѣ бѣженцы были размѣщены въ трехэтажномъ зданіи большой школы, т.н. Виттельсбахеръ (Wittelsbacher Schule), по имени баварскаго княжескаго рода.

Зданіе школы было переполнено, и нашлось мѣсто только для дѣдушки, а мы поселились въ соседнемъ зданіи бывшей небольшой гостиницы. Въ одной небольшой комнатѣ размѣстилось человекъ 12-14, спали на двухэтажныхъ кроватяхъ. Въ соседней комнатѣ расположился съ женой казачій атаманъ Науменко, написавшій впоследствии страшную книгу о вылачѣ казаковъ въ Лиенцѣ “Великое предательство”. Несмотря на свои пожилые годы, поражала его молодая выправка. Передъ зданіемъ школы былъ большой, окруженный низкимъ заборомъ дворъ съ небольшими деревьями по краямъ. Нѣсколько человекъ молодежи устроили волейбольную площадку, и группа энтузіастовъ тутъ же начала игру.

Узнавъ, что въ лагерь организовали школу для дѣтей, родители меня сразу туда записали. Это было началомъ нашей знаменитой впоследствии фюссенской и шляйсгаймской гимназии. Сначала было всего два класса: младшій — лѣтъ до 12-ти и старшій — лѣтъ до 18-ти, а иногда и старше. Многие изъ-за

Кемптен, какъ его видѣли русскіе бѣженцы, обращенъ въ Православіе Св. миссіонеромъ Магнусомъ въ 747 г.

войны не имѣли возможности учиться, и теперь родители были рады послать дѣтей опять въ школу. Вспослѣдствіи среди насъ были и ученики, побывавшіе во Власовскихъ частяхъ или въ Русскомъ Корпусѣ въ Югославіи, но теперь вынужденные опять сѣсть за школьную скамью.

Впервые мы, выходя изъ-за желѣзнаго занавѣса, услышали проповѣдь о Христвѣ. Преподавалъ намъ Законъ Божій замѣчательный батюшка О. Василій Бошановскій*. Онъ былъ очень добрый, но и требовательный. Ученику, не знавшему урокъ, но умѣвшему красочно говорить, ставилъ двойку. Вспослѣдствіи, когда мы уже жили въ Фюссенѣ и классы были раздѣлены по возрасту, онъ намъ, почти взрослымъ неучамъ, преподавалъ Нравственное Богословіе, которое насъ сразу заинтересовало. Иногда въ большомъ залѣ зданія школы устраивались какія-то лекціи и доклады. Одинъ изъ нихъ особенно запомнился мнѣ. Говорилъ О. Александръ Киселевъ. Уже воспослѣдствіи я узнала, что онъ въ Берлинѣ окормлялъ влассовцевъ. Помню, темой его доклада были слова изъ Откровенія Іоанна Богослова (тогда я этого, конечно, не знала): "Въ вѣрѣ своей лучше будь холоденъ или горячъ, но не теплохладенъ". И эта мысль запомнилась на всю жизнь.

*Выдающийся пастырь, авторъ богословскихъ работъ, трогательно описавшій Саровскіе торжества 1903 г.

Но были мы въ тѣ послѣвоенныя годы очень легкомысленными, и однажды весь старшій классъ, сговорившись, вмѣсто уроковъ отправился на ближайшее озеро купаться. Это намъ не прошло даромъ и на слѣдующій день весь классъ былъ назначенъ въ нарядъ на кухню чистить картошку. Обычно только взрослые назначались на эти наряды.

Были у насъ и другіе развлечения. На третьемъ этажѣ школы въ большомъ залѣ каждый вечеръ, какъ мнѣ помнится, устраивались танцы. Во время войны танцевать официально не разрешалось, и потому теперь молодежь не могла натацеваться.

По улицамъ разрешалось ходить до 9:30-ти вечера, и намъ, живущимъ въ соседнемъ зданіи, возвращаясь послѣ танцевъ, приходилось перелезть черезъ заборъ на небольшой сарай и оттуда прыгать внизъ. Но такіа маленькія трудности никого не смущали. Вообще я не помню, чтобы по молодости дѣтъ мы о чемъ-то особенно беспокоились или переживали наше бѣженское положеніе. Безокоились и переживали за насъ наши родители.

А страхи были самые реальныя. Слухи о насильственныхъ депортацияхъ подтверждались съ каждымъ днемъ: выдвали влассовцевъ на сѣверъ Германіи, въ Іонъ - громадная выдача казаковъ въ Лиепѣ. Называли и другіе города: Дахау, Платингъ. Люди сопротивлялись, кончали жизнь самоубійствомъ, лишь бы не ѣхать на родину. Настроеніе въ лагерѣ было напряженное, какъ передъ грозой.

3. НАСИЛЬСТВЕННАЯ РЕПАТРИАЦИЯ

В Августѣ мѣсяцѣ вдругъ объявили, что завтра въ лагерь прибудетъ американско-совѣтская коммисія, которая опредѣлитъ, кто старыи, кто новыи эмигранты. Всякіе политическіе и личныя разногласія перестали существовать, люди старались помочь другъ другу. Была гдѣ-то въ подвалѣ организована секретная комната, гдѣ второстепенные документы старыхъ эмигрантовъ передѣлывались, чтобы какъ-то спасти новыхъ. Дѣлалось это такъ искусно, что документы выглядели какъ настоящие. Зналише иностранныя языки могли сойти за французовъ, поляковъ, югославленовъ, но такихъ было

Здание Wietzelsbacher Schule въ Кемптенѣ, гдѣ были размѣщены русскіе бѣженцы. Здание было перестроено въ 1945 году. Здание было перестроено въ 1945 году. Здание было перестроено въ 1945 году.

Въ нашей семьѣ быть устроены семейный совѣтъ и было рѣшено, что передъ страшной коммисіей предстанетъ только папа. Онъ всегда готовъ былъ встрѣтитъ лицомъ къ лицу всѣ трудности, которыя попадались на нашемъ пути, будь то въ Совѣтскомъ Союзѣ или во время нашего бѣгства на Западъ. Мама слишкомъ волновалась, а меня оставили по молодости.

Коммисія устроилась въ залѣ, гдѣ обычно танцевали. Сидѣло за столомъ нѣсколько американскихъ и нѣсколько совѣтскихъ офицеровъ. Люди подходили къ нимъ по очереди со своими документами. Первыми шли старые эмигранты, которымъ нѣчего было бояться. А потомъ уже шли новые, которые были виновны въ томъ, что жили и страдали въ Совѣтскомъ Союзѣ, "самой счастливой странѣ мира". Всѣми способами старались они доказать свою принадлежность къ старой эмиграціи. Результаты коммисіи никто не зналъ.

Отецъ мой родился за границей до революціи въ то время, когда его отецъ учился и кончалъ университетъ въ Бельгій, Льежѣ. Такимъ образомъ у него былъ дѣдушкинъ дипломъ объ окончаніи универси-

тета и свое свидѣтельство о рожденіи. 100% настоящие документы. Кроме того, онъ говорилъ и по-нѣмецки и по-французски. Онъ вернулся черезъ часъ счастливый, что онъ коммисію прошелъ благополучно.

До поздняго вечера лагерь жужжалъ какъ улей. Вздвоннанные люди не дожидились спать. Группа молодыхъ людей ходила изъ комнаты въ комнату, собирая подписи подъ петиціей президенту Труману, прося защиты Соединенныхъ Штатовъ и объясняя, что ихъ семьѣ преслѣдовались въ Совѣтскомъ Союзѣ и потому они стали антикоммунистами и невозвращенцами. Рано утромъ на слѣдующій день два чловѣка были посланы во Франкфуртъ къ высшимъ американскимъ властямъ съ этой петиціей.

Пара дней прошли спокойно. Наступило воскресенье 12-го Августа, чудесный лѣтній день. Ничто не предвѣщало, что это будетъ самый страшный день въ моей жизни.

4. ВЪ РАБСТВО 20-ГО ВѢКА!

Около 10-ти часовъ утра мы увидѣли грузовики съ американскими солдатами, которые окружили школу, гдѣ находился лагерь бѣженцевъ. Такъ какъ было воскресенье, въ большомъ гимнастическомъ залѣ, переоборудованномъ подъ церковь, шла литургія. Большинство людей было въ церкви. Мы поняли, что солдаты приѣхали репатриировать совѣтскихъ гражданъ. На углу улицы собралась толпа бѣженцевъ изъ другихъ лагерей: поляки, латыши, литовцы. У всѣхъ на лицахъ былъ страхъ, они тоже теперь всѣ были совѣтскими подданными.

Изъ здания школы изъ оконъ были вывѣшены черныя флаги съ буквами SOS на нихъ. Зданіе, гдѣ мы жили, не было оплѣнено, но мы были въ страхѣ за дѣдушку. Вдругъ видимъ, что солдаты въ грузовикахъ выѣзжаютъ изъ лагеря. Слухъ моментально разошелся, что они откажутся насильно репатриировать "военныхъ преступниковъ", увидѣвъ, что это обыкновенные граждане, да еще среди нихъ много стариковъ, женщинъ и дѣтей. Толпа на углу улицы устроила имъ овацию, пока они проѣзжали мимо.

Мы всей нашей семьей, минуя солдата, стоявшего при входѣ въ лагерь, вбѣжали въ зданіе и въ церковь, говоря, что солдаты уехали и лагерь больше не окруженъ. Но всеобщая радость была недолгой. Уже черезъ полчаса лагерь былъ окруженъ опять. На этотъ разъ это были не рядовые солдаты, а военная полиція. Они съ пулеметами стояли вокругъ лагеря черезъ каждые 50 метровъ. Страхъ охватилъ всѣхъ присутствующихъ въ церкви. Черезъ нѣкоторое время американскій полковникъ (по фамиліи Ламбертъ, какъ мы узнали потомъ) появился въ концѣ церкви на балконѣ и черезъ переводчика обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ бѣженцамъ. Онъ говорилъ, что, по Ялтинскому соглашенію, всѣ граждане, жившіе въ

Советском Союзе до сентября 1939 года, обязаны вернуться на родину. И тут же им были прочитан список из 410 человек. Он приказывает всем немедленно собрать свои вещи и садиться в грузовики, которые уже стояли во дворе перед школой. Последние перевезут их на железную дорогу, и поездом всех отправят в Мюнхен, в лагерь для репатриантов. Пока читался список, в церкви стояла зловещая тишина. Наша семья вся была в списке.

А затем началось что-то страшное. Это можно сравнить только с паникой на тонущем корабле.

Женщины с маленькими детьми, повернувшись спиной к алтарю, упали на колени перед американцем, умоляя убить их, но не отсылать назад в Советский Союз. Со многими была истерика, некоторые пытались покончить жизнь самоубийством. Один господин через окно пытался передать своих двух детей в соседний латышский лагерь, отделенный от школы узким проходом. Его подстрелили и он остался калёкой на всю жизнь. Люди падали в обморок. Инициативная группа мужчин пыталась как-то успокоить толпу и что-то придумать. Так же женщина-француженка, представительница UNRRA*, успокаивала людей, говоря, что по закону из церкви преступников не возьмут. Она посоветовала нам всем стать на колени и крепко взять друг друга под руки, уверенная, что насильно нас никто не будет брать из церкви.

Опять на балкон появился полковник и потребовал, чтобы все названные в списке моментально покинули церковь. Иначе ему придется применить силу. Один из священников стал призывать новых эмигрантов покинуть церковь, чтобы не пострадали другие. Но тут раздался голос нашего законоучителя, старенького О. Василия Бошановского, который сказал, что мы все русские люди и нас нельзя разделять на старых и новых. У нас одна судьба. Никто не тронется с места, никто не покинет церкви. Люди послушали совета француженки, офицера UNRRA, и став на колени, крепко держались друг за друга, заняв по диагонали половину церкви.

Вдруг высокие двери распахнулись, и вооруженные солдаты стали входить внутрь. Мы чувствовали их неуверенность. Но, как говорят немцы, "приказ есть приказ". Они стали подходить к людям в первом ряду и тянуть их за руки. Но люди крепко держались друг за друга. Тогда началось избиение дубинками и прикладами. Чтобы оторвать одного человека от толпы, требовалось два солдата. Женщин тянули за руки и за волосы и по полу вытаскивали из церкви. Одного священника, вырвав у него крест, ударили им по голове. Отца Василия вытащили из церкви за бороду.

Наша вся семья стояла на коленях приблизительно в середине толпы. Под натиском солдат передние ряды попятнулись и мы упали навзничь кучи людей. "Это — конец", — мелькнуло у меня в голове. До сегодняшнего дня я не знаю и не помню, как мы освободились. Крик и вопль стоял в церкви невообразимый. Мы оказались в группе около 30-ти человек, которые бросились в алтарь церкви, как бы ища там спасения. Все там было перевернуто, престол сдвинут с места, на полу валялись хоругви. Уже без всяких трудностей солдаты, взяв нас под руки, вывели из алтаря, и дальше на громадный школьный двор, весь залитый солнцем. В дверях стоял молоденький солдатик и разстроено смотрел на все происходящее. На ломаном английском языке, который я только начала учить, я обратилась к нему, не помню, что я ему говорила. Он растерянно развел руками, ничего мне не ответив.

5. ВЫДАЧА

Августовское солнце жгло немилосердно, дерева были маленькие и тени не давали. Во дворе уже стояли большие грузовики, готовые вывозить бженцев. Посреди двора был поставлен небольшой стол, и полковник с переводчицей стояли рядом. Были там еще какие-то военные. Среди них начальник UNRRA, негр по фамилии Washington, всегда очень расположенный к бженцам. Мне потом рассказывали, что видны слезы на его глазах*. Но он был беспомощен чьм-либо помочь. Люди подходили и предъявляли документы,

*Видно, вспомнилось ему, как "репатрировали" его предков из Африки в то же рабство американцы и англичане, пока Линкольн не освободил их. История повторяется.

Отец Василий Бошановский

*United Nations Relief and Rehabilitation Administration — организация, опекавшая лагерь бженцев.

которые недавно намъ были выданы въ лагерѣ. На нихъ были только отпечатки пальцевъ, но не было фотографіи. Каждый долженъ былъ подойти къ полковнику и показать свой документъ. Если его имени не было въ спискѣ, онъ отходилъ въ сторону и присоединялся къ группѣ такихъ, какъ онъ, счастливецъ въ одной сторонѣ двора. Тѣмъ же, чьи имена были въ этомъ страшномъ спискѣ, было приказано забирать свои вещи и садиться въ грузовики. Уже два или три грузовика выехали изъ лагернаго двора. Я была свидѣтельницей, какъ одна моя соученица, дочь одного изъ лагерныхъ священниковъ, кричала, уже стоя въ грузовикѣ, солдатъ ударилъ ее прикладомъ, и она свалилась на дно грузовика*.

Наша семья была въ отчаяніи. Папа далъ мнѣ золотую десятку, наше единственное сокровище, чтобы, если насъ раздѣлятъ, я могла подкупить солдата и бѣжать. Уже почти никого не оставалось непровѣренными, а мы все еще не рѣшились подойти къ страшному столу. Вдругъ дѣвушка въ формѣ сестры милосердія подошла ко мнѣ. Ихъ было нѣсколько, они давали успокоительное тѣмъ, кто плакалъ или упалъ въ обморокъ. Она стала предлагать мнѣ валерьянку и что-то шептала мнѣ. Я отвѣтила, что валерьянки мнѣ не нужно, тогда она громче стала мнѣ говорить, чтобы изъ ея кармана я взяла ее документъ, такъ какъ она не въ спискѣ. Сначала я не могла сообразить, какъ могу я выдать себя за Ксенію Руденко. Но тутъ вспомнила, что на документѣ нѣтъ фотографіи и поняла, что это возможно сдѣлать. Мама и папа подбадривали меня, чтобы я не боялась. Но эти нѣсколько минутъ, когда я стояла около стола и американскій полковникъ искалъ "мое" имя въ спискѣ, казались безконечными. Все происходило такъ быстро, что я не успѣла даже задуматься, а какъ же будетъ, если маму, папу и дѣшку посадятъ на грузовикъ. Я уже стояла вмѣстѣ со всеми свободными, но мы даже вѣдь не успѣли попрощаться. Теперь у стола стояли мои родители и дѣшка, за ними былъ еще только одинъ человекъ. Папа совалъ въ лицо американцу свое свидѣтельство о рожденіи и дѣдушкинъ дипломъ, оба документа на французскомъ языкѣ, пытаюсь доказать, что наши фамилии въ спискѣ — ошибка. Бѣдная мама только и могла про себя повторять: "Господи, помоги! Господи, помоги!" Переводчицей была русская дѣвушка изъ лагеря, а ее родители — профессора, друзья моего дѣдушки. Она стала доказывать, что произошла ошибка, она этихъ людей знаетъ, они — старые эмигранты. Нерѣшительно полковникъ поставилъ вопросительный знакъ около нашихъ

фамилій и отпустить моихъ родныхъ съ миромъ. Слава Богу, опять мы были всѣ вмѣстѣ.

6. 80 ПОЙМАННЫХЪ

Репатриціа бѣженцевъ изъ лагеря г. Кемптена закончилась. Изъ 410 въ спискѣ схвачено и увезено на вокзалъ только 80. Впоследствии мы узнали, что накануне ночью неизвѣстный американскій солдатъ постучалъ длинной палкой въ окно лагеря и предупредилъ, что завтра будетъ выдача. Нѣкоторые ему повѣрили, другіе нѣтъ. Тѣ, кто повѣрили, подъ покровомъ ночи перелезли черезъ заборъ въ сосѣдній дворъ, а оттуда, крадясь вдоль зданій и заборовъ, бѣжали въ лѣсъ, окружающій городъ. Такъ какъ никто не зналъ, будетъ ли повтореніе выдачи, то имъ изъ лагеря потихоньку носили въ лѣсъ продукты, пока положеніе какъ-то не стабилизировалось.

Также мы узнали, что накануне выдачи были банкеты, на которомъ присутствовали американскіе и совѣтскіе офицеры, а также, что списокъ совѣтскихъ подданныхъ былъ выданъ американцамъ начальникомъ лагеря, казначеймъ генераломъ Даниловымъ, и другими людьми изъ администраціи, якобы для того, чтобы спасти другую группу эмигрантовъ.

Мы плохо спали эту ночь. Сосѣди по комнатѣ рассказывали, что мы кричали во снѣ и пытались что-то доказывать.

Никто не зналъ, будетъ ли продолженіе вчерашняго. Лагерь больше не былъ оплѣненъ, но на воротахъ стоялъ солдатъ и изъ лагеря никого не выпускали. Мы могли выйти, потому что жили въ сосѣднемъ домѣ, а дѣлушка оставался въ лагерѣ. Мы были настолько напуганы, что рѣшили уходить изъ Кемптена. Но куда? Последніе дни войны наша семья пересидѣла въ пустомъ домѣ въ горахъ, гдѣ лѣтомъ живеть пастухъ и на дугахъ пасутся коровы, которыхъ пригоняютъ сюда изъ деревни на пастища. Это было на самой границѣ Австріи. Мы рѣшили уходить туда, а если репатриціи будутъ продолжаться, бѣжать дальше на югъ въ Австрію, Италію и, если понадобится, черезъ Средиземное море въ Африку. Сейчасъ это кажется смѣшнымъ, но тогда все казалось реальнымъ. Такъ какъ папа долженъ былъ какъ-то освободить изъ лагеря дѣдушку, то уходи́ли только мама и я. Втроемъ мы вышли изъ нашей гостиницы, за плечами у мамы и у меня по небольшому рюкзаку. Мы такъ были напуганы, что шли не вмѣстѣ. Впереди мама и я, гдѣ-то сзади и по другой сторонѣ улицы шель папа. Мы боялись каждаго встрѣчнаго американскаго солдата, каждой встрѣчной американскій машины. Въ рюкзакахъ у насъ, кромѣ кое-какой ѣды и папиросъ, которыя были размѣнной монетой того времени (у насъ никто не курилъ, но наекъ мы получали), лежали карты тѣхъ мѣстъ. Папа былъ альпинистомъ, много ходилъ по горамъ, и у него были карты тѣхъ мѣстъ.

*Въ 1949 г. вышелъ замѣчательный правдивый Голливудскій фильмъ подъ названіемъ "Красный Дунай" съ участіемъ великихъ кинозвѣздъ Эт. Барриморъ, Уалтеръ Пизденъ и Джанетъ Ли въ роли русской страдальницы.

7. БЪГЪ

Мы боялись идти по главнымъ дорогамъ и собирались пробираться къ заветному домику по горнымъ тропинкамъ. Наконецъ мы все трое вышли за городъ въ полѣ. Здѣсь мы попросились. Папа перекрестилъ насъ съ мамой, впервые въ моей жизни, и сказалъ: "Я въ Бога вѣрую, помоги намъ всеѣмъ Господь". Прощаніе наше было короткимъ, мама плакала, папа торопился назадъ, безпокою о дѣдушкѣ.

Шли мы съ мамой три дня. Это было нелегкій переходъ. Въ одномъ мѣстѣ намъ надо было перейти черезъ границу. Кемптенъ былъ въ американской зонѣ оккупации, а намъ надо было попасть во французскую. Нагибаясь, а иногда и почти ползкомъ пробиралось мы вмѣсто дороги черезъ поле, засаженное кукурузой. А совсемъ недалеко видны были у шлагбаума на дорогѣ солдаты. Первую ночь мы ночевали въ какой-то деревнѣ, гдѣ оказался небольшой польскій лагерь, занимавший всего одинъ жилой домъ. Насъ накормили и уложили спать на настоящія кровати и со страхомъ слушали наши рассказы о прошедшемъ въ Кемптенѣ.

Еще одинъ день пути по одинокимъ тропинкамъ. Мама въ своихъ горныхъ ботинкахъ страшно до крови растерла ноги и еле шла. Начиная темнѣть, мы подходили къ деревнѣ въ горахъ, состоявшей приблизительно изъ 5-6-ти большихъ крестьянскихъ дворовъ. Слѣдующая деревня была внизу, километрахъ въ 8-10-ти. Въ какой домъ мы ни стучались, никто не хотѣлъ насъ принять. И мама и я прилично говорили по-нѣмецки, но вездѣ получали отказъ. Наконецъ, послѣдній домъ. Мама плачетъ, едва идетъ отъ усталости. Вышелъ къ намъ навстрѣчу толстый неприветливый хозяинъ. Я уже понимаю, что онъ насъ не пуститъ. Но вдругъ позади него появляется молодой парень и говоритъ: "Отецъ, вѣдь я только недавно вернулся изъ русского плѣна, и русскіе всегда дѣлились со мной послѣднимъ кускомъ хлѣба, хотя сами очень бѣдны. Пусты ихъ!" И тогда намъ дали два шерстяныхъ одяла, кринку съ молокомъ и большую краюху свѣжаго хлѣба, и указали мѣсто на сеновалѣ, гдѣ мы могли переночевать.

Въ этомъ деревенскомъ домѣ гдѣ-то въ горахъ южной Баваріи мама достала изъ рюкзака своей совѣтскій паспортъ, мое свидѣтельство о рожденіи, свое свидѣтельство объ окончаніи фельдшерской школы, все все, что могло доказать, кто мы такіе, и разорвавъ все на мѣлчайшіе кусочки, выбросила въ деревенскую уборную.

Къ вечеру слѣдующаго дня мы наконецъ доплыли къ одинокому домику, мѣсту нашего спасенія. Домикъ самъ стоялъ на горѣ, и послѣдній подъемъ прямо черезъ лѣсъ, даже безъ тропинки, помню, было особенно труднѣе для мамы. Но каково было наше счастье, когда въ угловомъ окнѣ дома мы увидѣли дѣдушкину слѣдую голову!

Не помню уже, чѣмъ папа подкупилъ американскаго солдата, который стоялъ при входѣ въ лагерь и оказался полякомъ, и тотъ разрешилъ дѣдушкѣ выйти. Ити съ дѣдушкой по горнымъ тропинкамъ, по которымъ мы шли съ мамой, было немисливо, и пришлось идти по главнымъ и проселочнымъ дорогамъ. Но видъ у дѣдушки былъ настолько профессорскимъ и явно не привыкшаго къ большимъ переходамъ, что ихъ то и дѣло кто-то изъ нѣмцевъ предлагалъ ползвѣти, иногда на грузовикѣ, иногда на телегѣ. Поэтому-то они и добрались къ заветному домику раньше насъ.

Прожили мы тамъ около мѣсяца, пока слухи о дальнѣйшей репатриціи пріутихли, и друзья сообщили намъ, что можно вернуться въ Кемптенъ. О томъ, что произошло въ Кемптенѣ 12-го Августа 1945 года, было написано въ одной швейцарской газетѣ *Bazeler Nachrichten*, № 416, въ статьѣ подъ названіемъ "Кровавое воскресенье въ Кемптенѣ".

Черезъ мѣсяцъ весь лагерь переводили въ Фюссенъ на самой границѣ Австріи. Съ трепетомъ сядись мы въ грузовики. Мы не были увѣрены, что вмѣсто Фюссена насъ не повезутъ всеѣхъ въ какой-нибудь лагерь для репатриантовъ.

Матушка Ирина Влад. Лукьянова (Малова)

8. ПОСЛѢСЛОВІЕ

Но Господь помиловалъ ихъ семью и многихъ другихъ. Со временемъ наши земляки разѣхались по разнымъ странамъ міра, куда принимали, давали работу, и русскіе, не покрививъ душой, сохранили свою жизнь. Многие устроились хорошо, но свою Русь не забыли. Съ достоинствомъ носили свое имя среди инославныхъ. Строили свои храмы, общины; воспитывали своихъ дѣтей въ духѣ свято-русскомъ и распространяли свою Вѣру среди инославныхъ, пріотивившихъ ихъ людей доброй воли, даже многихъ крестили, привезя ихъ въ Царство Небесное.

Авторъ, Ирина Владиміровна Малова, вскорѣ въ лагеряхъ бѣженскихъ встрѣтила добраго юношу Романа, изъ Харькова, сына новомученика Евгенія, принявшаго вѣнѣтъ мученической въ мѣстечкѣ Валуикѣ. Поженились, прѣехали въ Америку и Романъ Лукьяновъ принялъ священній санъ и вотъ уже много лѣтъ трудится на нивѣ Христовой, какъ выдающийся пастырь-миссіонеръ, создавшій въ большомъ американскомъ городѣ Бостонѣ уголокъ Св. Руси, вдохновляя и окормляя православнымъ мировоззрѣніемъ новыя поколѣнія. А попали бы они въ жертвы репатриціи, оказались бы въ ГУЛАГѣ рабами 20-го вѣка, и врядъ ли бы выжили, а если и выжили, то стали бы безвольнымъ совѣтскими рабами, прозябая въ безбожномъ бездѣйствіи совѣтскаго страха.

"Блаженны изгнанные правды ради, ибо ихъ естъ Царство Небесное". (Мф. 5:10)

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ МАРТИРОЛОГИЙ

КІЕВСКІЕ НОВОМУЧЕНИКИ

4 письма отъ Игумена Леониды (Гесь)

ГОВОРЯТЬ, что тема о Новомученикахъ надолга молодому поколѣнію, т.к. у нихъ связаны руки и нѣтъ ниоткуда поддержки и вдохновения.

Но такое коварное мышление требуетъ историческаго возмездія, т.е. неизменно повьтся историческое повторение, ибо это означаетъ, что зло братоубійства не изжито въ русскомъ народѣ, какъ ни печально это говоритъ. Но сознайтесь, убійцы русскаго народа не найдены, не определены и не осуждены, что для молодежи, подвергнутой романтическому бандитизму со вѣн, внутренне означаетъ, что можно безнаказанно рубить брата своего.

Изъ нижеслѣдующихъ писемъ скромнаго монаха-свидѣтеля, нашего друга О. Леониды, явствуетъ, какъ проводилось это окаянное дѣйствіе на югѣ Россіи и какъ оно можетъ легко повториться въ наши дни, если великій подвигъ Мученичества русскаго народа будетъ забытъ!

Неужели предстоить повторение? Неужели снова будетъ русский народъ безмолвствовать?

Называя это лжесмирненіе добродѣтелью? По библейскому ученію, если у народа позабудется высшее виднѣе своего земнаго назначенія, то онъ сойдетъ съ лица земли какъ "соль обуявшая".

ПИСЬМО 1

10-го Августа 1971 г.

Ваше боголюбіе б. Гльбѣ!

Я лично Архіепископа Леонтія не зналъ, а по слухамъ онъ былъ келсеиникомъ у Схи-Архіепископа Антонія, который жилъ въ скиту Китаево, гдѣ есть церковь и лаврское кладбище и онъ у протоіерея А. Плаголева проходилъ Академическіе курсы и участвовалъ въ катакомбной церкви. Онъ былъ арестованъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ на Лукьяновкѣ г. Кіева, былъ освобожденъ и скрывался. По приходѣ нѣмцевъ былъ епископомъ Уманскимъ. Про епископа Андрея Уфимскаго я ничего не знаю. Въ 1931 году СССР епископовъ стали арестовывать и ссылать въ Сибирь, Соловки, Казахстанъ, т.е. въ Алма-Ату, то въ Св.-Троицкій монастырь О. Юны много епископовъ прибывало, временно давали имъ пріютъ и столовались, жилъ митрополитъ Михаилъ Ермаковъ, епископы Аванасій, Аркадій, Іоасафъ, князь Живаховъ, еп. Макарій Полтавскій, который не призналъ декларации митрополита Сергія.

Епископъ Григорій, Филаретъ Черниговскій, Архіеп. Назарій, всѣ эти епископы служили въ Троицкомъ монастырѣ и жили недѣлями и мѣсяцами. Въ то время СССР епископовъ арестовывали и

на тотъ свѣтъ отсылали. Монахиню Марію Шаховскую я не знаю, такъ какъ на гостиницѣ жили въ то время мнѣ не знакомые, но я знаю схимонахиню Марію, лѣтъ 50 ей, изъ Одессы, Благовѣщенскаго монастыря, она живописка, была арестована, сидѣла въ тюрьмѣ въ г. Кіевѣ на Лукьяновкѣ, была отпущена, и при Ежовѣ всѣхъ, кто прежде сидѣлъ, вторично арестовали и никто не возвращался.

Въ Св.-Покровскомъ монастырѣ Блафонъ О. Александру (Мишуккову) была операция и я временно въ монастырѣ служу и пока тамъ и живу.

Съ любовью во Христѣ, И. Леониды.

Я икону Прп. Ксеніи получилъ, спасибо.

ПИСЬМО 2

25-го Марта 1974 г.

Всечестный О. Германы!

Я епископа Дамаскина не зналъ, но я жилъ съ О. Архим. Агеемъ. Епископъ Дамаскинъ и О. Архим. Агей жили оба въ Почаевской Лаврѣ, въ 1922 г. О. Агей зналъ, что война будетъ въ СССР и ухалъ изъ Польши въ Канаду, а Еп. Дамаскинъ остался въ Польшѣ. И когда война была въ 1941 году, нѣмцы отступали по рѣкѣ Дунай черезъ мосты, большевистскіе настигли тысячи людей и людей давили танками.

Тогда и Еп. Дамаскинъ на лошади съ повозкою былъ раздавленъ.

Про Игуменью Софію Покровскаго монастыря я ничего не знаю, Покровскій монастырь существуетъ все время и большевики посылаютъ молодыхъ дѣвѣцъ изучать монашескую жизнь и потомъ за границу посылаютъ агентами для СССР.

Про О. Иеромонаха Ѳеодосія, я отлично его знаю, онъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ работаетъ, быть великій постникъ и молитвенникъ, и когда митроп. Сергій издалъ декларацию, то монастырь поминалъ митроп. Петра и Сергія, а О. Ѳеодосій тайно ушелъ изъ монастыря, неизвѣстно куда.

Епископъ Аркадій назначенъ на высилку, нѣсколько дней былъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ и онъ долженъ былъ уѣхать по назначенію ГПУ.

Князь Жинаховъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ О. Іоны тайно принялъ монашество съ именемъ Іоасафа и принялъ епископство и долго скрывался въ монастырѣ. Агенты вызвали еп. Іоасафа и арестовали и, по-видимому, разстрѣляли*.

Въ Церковщинѣ **Игумень Анатолій** не призналъ декларацию, арестованъ, исчезъ безвѣстно.

Село Ирпень протоіерей **Отецъ Димитрій Ивановъ** не принималъ декларации и къ нему присоединилось 10 душъ монашекъ изъ Покровскаго монастыря. Въ арестованы и высланы неизвѣстно куда.

Въ 1927 году въ ноябрѣ СССР предложилъ монахамъ лаврскимъ принять живую церковь, а если не согласятся, оставить Лавру. Монахи не приняли Живой Церкви и служили въ другой церкви, и живисты заняли Лавру. Люди не ходили къ нимъ, и живисты бросили Лавру, и тогда СССР сдѣлалъ изъ Лавры музей. Въ 1941 году совѣты заминировали главную церковь съ тѣмъ, чтобы когда люди войдутъ въ церковь, взорвать. Одинъ изъ агенто́въ доложилъ нѣмцамъ, нѣмцы взорвали главную церковь. Въ 1942 году, куда нѣмцы ушли изъ Кіева, СССР пришелъ, всѣхъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей собрали въ Лавру и ночью на дрогахъ вывели неизвѣстно куда, по-видимому, за городомъ разстрѣляли. А 6 монаховъ оставили для вида туристовъ и для порядка.

Съ любовью во Христѣ, Иг. Леонидъ.

Я Архіепископовъ Пахомія и Аверкія не знаю.

ПИСЬМО 3

30-го Марта 1974 г.

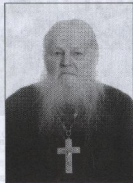
Ваше Боголюбие О. Германы!

* Разстрѣляли въ Курскѣ 4-го Декабря 1937 г.

Я Васъ оповѣшаю, въ 1927 г. архимандритъ Филладельфъ, начальникъ типографіи, у котораго на ногѣ ступни не было, онъ выдалъ ГПУ Лаврскія цѣнности, которая были въ ризницѣ закопаны и залиты цементомъ, еще въ 1914 г. въ войну отъ нѣмцевъ. А Филладельфъ выдалъ ГПУ и ему ГПУ дали за то начальника Лавры. Въ Выдубецкомъ монастырѣ также были цѣнности въ ризницѣ закопаны въ землю и залиты цементомъ въ 1914 году во время войны съ нѣмцами, то Выдубецкаго монастыря Иеромонахъ (забылъ имя) и Иеродіаконъ Никита указали цѣнности ГПУ, и имъ ГПУ дали правленіе монастыря, но тамошние прихожане ихъ съ бесчестіемъ прогнали, и они перешли къ живистамъ въ Лавру. Живисты мало были въ Лаврѣ, отъ 1927 до 1928 г. Мая мѣсяца. У нихъ пѣвчихъ не было, люди не ходили въ церковь и не жертвовали денегъ. А Филладельфъ, когда сѣдился на трамвай, его параличъ разбилъ, и такъ живисты сами бросили Лавру. СССР сдѣлалъ инвалидный городокъ, помѣстили калекъ, но имъ стало стыдно, чтобы туристы не смотрѣли на калекъ; помѣстили безпризорныхъ, то они стали крышу снимать съ корпусовъ и продавать, тогда СССР изъ Лавры сдѣлалъ музей.

Въ 1927 году, когда было изгнание изъ церквей цѣнностей, говорилъ схимонахъ Дидимъ, который стоялъ у иконы, которая послѣ обдѣли наль Царскими вратами спускалась и люди прикладывались, что ГПУ пришли 4 человекъ и сказали,

можетъ у васъ есть старинныя вѣщи, то отдайте намъ, тогда мы не будемъ брать тѣ, которая въ описи. Монахи отдали царскіе врата старинныя серебряныя, купель серебряную и другія вѣщи ценныя, тогда СССР стали грабить, сняли люстру, серебряную позолоченную вѣсомъ въ 80 пудовъ, съ престола серебряную доску, на престолѣ былъ чистаго золота крестъ 5 фунтовъ, подаренъ Зиновіемъ Мазепою и другія цѣнности забрали. И вскорѣ послѣ арестовали начальство Лавры, Архимандрита Кlementsа, казначея Архимандрита Анфима, ризничего Арх. Амносія и Архим. Анфима, и они сѣдшли въ Кіевѣ въ тюрьмѣ на Лукьяновкѣ. Изъ разсказа схимонаха Дидима, наль царскими вратами была икона Успенія Б.М., риза на иконѣ чистаго золота и дорогіе камни. Въ старое время стояла риза 10 тысячъ золотомъ. Въ 1927 году монахи сняли ризу, а наложили ризу бронзовую позолоченную и дорогую ризу въ ящикѣ осмоленномъ закопали въ Голосѣвскомъ лѣсу, гдѣ былъ скитъ и, по-видимому, была пытка начальству, и люди видѣли, ГПУ на машинѣ съ Арх.

Игумень Леонидъ (†1978)

Кіевъ въ 1910 г. Братскій монастырь — почти всѣ эти храмы снесены.

Климентомъ и Арх. Анфимомъ икону откопали и забрали, архимандрита не избѣтили, гдѣ они есть.

11-го Января 1927 г. СССР Лавру Печерскую закрыли. У монаховъ были знакомые въ г. Черкасы (40 миль отъ Кіева на западъ по Днѣпру). Въ Черкасахъ была женскій монастырь и чудотворная явлена икона Б.М., монахи къ своимъ знакомымъ стали прѣзжать, а ГПУ стали давать монахамъ паспорта и имѣли право на квартиру. Но паспорта были съ подложными водяными знаками, и монахи въ большомъ количествѣ двинулись въ г. Черкасы. Въ 1928 году въ мартѣ мѣсяцѣ какъ ледъ на Днѣпрѣ растаялъ, то ГПУ сговорилось съ бендюжниками и въ 2 часа ночи всѣхъ арестовали и съ вещами вывезли на мостъ черезъ Днѣпръ. Раздѣвтыми, со связанными назадъ руками бросали съ моста въ воду. Всѣ погибли.

Въ 1943 году, когда нѣмцы отступали, а СССР пришли, то собрали всѣхъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей Кіева въ Кіево-Печерскую Лавру хитростью и обманомъ и въ одну ночь вывезли за городъ и разстрѣляли. Бульдозеромъ вырыли яму и загорнули землею въ ямѣ монаховъ. Въ Лаврѣ оставили 6 монаховъ для показовъ туристамъ и для порядка въ Лаврѣ. Въ городѣ Кіевѣ на миллионъ 500 тысячъ жителей только 2 церкви: Владимірскій соборъ и Покровскій женскій монастырь. Лавра закрыта подъ музей, Выдубецкій монастырь закрытъ, Св.-Троиц-

кій монастырь Отца Іоны сталъ пекарней пирожковъ, Десятинная церковь взорвана, Св.-Никольскій соборъ военный взорванъ, Св.-Николаевскій монастырь взорванъ, церковь въ честь Скорбященской иконы Б.М. взорвана, скитская церковь въ честь иконы Б.М. Курской Коренной взорвана.

Пишу о новомученикахъ. **Архіепископъ Алексій Волинскій Каменно-Подольскій**, ему украинскіе партизаны предлагали стать Украинскимъ патриархомъ, но онъ отказался и былъ убитъ. Старшину района того жена пожелала торжественно похоронить и на машинѣ вызвала Архіепископа, и по дорогѣ машина обогнала и застрѣлили Епископа Алексія, госпожу, шофера и дѣвицу, идущую по дорогѣ. Свято-Троицкаго монастыря О. Іоны настоятеля **Архимандрита Ювеналія** сослали въ 1932 г. въ Ташкентъ, гдѣ онъ умеръ отъ жары и голода. **Архимандрита Іова** сослали въ Алма-Ату, умеръ отъ голода. Архим. Аркадію ГПУ въ церкви надѣли мѣшокъ на голову, забрали веши церковныя и заставили уплатить, а потомъ арестовали и сослали.

ПИСЬМО 4

20-го Мая 1974 г.

Воистину Воскресе! И васъ взаимно поздравляю со свѣтлымъ праздникомъ В. Х. и желаю добраго здравія и душевнаго спасенія и многаго лѣта.

Киев 1943 года, когда немцы ушли и СССР пришли, то СССР собрали всех монахов в Лавру и в одну ночь на дрогах вывезли неизвестно куда, по видимому за городъ и бульдозером вырыли яму. Всех постреляли и зарыли в землю. СССР оставили 6 монахов для показа туристам и для порядка Лавры. Свято-Троицкого монастыря уцѣлѣло 45 душ, а лаврских монахов Игуменъ Валерій отбылъ в ссылку и при немцахъ был настоятелемъ Лавры.

Лаврские два архимандрита академики Гермогенъ Голубовъ и Θεодосій были арестованы. **Архимандритъ Θεодосій** погибъ в ссылкѣ. Архим. Гермогенъ работалъ в канцеляріи и при немцахъ былъ в Киевѣ, митроп. Сергіемъ поставленъ Епископомъ въ Ташкентъ, и ГПУ предложило Еп. Гермогену удалить дѣятельнаго священника изъ прихода. Еп. Гермогенъ не подчинился, агенты СССР удалили его на покой въ Жировицкій монастырь (Польша).

Лаврскій **Игуменъ Еразмъ** арестованъ въ 1923 году и погибъ в ссылкѣ. Въ 1923 году митрополитъ Михаилъ Ермаковъ былъ арестованъ и высланъ въ Орловскую губ., отбылъ 5 лѣтъ ссылки, возвратился въ Киевъ и жилъ долго в Свято-Троицкомъ монастырѣ, служилъ. Перешелъ въ Св.-Михайловскій монастырь и вскорѣ умеръ и похороненъ возлѣ Малой церкви въ склепѣ.

Лаврскихъ монаховъ мало осталось, СССР всехъ уничтожили, отъ Лавры въ Петроградѣ было подворье съ церковью Богоявленія. На крещеніе Господне присутствовали Государь.

Лаврскіе скиты Голосѣево, Преображенскій, Китаево, тамъ жилъ схи-епископъ Антоній. "Темное" — 250 десятинъ лугу и молочная ферма, въ Голосѣевѣ лѣсъ и 30 десятинъ сада и огорода. Въ Китаевѣ жилъ О. Θεοφιлю, Христа Ради Юродивый (1852), который ѣздилъ на бычкѣ и былъ прозорливый. Однажды митрополитъ Филаретъ хвалитъ служитъ въ Китаевѣ и читалъ правило в каретѣ, а О. Θεοφιлю влѣзъ на дерево и читалъ Псалтирь. Митрополитъ сказалъ: "Что ты дѣлаешь, Θεοφιлю?" — "А я правило дочитываю". Случился пожаръ въ покояхъ митрополита, О. Θεοφιлю далъ 2 головни обгорѣлыхъ и бутылку воды, и пожаръ былъ потушенъ. И много разъ О. Θεοφιлю пророчествовалъ; онъ предсказалъ, что монастырь будетъ О. Іоны, и многія спасутся в немъ.

Могилевъ на Днѣпрѣ 1917 г. **Архіепископъ Николай** жилъ в монастырѣ Билоничи. ГПУ въ 12 часовъ ночи вызвали по телефону Архіеп. Николая въ Могилевъ и диаконъ лошадью отвезъ его въ Могилевъ, тамъ ГПУ его разстрѣляли.

Архіепископъ Константинъ Могилевскій разстрѣлянь ГПУ. **Архіепископъ Павлику Могилевскій** въ 1932 году, **протоіерей Павелъ** и **Іеромонахъ Іеронахъ Жабько**, игуменъ Преображенскаго монастыря, и еще священникъ, имя я забылъ, и еще 2 священника,

Десятинная церковь в Киевѣ — взорвана — мученица!

имена забыть, всехъ судили, были сосланы и погибли в ссылкѣ безъ переписки.

Спаси Господи за книги, я получилъ.

Съ любовью о Господѣ, И. Леонидъ.

Р.С. Могилевъ на Днѣпрѣ. **Архіепископъ Николай** прибылъ в 1932 году изъ Биробиджана, в городѣ Могилевѣ служилъ 1 мѣсяцъ въ церкви Успенія на кладбищѣ. СССР наложили большой налогъ и церковь закрыли. Архіеп. Николай ѣдетъ в Москву къ митрополиту Сергію. Арестовали, вывезли въ Могилевъ и выслали неизвестно куда или разстрѣляли.

Киевъ. Архіеп. Дамаскина я не зналъ, М. Иг. Софія не зналъ. Еп. Аркадія я зналъ, онъ въ Св.-Троицкомъ монастырѣ служилъ и говорилъ за облымо: "Меня отсылаютъ, тамъ не знаютъ нашего языка и мы ихъ языка не знаемъ". Его СССР выслали безъ охраны по назначенію и онъ долженъ былъ уже тамъ регистрироваться въ ГПУ. **Архіепископъ Анастасій** долго жилъ в Свято-Троицкомъ монастырѣ, служилъ, арестованъ, сосланъ, погибъ в ссылкѣ.

Изъ Свято-Троицкаго монастыря О. Іоны трое: **Архимандритъ Ювеналій** сосланъ въ Ташкентъ, умеръ в ссылкѣ, **Архимандритъ Іовъ** умеръ в ссылкѣ въ Алма-Атѣ, **Архимандритъ Аркадію** въ 1932 г. при Ежовѣ сосланъ въ Алма-Ату, умеръ тамъ или разстрѣлянь. **Іеромонахъ Евстафій Жеребювъ** разстрѣлянь, **Іеромонахъ Есеевъ** в ссылкѣ погибъ, схи-игуменъ Лука в ссылкѣ умеръ. **Игуменъ Гедеонъ** в ссылкѣ умеръ, **Іеромонахъ Меодій** в ссылкѣ умеръ, **Іеромонахъ Евкарій** в ссылкѣ умеръ. **Іеромонахъ Протасій** сосланъ безвѣстно, **Іеромонахъ Понъ** сосланъ безвѣстно, **Іеродіаконъ Павлю** умеръ отъ голода в ссылкѣ.

Михайловскаго монастыря знаменитый проповѣдникъ **Игуменъ Иларіонъ** въ 1927 г. арестованъ безвѣстно, выслаенъ или разстрѣлянь. **Протоіерей Сергію Лобачевскій**, настоятель Софійскаго кафедральнаго собора получилъ волной 5 лѣтъ ссылки въ

Алма-Ату, въ ссылкѣ умерь. **Архимандритъ Серафимъ Жидко**, благочинный въсѣхъ монастырей Кіева, настоятель Михайловскаго монастыря арестованъ, высланъ неизвѣстно куда.

Вудубецкаго монастыря **Игуменъ** и казначей и регентъ **Несторъ** арестованъ, высланъ неизвѣстно куда. Михайловскаго монастыря **Протоіакопъ Онуфрій** разстрѣлянъ. **Іеромонахъ Клавдіанъ** былъ на приходѣ, колхозники взбунтовались и “попа разстрѣляли”. **Іеромонахъ Смарагда** высланы изъ Кіева, 5 лѣтъ отбывать высылки, въ Кіевъ не пустили. Въ Курской губ. былъ на приходѣ, колхозники взбунтовались и О. Смарагда разстрѣляли. Полтавской губ. станція Козельщина быть Покровскій монастырь. Въ 1920 г. красноармеецъ застрѣлилъ настоятеля О. **Іеромонаха Леонтія**. 1920 г. село Медвѣдовка Полтавской губ. быть монастырь мужескій въ честь Св. Георгія Побѣдоносца и денкинци служили молебны. Ихъ настигли красные, денкинцы убѣжали, а **іеромонаха** и **3 пѣвчихъ** красные въ кухнѣ въ котлѣ кипѣть кипяткомъ, и они всѣхъ бросили головой въ кипятокъ, всѣ умерли.

Ольгинская церковь въ Кіевѣ. **Протоіерей Савва** принялъ Лаврскихъ монаховъ въ 1927 г. Они служили службу лаврскую, прекрасно пѣли, за то протоіерея Савву сослали неизвѣстно куда и погубъ въ ссылкѣ.

СССР сморили голодомъ на Волгѣ нѣмцевъ въ 1914 году, сморили голодомъ казаковъ Донъ, Кубань, все зерно забрали и стала голодь. 1932-3 гг. На Украинѣ наложили большой налогъ, многіе отказались отъ земли. Осенью изъ большихъ городовъ партійцы, мѣстные коммунисты, красная метла у всѣхъ людей забрали зерновой хлѣбъ, шомполами въ землѣ искали, а гдѣ находили зерно закопано, 5 лѣтъ давали сылки и начался большой голодь. Александровскій госпиталь каждая сутки хоронилъ по 1000 труповъ, яму вырываютъ бульдозеромъ, известью негашеной пересыпаютъ и бульдозеромъ заравниваютъ. Въ концѣ 1933 г. появился коммерческой хлѣбъ, давали по одному килограмму хлѣба. Изъ деревень приходилю опухшіе люди. Кто возьметъ 2 кг хлѣба, то на станціи милиционеръ отбираетъ, а даетъ 1 кг. Въ 1932 году изъ Москвы пришелъ указъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ забуртовать картофель, бураки, капусту въ колхозахъ, въ Сентябрѣ на Украинѣ еще жарко и всѣ продукты сгнили. СССР дѣлала голодь на Украинѣ искусственный, чтобъ Украину сморить голодомъ, такъ какъ Украина бунтовала противъ СССР.

Вся Украина бунтовала, а Бѣлоруссія завоевала красное знамя Ленина, такъ какъ изъ Бѣлоруссіи эшелонами солдаты прѣзжали на Украину и грабили и вылавливали дезертировъ. Въ Бѣлоруссіи голода не было, а на Украинѣ 14 милліоновъ уморили голодомъ. На Украинѣ въ селахъ ѣли собакъ, кошекъ и были села пустые, люди умерли въ селахъ и нѣкому было хоронить, на дорогѣ трупы ложили какъ дрова.

И на кладбище вывозили, рядочкомъ разложить, а живые приходили ночью, тѣло обрѣжутъ, варять и ѣдятъ.

Въ 1927 г. коллективизація: у кого 2 коровы, тотъ кулакъ, 2 лошади, тотъ кулакъ и стали на ярмаркахъ за бездѣнокъ продавать, а СССР скупали, на бойняхъ убивали въ Кіевѣ, комсомольцы на Демьевкѣ въ синагогѣ засолили 18 тысячъ кг мяса. Комсомольцы не понимали, какъ солить, въ Декабрѣ была оттепель и мясо завонялось, вывезли за городъ, то и собаки не ѣли. На Украинѣ правили жиды 30 лѣтъ, а жиды враги христіанства, и они силлись уничтожить христіанъ. Съ 1941 г. на войнѣ погибло 20 милліоновъ, а за 30 лѣтъ погибло 100 милліоновъ* сосланныхъ и разстрѣлянныхъ, въ тюрьмахъ отъ голода умершихъ.

О. Л.

ПОСТСКРИПТУМЪ

Покойный О. Леонидъ намъ рассказывалъ о посѣщеніи одного святаго мѣста, нашумѣвшаго въ то время лютыхъ гоненій на православныхъ, мѣстечко Ирпень, гдѣ находился св. источникъ, колодезь, кула заглядывая, люди по вѣрѣ давались нѣкій предсказанія. Въ тѣ мѣста удалился Священникъ-новомученикъ, вышеупомянутый Отцомъ Леонидомъ, О. Димитрій Ивановъ съ сестрами Покровскаго Кіевскаго монастыря, пока ихъ не настигли служители НКВД и сослали на сѣверъ. Погубъ О. Димитрій въ Архангелъскъ. Описание источника опубликовано со словъ О. Леониды въ нашемъ “Русскомъ Паломникѣ” № 16 за 1997 г. въ биографіи Игумены Софіи Покровскаго монастыря (с. 138). Но не зная участи праведной кончины О. Димитрія нашъ Лѣтописецъ О. Леонидъ. Родомъ О. Димитрій изъ Тифлиса, въ Кіевѣ былъ духовникомъ Покровскаго женскаго монастыря. Самъ былъ духовнымъ сыномъ Оптинскаго Старца Нектарія и другомъ и почитателемъ выдающагося русскаго писателя Сергія А. Нилуса. Арестованъ и умирающимъ выкинутъ былъ на улицу, гдѣ нѣкій врачъ еврей его подобралъ и на рукахъ котораго оно какъ мученикъ скончался 4/17-го Марта 1937 года.

Въ № 29 можно прочесть о судьбѣ Іонинскихъ скитовъ изъ писемъ О. Леониды, бывшаго послѣднимъ Іонинскимъ монахомъ, и его краткіе біографическіе данныя (с. 53-54). Приѣхавъ въ Канаду, онъ несъ одно изъ послушаній, служить въ скиту Приг. Серафима “Градъ Китежъ” на пустынномъ озерѣ на сѣверѣ провинціи Альберта, и былъ, пожалуй, послѣднимъ его настоятелемъ, послѣ чего послѣднія годы служилъ на приходѣ въ г. Лѣзбриджъ той же провинціи. Какъ именно скончался, до насъ не дошло.

*По статистикѣ Солженицына. См. новую книгу на англ. языкѣ: “ГУЛАГЪ и его исторія” Анны Аллбаумъ, 2003. — 680 сс.

СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ

МАТЕРИНСКИЙ ПЛАЧЪ КАТАКОМБНОЙ СВЯТОЙ РУСИ

*Автобиография Княгини
Наталіи Владиміровны Урусовой
(1874—1963)*

Продолжение, начало смотри в № № 27—31

То слезы блднихъ матерей..
Имь не поднять своихъ дтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей имъ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Н. А. Некрасовъ

33. СВ. МУЧЕНИКЪ
О. ВАЛЕНТИНЪ

ВЪ ЦЕРКВИ НИКОЛА Большой Крестъ былъ очень старый, извѣстный своей непоколебимой стойкостью противъ большевиковъ и открыто возстававшей противъ Сергія и его декрета, О. Валентинъ Свѣнцикій. Церковь при его служеніи бывала такъ полна, что стояли не только на лѣстницѣ, но и во дворѣ массы людей. Большевики его, конечно, замучали бы въ ссылкѣ, если бь онъ не заболѣлъ и не умеръ своей смертью.

Слава о немъ пронеслась далеко, и большевистской власти, гдѣ цѣль оправдываетъ средства, нужно было дискредитировать его обычной ложью передъ вѣрующими. Онъ умиралъ безъ сознанія, а они напечатали во всѣхъ газетахъ письмо, якобы написанное имъ передъ смертью, гдѣ онъ обращается ко всѣмъ прихожанамъ, прося послѣдовать ему, онъ якобы приноситъ покаяніе въ своемъ заблужденіи, понимая его въ послѣднія минуты. Просить послѣдовать митрополиту Сергію и признать декретъ и поминованіе. Подъ письмомъ подложная подпись. Большевики устроили ему грандіозные похороны. Многие изъ прихожанъ были введены въ заблужденіе и перешли въ Сергіанскія церкви, но одаренные умомъ поняли новую дьявольскую хитрость въ подложной подписи.

Время это было страшное, невообразимое. Отказавшихся отъ поминанія и не согласныхъ подписать требованія, связаннаго съ декретомъ, стали

немедленно арестовывать и разстрѣливать, не стѣняясь численностью. Какъ передавали въ то время на ухо другъ другу, въ теченіе одного мѣсяца было въ Москвѣ разстрѣяно до 10-ти тысячъ человѣкъ, начиная съ митрополитовъ и кончая псаломщиками, а міряне по всей Россіи разстрѣливались милліонами, заточались въ тюрьмы и ссылались въ ужасные условія концлагеря Съвера и Сибири. Лубянка въ Москвѣ стала мѣстомъ массоваго мученичества. Прохожіе старались избѣгать проходить около дома смерти ГПУ, т.к. стоялъ на далекое пространство нестерпимый трупный запахъ. Трупы увозились по ночамъ, эти старались дѣлать какъ можно скрытнѣе, но не успѣвали съ вывозомъ.

Не все отказавшееся духовенство было арестовано немедленно. Нѣкоторыхъ, извѣстныхъ своей стойкостью, съ цѣлью оставляли при ихъ храмахъ, несмотря на проповѣди ихъ, призывающіе къ неповиновенію. Это была политическая цѣль. ГПУ следило и отмѣчало всѣхъ, кто посѣщалъ эти храмы, и постепенно люди эти арестовывались или просто исчезали, какъ и священники, обвиненные по 58 ст., п.10 какъ контрреволюціонеры. Первое время духовенство, признававшее Сергія, оставалось на мѣстахъ, но какъ только улеглась первая волна арестовъ и разстрѣловъ, стали выбирать и изъ среды ихъ тѣхъ, въ комъ сатанинская власть чувствовала вѣру въ Бога, но подчинившихся по малодушію или недомыслию. Въ глубинѣ сути всѣхъ гоненій, конечно, стояла борьба слугъ антихриста съ вѣрой въ Бога, а обвиніе въ контрреволюціи оправданіемъ этихъ гоненій.

Личность митроп. Сергія была пресмыкающаяся перед властями. Многие задавали друг другу вопрос: «Неужели митроп. Сергій принимает участие в гонениях и разрушениях храмов?» Некоторые не допусkali, чтобы онъ принималъ активное участие въ этомъ, но, къ сожалѣнію, это было такъ. Я могу привести лично мнѣ извѣстный примѣръ, подтверждающей его фактическое участие въ этихъ дѣлахъ.*

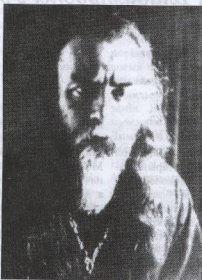
Въ церкви Никола Большой Крестъ жила въ хорѣ молодая дѣвушка, очень скромная и симпатичная. Вся ея семья была религиозная, и слѣдовательно, не признавали Сергіанской церкви. Мы познакомились, и я съ Андрюшей ѣздилъ не разъ къ нимъ на дачу подъ Москвою. Вѣрочка служила на главномъ почтамтѣ въ Москвѣ, она была привѣтливая и милостивая. Въ ея отдѣлѣ приходилъ по дѣламъ службы какой-то начальникъ изъ ГПУ, онъ увлекся ей, сталъ съ ней заговаривать, къ ужасу ея и ея семьи, спросилъ ихъ адресъ.

Перепугавши, конечно, всѣхъ, онъ прѣхалъ неожиданно на дачу. Вѣдь намбреній этихъ страшныхъ людей никогда нельзя было узнать. Поздоровавшись, вынулъ коробку пирожныхъ, что въ то время простому смертному было недоступно, и отдалъ Вѣрочкѣ, прося принять его какъ гостя. Сталъ прѣзжать часто и ухаживать за ней. Наверное, всѣ подъ платьемъ потихоньку крестились, прося избавить отъ такого гостя, но дѣлать было нѣчего. Одинъ разъ онъ засталъ меня съ Андрюшей у нихъ. На видъ ему было лѣтъ 30 и довольно интересной наружности. Почти сейчасъ же пошли гулять, кроме отца и матери Вѣрочки, и мы съ Андрюшей поспѣшили ретироваться. Вѣрочка говорила, что онъ могъ бы ей и понравиться, но одна мысль, что онъ не только начальникъ отдѣла ГПУ, но, какъ онъ самъ сказалъ, завѣдующій церковными дѣлами, ее отталкивала и приводила въ ужасъ. Онъ сдѣлалъ предложение. Она отказала. «Какъ могу я быть Вашей женой, когда Вы не только не вѣрующей, а гонитель Церкви, и никогда и ни за что я не могу на это согласиться». Во время разговоровъ онъ старался ее всячески оторвать отъ вѣры въ Бога, но она была

непоколебима, тѣмъ болѣе, что была одной изъ любимыхъ духовныхъ дочерей замученнаго О. Александра. Онъ не оставлялъ, грозилъ застрѣлить ее и себя, причемъ одинъ разъ даже вынулъ револьверъ и направилъ на нее. Навершать продолжать. Положение семьи было ужасно. Ни сонъ, ни ѣда не шли на умъ. Только одинъ разговоръ, чѣмъ все кончится, местью или оставить въ покоѣ. Вѣрочка металась, какъ пойманная птичка, стараясь вырваться изъ когтей ястреба. Одинъ разъ во время службы (на почтѣ) ее вызываютъ и передаютъ повѣстку явиться немедленно въ ГПУ на Лубянку въ кабинетъ... Это оказалось его кабинетъ. Онъ велѣлъ ей взять трубку телефона и, взявъ вторую, вызвалъ митрополита Сергія. «Слушайте разговоръ», — сказалъ онъ ей. Разговоръ шелъ о разрушеніи одного изъ храмовъ въ Москвѣ, причемъ Сергій не только не выражалъ протеста, а принималъ участие въ этомъ страшномъ дѣлѣ, давая свое согласіе. «Вы слышали? — сказалъ начальникъ. — Вотъ какому духовству Вы поклоняетесь».

Она отвѣтила, что этотъ разговоръ не можетъ поколебать ея вѣру въ Бога, а что митроп. Сергій она и прежде не признавала, а теперь убѣдилась, что не ошибалась въ немъ. Начальникъ сказалъ ей: «Мать моя была вѣрующая, и я до зрѣлыхъ лѣтъ молился, но одинъ случай, о которомъ не буду рассказывать, такъ на меня повлиялъ, что привелъ къ безбожію». Въ сердцѣ этого человѣка все же гдѣ-то въ самой глубинѣ оставалось состраданіе, но, конечно, не ко всѣмъ людямъ, а къ Вѣрочкѣ, которую онъ, какъ видно, действительно любилъ. Онъ ее оставилъ. Прошелъ годъ и она арестована не была, дальнейшей судьбы ея точно не знаю. Какъ говорили, вышла замужъ за другого.

Еще другой случай, характеризующій митроп. Сергія, могу привести, т.к. тоже лично слышала отъ очевидицы. Подругой моей старшей дочери была Маня Р. Это была дочь бѣднаго приказчика магазина. Родители ея были равнодушные къ религіи. Маня у насъ подолгу жила въ имѣніи лѣтомъ, и мы часто говорили съ ней. Она говорила такъ, какъ говорятъ миллионы сбитыхъ учениемъ въ школахъ съ толку. «Я не вѣрующая, но знаю, что что-то есть высшее, а Богъ ли это, не знаю». Вотъ эта Маня рассказала мнѣ съ возмущеніемъ слѣдующее. Въ то время было уплотнено квартиру и ей приходилось ходить въ жилищный отдѣлъ, хлопотать о своей

Отецъ Валентинъ Святитскій, авторъ замѣчательныхъ книгъ: «Граждане Нсба», «Монастырь въ Мѣру», «Диалоги» и др.

*Ранѣе онъ принялъ обновленчество и принималъ живое участие, за что потерялъ довѣріе вѣрующихъ, борющихся за чистоту Православія.

комнатъ. «Сижу я въ приёмной и дожидаюсь очереди. Входитъ монахъ, уже старай, толстый. Я хоть ничего въ этомъ не понимаю, но все же поняла, что это не простой монахъ, кто-то повыше. Онъ подобострастно и униженно обращается къ служащимъ комсомольцамъ, называя ихъ товарищами. Мнѣ стало стыдно за него. (Комсомолкой Маня не была и презирала ихъ). Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Сейчасъ позвоню по телефону». — «Дайте я самъ поговорю, зачѣмъ Вы, товарищи, будете беспокоиться». Онъ хотѣлъ взять трубку, но тотъ не далъ. Вызвалъ кого-то и говоритъ: «Знаете, все же вѣдь какъ-то неудобно, что люди скажутъ? У телефона митрополитъ Сергій, замѣстителъ патриарха, нельзя ли устроить, чтобы не уплотнить его комнаты и не велятъ къ нему жильцовъ?» Отвѣтъ былъ благопріятный и митроп. Сергій съ поклонами ушелъ. Хотя я и не интересуюсь дѣлами церкви, но мнѣ было стыдно за него», — сказала Маня.

Послѣ умершаго О. Валентина въ церкви Никола Большой Крестъ было еще два священника, но они какъ-то тайно исчезли. Пришелъ предложить свое настоятельство О. Михаилъ Л. Сказалъ слово, подкупившее прихожанъ, и его просило о настоятельствѣ большинство. Два года онъ служилъ. Сумѣлъ многихъ расположить къ себѣ. Между прочимъ, мой Андриуша, какъ говорится, души въ немъ не чаялъ. Не нравилось, что внѣ службы ходилъ въ штатскомъ, волосы подстрижены, имѣлъ красивую наружность, службы зналъ безъ ошибокъ, такъ что не былъ самозванцемъ въ священническомъ санѣ, но все же своей одеждой смущалъ. Нѣкоторые опытные люди предупреждали не доверяться и быть осторожными. Въ началѣ 1932 г. церковь закрыли. О. Михаила видѣли въ военной формѣ ГПУ на улицѣ. Онъ оказался провокаторомъ и предать всѣхъ прихожанъ. Нѣкоторое время никого не арестовывали, и всѣ перешли въ Сербское подворье на Солянку. Андриуша и тамъ прислуживалъ. На первой недѣлѣ Великаго поста я немного опоздала и торопилась. Андриуша ухажь раньше. Была сильная гололеда. Выйдя изъ трамвая, я быстро пошла и упала около Ильинскихъ воротъ. Почувствовала жгучую боль въ лѣвномъ боку и не могла идти въ церковь, а ухала обратно домой. Поднялась сразу температура, дошедшая къ утру до 40°. Врачъ установилъ надломъ лѣваго ребра и на почвѣ травмы плевритъ. Отгезли въ

Отецъ Валентинъ, при отпѣваніи открыли гробъ послѣ двухъ-мѣсячнаго промежутка по смерти и полное нетлѣніе обнаружилось.

больницу. Безпокоилась я сильно, что моя уже 8-лѣтняя внучка и Андриуша, совѣмъ еще дитя, несмотря на свои 17 лѣтъ, остаются одни безъ меня. Служба Андриуши была недалеко отъ больницы, и онъ иногда по три раза въ день забгалъ спросить, какъ мое здоровье. Этого мальчика вездѣ и всѣ любили. Мнѣ говорили дежурная сестра и женщина-врачъ, какъ въ 12 часовъ ночи прибѣгаетъ Андриуша: «Покажите мнѣ мамочку, хоть черезъ дверь». — «Андриуша, да вѣдь этого нельзя ночью, что ты выдумалъ?» А онъ такъ умильно проситъ, что нѣтъ силы отказать. «Ну что съ тобой дѣлать, пропадешь изъ-за тебя!» И все же отдернетъ занавѣсочку у двери въ палату, онъ убѣждаетъ, что я жива, и радостный ухаживать. Болѣла я тяжело и долго. На пятой недѣлѣ начала поправляться, на шестой стала понемногу вставать. Въ субботу Вербную сидѣла у меня слыш мой Петя съ женой и Андриуша. Подошелъ докторъ и говоритъ: «Ну, Андриуша, я тебя порадую, бери маму завтра домой, она теперь можетъ дома поправляться». Петя очень хотѣлъ какъ старшій самъ прійхать за мной, но у него была серьезная работа и рѣшено было, что завтра ровно въ 6 ч. вечера прійдетъ Андриуша на такси. Всѣ трое ушли веселые. Въ ту ночь я вижу сонъ. Лежу я въ пустой комнатѣ, гдѣ только кровать и больше ничего. Лежу одѣтая и словно жду кого-то. Въ 12 часовъ ночи легкой стукъ въ окно. Смотрю, стоить мой покойный Коля и братъ Владимиръ, убитый въ Карпатахъ въ 1915 году. Коля говоритъ: «Иванъ съ нами, мамочка, уже пора!» Какъ бываетъ во снѣ, я мгновенно очутилась одна въ какомъ-то необычайномъ мѣстѣ. Направо противъ меня чудная картина горъ въ невиданныхъ на землѣ краскахъ (проснувшись, конечно, я ихъ не помнила), но во снѣ стояла въ очарованіи и говорю: «Что это? Вѣдь на землѣ такихъ красокъ нѣтъ!» Налѣво отъ меня неисчислимое количество блѣсныхъ-жнхъ, тянувшихся къ небу деревьевъ, стоявшихъ въ тихой зеркальной водѣ. Между деревьями безконечное число бѣлыхъ свѣтящихся лодокъ всѣхъ размѣровъ, начиная отъ крошечныхъ. Въ каждой лодочкѣ лежитъ тоже несь въ бѣломъ свѣтящейся человѣкъ. Прямо противъ меня, въ отдаленіи, жуткое, бушующее, совѣмъ черное море. Я оказалась тоже въ лодочкѣ и вижу, что налѣво отъ меня моя покойная мать, а направо моя Ирочка. Я не успѣла прійти въ себя отъ радости свиданья, какъ чувствую, что моя лодочка качается. Я говорю:

«Мамочка, моя лодочка качается!» А она отвѣчает: «Этого быть не может, кто здѣсь, тотъ на вѣчномъ покоѣ!» Въ это время моя лодочка какъ бы срывается съ якоря и уносится въ страшное море. Я слышу, какъ мать моя говоритъ: «Значить, тебѣ еще не время!» Въ этотъ моментъ я проснулась съ невѣроятно тяжелымъ чувствомъ, что попадаю въ какія-то жуткія жизненные бури, и мнѣ ясно почувствовалось, что что-то неблагополучно съ Андрюшей и я его не увижу.

34. ЮНЫЙ СТРАДАЛЕЦЪ АНДРЕЙ

Сонъ оказался пророческимъ. Я начала плакать, подошедшая сестра испугалась, думая, что у меня что-либо болитъ, стала успокаивать, а я одно твержу: «Съ Андрюшей несчастье!» Да оно и случилось, несчастье, но о такомъ мнѣ не думалось, вѣдь онъ былъ еще такъ молодъ. Позвала сестра доктора, дали капли, просили успокоиться, говоря, что это плодъ фантази отъ слабости организма, а я чувствовала, что не ошибаюсь. Такъ было весь день. Я еще едва стояла на ногахъ, со мной стояла сестра у окошка, изъ котораго видна аллея, по которой въ больничныя ворота въѣзжали автомобили. Ровно въ 6 ч. вечера показались такси. Сестра и говоритъ: «Ну вотъ Вамъ и Андрюша ѣдетъ, а Вы-то придумали, да волновались». Изъ такси выходитъ Петья и его молоденькая жена, а вѣдь онъ говорилъ, что ему въ этотъ часъ нельзя было уйти съ работы. Я едва не упала. Входить они, стараясь не выказывать волнения: «Гдѣ Андрюша, что съ Андрюшей?» Петья говоритъ: «Не волнуйся, мамочка, навѣрное, все обойдется благополучно, но Андрюшу сегодня ночью арестовали и увезли».

Нужно было добиться, въ какой онъ тюрьмѣ. Я не имѣла силъ встать и самой ѣздить узнавать, но мнѣ въ этомъ помогли. Онъ находился въ Бутырской тюрьмѣ. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ одна добрая женщина повезла меня въ тюрьму, держа подъ руку. Мнѣ разрешили передать ему еженедѣльно бѣлье и продукты. Въ субботу я повезла ему пасочку и куличикъ, но, конечно, все не въ формѣ паски и кулича, а какъ хлѣбъ и сладкій творогъ въ чашкѣ. Крашеныхъ яицъ не разрешили, а нужно было крутые разрезать пополамъ, очищенными. При передачѣ полагалось прикладывать списокъ передаваемого, и я между строкъ поздравила его съ Воскресеніемъ Христовымъ. Какая же была радость, когда мнѣ принесли обратно записку съ его распиской въ полученіи, гдѣ и онъ поздравляетъ меня и пишетъ, что онъ бодръ и цѣлуетъ меня. Это была Божья милость. Надзиратель, передававший, или не читалъ, или пожалѣлъ насъ и пропустилъ. Послѣ этого всѣ три мѣсяца, что онъ провелъ въ тюрьмѣ, мы каждый разъ писали по нѣсколько словъ другъ другу. Большею частью всѣ они были густо зачеркнуты

черниломъ, а раза три прошло благополучно. На третьемъ мѣсяцѣ пришелъ ко мнѣ незнакомый пожилой господинъ. Онъ только что вышелъ изъ тюрьмы, гдѣ за религію просидѣлъ въ одной камерѣ съ Андрюшей, и теперь ѣхалъ на вольную съездку въ Казахстанъ (бывшая Киргизія у Алтайскихъ горъ, со столицей Алма-Ата, бывший г. Вѣрный). Какъ обрадовалась я, можно себѣ представить.

Онъ сказалъ мнѣ, что вся камера, въ которой 300 человекъ, любить Андрюшу и называетъ Ангеломъ Хранителемъ. Гдѣ кто затосковать и запечалиться, тамъ Андрюша, гдѣ поссорились и дѣло можетъ дойти до драки, тамъ Андрюша и непременно или размѣшитъ тоскующего, или умиротворитъ поссорившихся. «Помимо любви мы всѣ прониклись и большимъ уваженіемъ къ этому еще почти ребенку»,—сказалъ мнѣ господинъ Г.

Представить себѣ тотъ ужасъ, что охватываютъ, когда вызываютъ къ слѣдователю на допросъ, можетъ только тотъ, кто его испыталъ. Обычно допрашиваютъ не одинъ, а нѣсколько человекъ. Епископы не выдерживали и при видѣ только обстановки, еще до допроса, падали въ обморокъ.

Вызвали Андрюшу. Вернулся въ камеру съ убитымъ лицомъ и въ слезахъ. Всѣ окружили его и спрашиваютъ—ничего не отвѣчать. Дня три не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить. Наконецъ сказалъ: «Я Бога обманулъ! Когда заполнялся протоколъ показаній, и мнѣ предъявлено было въ обвиненіе все буквально, что я говорю на исповѣди О. Михаилу, я все понималъ. Когда нужно было дать отвѣтъ на вопросъ: «Какъ ты относишься къ поминовенію властей?» Я испугался и написалъ: «Отношусь безразлично». Бѣдный мальчикъ!—сказалъ мнѣ пришедшій.—Какая чистая душа.

Когда его вызвали вторично на допросъ для свѣрки показаній, то онъ обратился къ слѣдователю со словами: «Прежде чѣмъ снимать съ меня второй допросъ, я попрошу дать мнѣ протоколъ первого допроса».—«Зачѣмъ тебѣ?»—удивившись, спросилъ слѣдователь.—«Я хочу измѣнить тамъ одно показаніе».—«Это интересно»,—сказалъ тотъ. Ему дали протоколъ, онъ взялъ со стола перо, зачеркнулъ слово безразлично и написалъ: «Отношусь отрицательно». Съ этимъ господиномъ мы жили потомъ вмѣстѣ въ Алма-Атѣ и были большими друзьями.

Когда мнѣ приходилось въ пріемной тюрьмы ждать очереди для передачи, то познакомился со многими, также скорбѣвшими по близкимъ заключеннымъ. Приходилъ одинъ пожилой, очень воспитанный господинъ. У него сидѣли двѣ старушки сестры. И за что? При обыскѣ нашли кусочекъ персипсаннаго отъ руки академика Іоанну Воину, и какъ разъ послѣднее радованіе «Радуйся, Іоанне Воине». Они прочитали и говорятъ: «А! Вы радуетесь войнѣ». Ихъ безъ дальнѣйшихъ словъ арестовали и

посадили въ тюрьму. Три мѣсяца просидѣли онѣ, пока удалось доказать, что это молитва и «Иоаннъ Воинъ» — имя Святого. Вотъ за это сидѣли и мучались люди. У нѣкоторыхъ изъ посѣщавшихъ тюрьму для передать сидѣли дѣти даже 10–12-ти лѣтъ, которые наравнѣ со взрослыми отправлялись въ лагерь Сибири за то, что въ школѣ кто-нибудь сказали противъ властей, а въѣзд у большинства изъ такихъ дѣтей были замучены или пропали родители.

Черезъ три мѣсяца мнѣ разрѣшили свиданіе съ Андрюшей черезъ рѣшетку, въ присутствіи часового ГПУ. Это означало, что скоро онъ будетъ высланъ. Списокъ выѣхивавшихъ за одинъ день и разрѣшалось проводить у поѣзда и передать, что возможно, даже деньги. Каждое утро я брала съ собой мою внучку Ниночку и проверяла списокъ. Я хотѣла, если бѣ его отправляли не этапомъ, а вольно, ѣхать съ нимъ. Душа моя разрывалась: взять Ниночку на неизвѣстность — боюсь, оставить Андрюшу вѣхтъ одного — не въ силахъ. Я рѣшила отвезти свою дорогую сиротку въ семью разстрѣяннаго О. Владимира, о которомъ писала, т.к. мать и отецъ его были моими самыми большими друзьями на свѣтѣ. Думала прѣхать послѣ и взять ее, когда какъ-нибудь устроимся. Нужно было мнѣ съѣздить къ нимъ за Москву, чтобъ заручиться ихъ согласіемъ. Я пошла къ прокурору и спросила, въ какомъ положеніи дѣло моего сына и сказала, что мнѣ нужно на одинъ день уѣхать и боюсь пропустить его отправку. Онъ порывался въ бумагахъ и сказалъ: «Слѣдствіе о немъ будетъ закончено не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли». Я уѣхала и все же сильно волновалась. На другое утро какъ всегда поѣхала съ Ниночкой. Забыла взять очки, она уже умѣла читать. Я подняла ее и вдругъ она испуганно говоритъ: «Бабушка! Андрей вчера отправленъ». Горе мое было невообразимое. Я послѣ узнала, что отправился цѣлый транспортъ, все провозжали и снабжали необходимымъ, и Андрюша мой, бѣдный, до послѣдней минуты отхода поѣзда ждалъ и убивался, что меня нѣтъ. Такъ и увезли его безъ копѣйки, безъ продуктовъ и бѣлья. Я сейчасъ же поѣхала къ прокурору. Ясно, что это опять было умышленное издѣвательство и торжество сатанинскаго злорадства этого, хуже всякаго гада и животнаго, человѣка. На мой вопросъ, почему онъ сказалъ, что слѣдствіе будетъ длиться не менѣе двухъ недѣль, онъ отвѣтилъ: «Ошибка всегда возможна». Тамъ я узнала, что отправленъ Андрюша этапомъ въ Алма-Ату, въ Казахстанъ. На вопросъ, какъ долго они проѣдутъ, мнѣ отвѣтили: «Поѣздъ идетъ транзитомъ и черезъ пять дней будутъ на мѣстѣ». Опять ложь. Въ тотъ же день съ большимъ горемъ рассталась я съ внучкой, отецъ которой былъ высланъ на два года по обвиненію въ неправильномъ какомъ-то отчетѣ, и отвезла къ своимъ друзьямъ. Я была ей и бабушкой, и матерью. Было это 15-го Іюля.

Подъѣзжая къ Алма-Атѣ, я совсѣмъ не знала, что дѣлать, гдѣ найти ночлегъ, и найду ли вообще комнату. У меня было письмо къ одному высланному туда агроному, но адреса давшихъ мнѣ письмо не знала. Вижу среди пассажировъ почтеннаго человѣка и почему-то сразу рѣшила, что это профессоръ. Такъ и оказалось. Я обратилась къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ случайно этого агронома, къ которому у меня письмо. Оказалось, его близкій другъ, но его сейчасъ нѣтъ, онъ въ командировкѣ.

Профессоръ — ссыльный, у него жена и двое подростковъ дѣтей, комнатка одна, такъ что пригласить меня переночевать даже на одну ночь не можетъ, но сейчасъ повезетъ меня къ себѣ отдохнуть отъ дальней дороги, а тамъ что-нибудь рѣшить, хотя онъ сомнѣвается, чтобъ можно было найти даже уголокъ, такъ все переполнено ссыльными. Жена его очень радушно меня встрѣтила и жалѣла, что у нихъ нѣтъ мѣста. Во дворѣ была небольшая сарай, заложенный дровами и хламомъ. Первую ночь они мнѣ вынесли во дворъ походную кровать, а затѣмъ рѣшили очистить сарай и тамъ устроить. Было очень жарко, и я могла не бояться простуды, но было жутко, когда на ночь все кругомъ запыривалось отъ грабей киргизовъ, а я одна въ сараѣ, въ совсѣмъ чужомъ городѣ. Такъ я жила до 26-го Августа, ежедневно по два раза бывая на станціи, справляясь о транспортѣ изъ Москвы.

26-го Августа была я на платформѣ, когда подходить какой-то чинъ ГПУ: «Гражданка, что Вы здѣсь дѣлаете всегда на вокзалѣ, кого ждете?» Я сказала ему, какъ взяла моего мальчика, какъ онъ уѣхалъ, не имѣя ничего, что я посылала не одну телеграмму на сборные пункты по дорогѣ отъ Москвы до Алма-Аты и, не получивъ оплаченнаго отвѣта, боюсь, не умеръ ли онъ дорогой. Я горько плакала, и мнѣ показалось, что вижу какъ бы черточку незлобную на его лицѣ. «Идите къ пересыльной тюрьмѣ и тамъ ждите, сегодня прибѣдетъ изъ Москвы 300 человекъ».

Я съhalbдой пошла и стала противъ воротъ тюрьмы черезъ дорогу, за низенькимъ заборчикомъ. Не прошло часа, какъ по дорогѣ отъ станціи ѣдутъ дрожки и на нихъ этотъ начальникъ. Онъ крикнулъ мнѣ: «Вашъ сынъ прѣхаетъ». Я вспомнила слова Достоевскаго о поданной лувковѣ и подумала, что эти слова съ его стороны тоже та лувковка, которую онъ мнѣ подаль. Я узнала, что мой мальчикъ живъ и я увижу его. Онъ добавилъ: «Когда мы ихъ всѣхъ перепишемъ, я дамъ Вамъ свиданіе». Подождать пришлось еще около двухъ часовъ, когда по дорогѣ отъ станціи показалось облако пыли и топотъ шаговъ многихъ людей. Жара была нестерпима. Идутъ, окруженные съ двухъ сторонъ цѣпью солдатъ ГПУ, съ направленными на нихъ ружьями, какъ овцы, ведущіеся на закланіе, священники, монахи,

монахини, главнымъ образомъ, и среди нихъ миряне. Транспортъ былъ почти исключительно изъ сосланныхъ за религію. Я напрягла все вниманіе, чтобы среди массы головъ не пропустить Андриюшу, когда раздался радостный и изумленный крикъ: «Мамочка!»

Всѣ невольно подыали опущенныя головы. Онъ выше всѣхъ ростомъ, и я увидѣла сіяющее, дорогое мнѣ лицо. Ихъ пригнали въ скверъ, гдѣ переписывали, и мы могли все время видѣть другъ друга. По окончаніи меня выпустили, и мы смогли обнять другъ друга. И я, и онъ забыли всѣ горести, и все положеніе вещей. Его увели за ограду тюрьмы, а я счастливая пошла въ свой сарай. Это считалось не заключеніемъ, а вольной ссылкою, и пересильная тюрьма должна была по правиламъ черезъ недѣлю отпустить его въ городъ на свободное прожитаніе и поступленіе на работу по своему выбору. Но постановленіе—это одно, а исполненіе—другое, не недѣлю, а три мѣсяца провель онъ въ тюрьмѣ, правда, не за замкомъ въ камерѣ и могъ свободно обходить большой участокъ когда и куда хотѣлъ, въ районѣ, обнесенномъ каменной оградой. Тотъ же начальникъ за то, что Андриюша имѣлъ смѣлость спросить у него одинъ разъ, почему его такъ долго не выпускаютъ, принялъ это за дерзость и сталъ дѣлать препятствія.

Мнѣ дали пропускъ и разрѣшеніе приходить къ нему и сидѣть хоть цѣлый день, что я и дѣлала. Въ то время я имѣла возможность покупать въ торгсинѣ продукты. Мнѣ перевелъ сынъ мой небольшую сумму денегъ изъ Франціи. Я могла кормить и даже баловать Андриюшу, изголодававшегося въ дорогѣ, т.к. давали только кусокъ ржаного хлѣба и кипятокъ. Онъ былъ худъ какъ жерлочка. Почти у всѣхъ, кромѣ моего бѣднаго, были продукты, принесенные имъ при отправкѣ. Ему не пришлось ѣхать съ духовенствомъ, которое, конечно, подѣлилось бы съ нимъ, его посадили въ вагонъ (единственный) съ уголовниками. На одной лавкѣ съ нимъ ѣхалъ бывший казачій прапорщикъ, все время ѣвшей всякія сытная вещи и ни разу не предложившій ему хотя бы недоконченнаго кусочка; хлѣбъ надзиратели воровали и давали крайне мало. Вагонъ наглухо закрытъ, окна задѣланы, чтобы не смотрѣли въ нихъ, такъ что было почти темно. Духота. Воды почти не давали, ѣхали полтора мѣсяца.

Обстановка жизни на пересильной ужасная. Одна за другой, и одна рядомъ съ другой длинная крыши изъ соломы надъ землей, гдѣ помѣщались по 300 мужинъ и женщинъ вмѣстѣ. Это были вырытая въ землѣ канавы шириной въ сажень, и надъ ними наведена острая крыша. Нужно было спуститься нѣсколько ступеней внизъ, а по обѣимъ сторонамъ канавы, на землѣ, подостлавъ свои одежды, помѣщались люди. Свѣтъ проникалъ только съ двухъ сторонъ: со входа и въ концѣ съ выхода. Я покупала

на базарѣ дыни и арбузы и носила, сколько могла, чтобы имѣть возможность дать и рядомъ съ Андриюшей находиться. На ѣду давали хлѣбъ и ужасную бурду вмѣсто супа, два раза въ день. Давали въ ушатахъ, въ которыхъ уголовники послѣ ѣды стирали грязные носки и полное наскромыхъ бѣлье. Я неоднократно обращалась въ ПТУ, прося отпустить его ко мнѣ, т.к. это было его право и очень многие ушли, но его не отпускали. Строже всего отношеніе было къ вѣрующимъ. Наконецъ, дали разрѣшеніе послѣ полутора мѣсяцевъ мнѣ брать его на день съ тѣмъ, чтобы къ вечерней перекичкѣ онъ былъ на мѣстѣ. Спать было ужасно. Всѣ несчастные завшивѣли до того, что не было средствъ бороться съ этимъ зломъ. Одѣтый въ чистую смѣну бѣлья, которую я стирала холодной водой въ ручьѣ, на другой же день утромъ онъ былъ обсыпанъ ими. Отъ всѣхъ антисанитарныхъ условий, плохого питанія и недоѣданія полнаго началась эпидемія дизентеріи.

Когда я по утрамъ приходила за Андриюшей, то заставляла уносимыхъ умершихъ, иногда по нѣсколько человѣкъ. Я несказанно боялась за него, это началось очень скоро по приѣздѣ. Безсиліе вырвать его, ни въ чемъ не повиннаго, изъ этой кошмарной обстановки было очень мучительно. Чувствовалось болѣе чѣмъ рабство. Прихожу одинъ разъ, Андриюша не встрѣчаетъ. Сердце забилося въ предчувствіи. Спускаюсь къ канаву, лежитъ мой мальчикъ въ жару, въ дизентеріи, на землѣ, подъ крышей надъ головой, отчего просто нѣчѣмъ дышать, воздухъ убійственный. Я побѣжала къ доктору, очень доброму и сердечному, тоже ссыльному, уже не молодому. Когда я сказала, что Андриюша заболѣлъ, онъ сочувственно ахнул и сказалъ: «Бѣдный Андриюша, славный юноша, я за него все время боялся. Что теперь дѣлать съ нимъ? У меня, какъ видите, въ больничкѣ ни одного мѣста, лежать и на столахъ, и подъ столами, и по двое на койкахъ. Вотъ, что слѣдуетъ: у насъ есть распоряженіе, что въ случаѣ переполненія больными, мы можемъ съ согласія ПТУ класть въ городѣ, въ больницу Краснаго Креста».

Онъ написалъ заявленіе и сказалъ: «Идите скорѣе въ ПТУ и просите по моей запискѣ дать право на это, и тогда везите его, тамъ совсѣмъ неплохо; и врачи, и сестры всѣ (кромѣ начальниковъ)—ссылныя». Я пошла, прочитали и заявили: «Для сына Вашего никакихъ исключеній». Просить—это все равно, что выжать воду изъ бездушнаго камня. «Я сказалъ нѣтъ и значить нѣтъ». Съ горемъ пошла все же въ больницу, гдѣ секретаремъ была знакомая мнѣ монахиня. Я ей рассказала положеніе. Она перекрестилась, съела и написала: «По распоряженію ПТУ принять въ палату такого-то больнаго дизентеріей».

Я ужаснулась и испугалась за нее, но она спокойно велѣла мнѣ идти, нанять подводку, привезти немедленно Андриюшу. Вотъ поистинѣ оправдались

на ней слова Спасителя, что нѣтъ большей любви, какъ если кто душу свою положитъ за други своя. Я пошла, наняла лошадь и привезла Андрию. Пролежалъ онъ двѣ недѣли, я весь день была или у него, или во дворѣ больницы. Персоналъ врачей заболѣлся о немъ, милостью Божьей ГПУ не узнало. За то время, что онъ пролежалъ въ Красномъ Крестѣ, въ пересыльной тюрьмѣ произошло событие, еще разъ подтвердившее мнѣ, что то, чѣмъ мы огорчаемся, не зная судьбы Господнихъ, велеть часто ко благо. Въ одну ночь подѣхало много подводъ и забрало всѣхъ, кто еще могъ ходить, до 300-тѣ человекъ и женщинъ, и мужчинъ. Нужно было освободить помѣщенія для вновь прибывшаго транспорта.

Ихъ отправили поѣздомъ въ Ташкентъ на работы, какъ сказали, недѣли на три. Изъ всѣхъ вернулось около 30-ти человекъ! Всѣ умерли отъ сыпного тифа или же зараженные дизентеріей. Ихъ привезли въ Ташкентъ поздно ночью, помѣщенія нѣтъ, отвели киргизскія брошенные юрты. Была середина ноября, шли непрерывные дожди и, что необычно для тамошняго климата, по утрамъ заморозки. Въ юртахъ вода. Людей насильно загнали въ нихъ. Простояли, кто сколько былъ въ силахъ, затѣмъ сядили или въ изнеможеніи падали въ воду. Къ утру всѣ примерзли. Тутъ же начали умирать. Была между ними старая кутягиня В., очень добрая и тихая. Ей оставалось два мѣсяца до отбытія трехгодоваго срока наказанія (за книжескій титулъ), она только думала и считала дни до освобожденія, и нашла смерть въ этихъ ужасныхъ условіяхъ, о которыхъ, если у нея гдѣ-нибудь еще остались родственники, никто никогда не узнаетъ. Послѣ выздоровленія Андрию отпустили, наконецъ, ко мнѣ. Былъ конецъ ноября. Въ то время вернулся агрономъ изъ командировки, къ которому у меня было письмо изъ Москвы, и предоставилъ намъ свою маленькую кухню, гдѣ мы и жили, подстилая на ночь платно.

Если бѣ не тоска по внучкѣ, то мы были бы такъ счастливы съ нимъ. Морозы, необычные тамъ, доходили до 10°. Я въ сараѣ сквозъ разоренную крышу могла считать звѣзды. Поставленная въ чемъ-нибудь вода замерзала до дна. Если бѣ не одна добрая татарка, то я не вынесла бы. Она жила въ томъ же дворѣ и была женой начальника милиціи. Не знаю, зналъ ли онъ объ этомъ, милиція была все же не ГПУ, но она каждый вечеръ приносила и укрывала меня, одѣтую въ зимнюю плохенькую одѣжду, одѣялами и сверху шерной.

Профессоръ В...инъ, привезши меня въ началѣ къ себѣ, работалъ по сельскому хозяйству. Въ то время тамъ была сельско-хозяйственная выставка, и онъ далъ Андрию устройти овощной павильонъ. Онъ хорошо справился съ этимъ, и получилъ по окончаніи пудовый арбузъ и двѣ банки варенья изъ дыни и тыквы. Не знаю, кого обманывали Совѣты

этой выставкой. Бѣдность въ питаніи была въ то время еще не смертельная, но полутолодные киргизы со злыми замѣчаніями и угрозами въ воздухъ останавливались передъ богато обставленными павильонами съ закусками, рыбнымъ отдѣломъ, сладостями и т.п., чего въ тѣхъ мѣстахъ для населенія, конечно, не было, а только для коммунистовъ.

Я видѣла такую картину, могушую въ опереткѣ вызвать смѣхъ, а въ данномъ случаѣ, слезы. Ожидалась коммисія экспертовъ изъ Москвы, и долженъ былъ приниматъ ихъ вновь испеченный начальникъ края, коммунистъ изъ киргизовъ. Сигналы сотнями людей. На эстрадѣ оркестръ музыки, и передъ нимъ начальники зтогъ и эксперты. Представители павильонновъ со съѣдобными, вкусными продуктами по очереди подносили ихъ имъ на тарелкахъ съ вилкой на пробу, причемъ при каждой новой пробѣ, когда они наполняли ротъ, оркестръ игралъ тушь, а голодныхъ заставляли кричать «ура», сама видѣла.

Какъ-то вечеромъ нашъ хозяинъ, агрономъ, предложилъ намъ вслухъ прочесть «Чертова колесо» Чехова. Во время чтенія, гдѣ выявлялся характеръ будущаго русскаго большевизма въ стремленіи все старое ломать, сокрушать, разрушать, читавшій, очень выразительно и хорошо, неожиданно всколочилъ съ мѣста и быстро открылъ входную дверь. «Я не знаю, что у меня есть еще слушатели,»—сказалъ онъ. Подъ окошкомъ стоялъ ГПУ, приложивъ какой-то аппаратъ къ стѣнѣ. На другой день агрономъ былъ арестованъ и увезенъ.

35. УЧИТЕЛЬ КОММУНИЗМА ШЕТЕНЕВЪ

Мнѣ очень нравился городъ съ его само-бытностью. Особенно привлекалъ меня восточный базаръ. Караваны навьюченныхъ верблюдовъ, разложенные прекрасные пекинскіе, бухарскіе, мѣстные коври, разношвѣтные войлоки для юртъ, палатки съ парусиновой крышей, гдѣ жарились тутъ же на угольяхъ или на вертелѣ жирная баранина и особаго рода тѣсто, жаренное съ массой приностей. Груды чудныхъ дынь, арбузовъ, колоссальныхъ разсыпчатыхъ помидоровъ, яблоки опорты, по два на кило (отъ этихъ яблокъ и городъ называется Алма-Ата, т.е. отецъ яблокъ), особаго рода окрики зазывающихъ въ свою палатку, иногда въ національныхъ красочныхъ костюмахъ торговцевъ разныхъ національностей; обширный рынокъ старьевщиковъ, гдѣ иногда попадались старинные интересные предметы искусства. Вся эта живая, пестрая картина меня очень привлекала, и я часто, почти ежедневно ходила туда. Въ 1933 году это было такъ!

Домики вилу частыхъ землетрясеній всѣ одноэтажные. Какіе сады у каждого! просто чудесно, словно земной рай. Дюшесы, персики, виноградъ могли конкурировать съ лучшими плодами міра. Городъ незамѣтно поднимается къ Алтайскимъ

горамъ. Въ головѣ такъ называемый головной арыкъ—это канал, устланный по дну и бокамъ камнемъ, несущій чистѣйшую горную воду. Улицы идутъ всѣ прямая, вертикально къ горамъ, и по обѣимъ сторонамъ ихъ текутъ весело журчаще ручьи, водой которыхъ пользуются и для питья; за ручьями ряды высочайшихъ тополей и березъ, которыя тоже тянутся, узкія, длинныя, къ небу и почти не уступаютъ въ вышинѣ тополямъ. Лучшаго желать нѣчего было. Такъ было до 23-го Декабря ст. стилия, когда изъ ГПУ безъ объясненія причинъ пришло распоряженіе Андрюшѣ на другой день, въ Рождественскій сочельникъ, выѣхать на поселеніе въ г. Актюбинскъ. Оспаривать нельзя. Мы и прежде слышали, что это очень непривѣтливое мѣсто, населеніе почти исключительно, кромѣ ссыльныхъ, совсѣмъ некультурные киргизы. Управление сельскаго хозяйства, гдѣ работало много ссыльныхъ профессоровъ, дало ему письмо на тамошнюю паровую мельницу съ просьбой принять его на работу. Съ грустью поѣхали, дѣлать нѣчего!

Въ Актюбинскъ пріѣхали въ 12 час. ночи подъ Рождество. Вышли на станцію и рѣшили просидѣть до утра, т.к. никого и ничего не знаемъ. Снѣгъ метра на полтора, морозъ большой. ГПУ приказываетъ уходить. На возраженіе, что Андрюша ссыльный и мы не имѣемъ никого здѣсь, отвѣтъ короткий: «Намъ до этого дѣла нѣтъ, уходите». Тогда Андрюша показалъ бумагу отъ управления на мельницу и просилъ оставить меня сидѣть въ проходѣ, пока онъ вернется. Онъ ушелъ искать мельницу. Въ городѣ освѣщенія никакого, только вдали видна полоса электрическаго свѣта. Я была въ страхѣ. Ночью, одинъ, въ незнакомомъ городѣ, гдѣ такой полудикій народъ, ходить мой бѣдный сынъ. Но онъ, несмотря на молодость лѣтъ, очень дѣльный и умный. Долго ходить, пока встрѣтился киргизъ, не говорящій по-русски, но слово мельница понялъ и указалъ на тотъ свѣтъ вдали.

Я прождала его два часа. И вотъ онъ пріѣзжаетъ на розвальняхъ. Онъ дошелъ до мельницы и въ одномъ окошкѣ увидѣлъ огонь. Постучал... Вышелъ интеллигентный мужчина, оказавшійся бухгалтеромъ мельницы, тоже ссыльнымъ, не дожившійся изъ-за не сданнаго годового отчета. Андрюша показалъ письмо изъ управления Алма-Аты и сказалъ ему о томъ, что мать его гонятъ съ вокзала и онъ пришелъ просить разрѣшенія дать возможность привести ее переночевать. Онъ разбудилъ конюха, велѣлъ запрячь лошадь и ѣхать за мной. Веселое лицо было у моего Андрюши, довольно. Намъ разрѣшили поспать на столахъ въ канцеляріи. Было тепло, и мы радовались закончить такъ Рождественскую ночь. Утромъ конюхъ предложилъ намъ ввиду трудности найти комнату, да еще при нашихъ матеріальныхъ возможностяхъ остаться у него. Онъ былъ старикъ

уже лѣтъ 70-ти и жена его тоже. Комнатка чистенькая въ подвалѣ. Намъ отделили на полу уголокъ, и до присканія другого помѣщенія мы спали на полу въ одномъ углу, въ другомъ—поросенокъ, и въ третьемъ на двухъ кровати съ перинами—хозяйка. Андрюшу за недостаткомъ интеллигентныхъ служащихъ взяли на другой же день въ лабораторію, гдѣ онъ полгода былъ помощникомъ лаборанта. Черезъ полгода приказомъ изъ Алма-Аты былъ уже старшимъ лаборантомъ.

Непривѣтливый, холодный и неимовѣрно снѣжный Актюбинскъ весной не сталъ много привлекательней, но подъ теплымъ солнышкомъ вездѣ можно согрѣться. Очень тяжело было безъ церкви. Она была, но обновленческая. Это былъ городъ политическихъ преступниковъ въ царское время. Сначала былъ маленькій аулъ, и всего 50 лѣтъ какъ сталъ обстраиваться. Громадная паровая мельница на 600 рабочихъ была организована съ самаго начала. Область пустынная, совсѣмъ безъ деревьевъ, не говоря уже о фруктовыхъ, въ противоположность богатѣйшему природой городу Алма-Атѣ, зато необозримые поля пшеницы и другихъ хлѣбныхъ злаковъ. Огороды хорошіе, особенно сладкіе и вкусные помидоры, за отсутствіемъ фруктовъ они ихъ замѣняли. У жителей, почти у каждого, по одной коровѣ, больше не разрѣшалось, за вторую попали бы въ «кулаки» сперва, а затѣмъ и въ Сибирь.

Интересно, что изъ-за невѣроятныхъ кражъ, когда черезъ разобранный потолокъ сарая вытаскивали скотъ, коровъ держали въ той же комнатѣ, гдѣ спали, правда, держали чисто, убирая не одинъ разъ въ сутки, но вездѣ былъ запахъ коровника. Цвѣтовъ никакихъ, кромѣ тюльпановъ весной, и у жителей, несмотря на то, что была часть населенія холодовъ, не было желанія развести садикъ съ мальвами и подсолнухами, какъ въ Малороссіи. Дынь и арбузовъ много. За городомъ въ ровныхъ зеленыхъ берегахъ, среди иванова кустарника течетъ прозрачная мѣлкая рѣчка, такъ что видно все песчаное дно. Мнѣ представлялось, что такимъ долженъ быть Иорданъ, и я часто, когда бывала одна дома, сидѣла тамъ на берегу.

Жара лѣтомъ до 50° и зимой до 50° мороза. Пыль невообразимая. Всѣ почти въ особыхъ очкахъ. Въ давнія времена это была часть теперь далеко отошедшаго Аральскаго моря. Въ городѣ больше, чѣмъ на четверть аршина, засыпано мѣлкими ракушками, которыя, раздавленные лошадьми и грузовиками, обращаются въ эту пыль и забираются въ ботинки, такъ что при ходьбѣ приходится не одинъ разъ вытряхивать ихъ. Въ то время мы жили въ крошечной комнаткѣ на земляномъ полу, гдѣ стояла большая широкая кровать, очень большой столъ, занимавшій полкомнаты, и два стула. Встрѣчаю одинъ разъ знакомую семью изъ Москвы, безна-

джно блуждающую в поисках помѣщения. Онъ— бывший камеръ-пажъ, она—принимавшая участіе въ церковныхъ дѣлахъ, высланы съ двумя сыновьями 17-ти 15-ти лѣтъ, тоже на три года. Я ихъ позвала съ собой. Всегда при желаніи комната растягивается, какъ резина. Мужъ и жена на столѣ, сыновья подъ столомъ, и я съ Андрюшей на кровати. Весело было, люди хорошіе, жили мы два мѣсяца вмѣстѣ, въ тѣснотѣ да не въ обидѣ. Наконецъ, они нашли квартиру въ двѣ комнаты, а намъ предложилъ одинъ школьный учитель перейти къ нему въ домъ. Они устроились спокойно, совсѣмъ одни, а мы попали къ безбожнику, активному коммунисту. Такого звѣря-человѣка мнѣ не приходилось до того встрѣчать въ жизни. Первое, не хотѣлъ, чтобы мы у себя въ комнатѣ повѣсили иконы: «Чтобъ у меня въ домѣ этого не было». Такъ какъ я, конечно, не подчинилась и повѣсила и лампадку, то онъ назвалъ меня страшно кощунственно и возненавидѣлъ.

Мучаль не только насъ, но выгнать отца своего изъ его собственнаго дома, объявивъ совершенно незаконно (но для коммунистовъ свои законы) его своей собственностью. Билъ старушку мать, которая передъ нимъ нѣмляла и тряслася, а 17-лѣтняго безотвѣтнаго, глупенькаго брата такъ билъ по головѣ, если онъ чего-нибудь не исполнилъ въ работѣ по двору и дому, что у того не разъ текла кровь изъ ушей, и онъ почти охолохъ. Матери и брату давалъ на самое бѣдное содержаніе, а ему готовился всегда сытный жирный обѣдъ, который онъ въ ихъ присутствіи съѣдалъ, сидя съ ними за однимъ столомъ. Бѣдная старая мать его и братья изливали мнѣ свой страхъ и трепетаніе передъ нимъ, когда онъ уходилъ на уроки въ школу. Мнѣ приходилось потихоньку варить для насъ на керосинкѣ что-нибудь, т.к. онъ не позволялъ готовить въ ихъ кухнѣ, онъ запрещалъ мнѣ что-либо жарить, чтобы въ домѣ не было запаха. Отца старика онъ поставилъ наемнымъ сторожемъ на бахчахъ, и тотъ, живя въ шалашѣ изъ прутьевъ во всякую погоду весной, лѣтомъ и осенью, а зимой въ холодномъ подвалѣ дома, заболѣлъ. У него, очевидно, было большое сердце, ноги отекали нефротно, и одинъ разъ привели его на подвождѣ домой, этому я лично всему была свидѣтельницей, онъ стоналъ отъ боли. Вышелъ сынъ: «Ты что, лодырь, пріѣхалъ, работать не хочешь, а? Сынъ тебя содержитъ булетъ, а какъ бы не такъ! Сю минуту назадъ и чтобъ больше этого не было».

Уехали назадъ. Черезъ два дня опять привезли. Сына-звѣря не было дома. Привезшій его и глупенькій братъ почти втащилъ его на стеклянный балконъ, гдѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ. «Какъ чайку попить охота»,—сказалъ онъ. Бѣдная жена его налила ему стаканъ, всё оглядываясь, не пришелъ бы сынъ, а онъ тутъ какъ тутъ и явился, сразу овзвѣрь и хотѣлъ выгнать, но старикъ не могъ встать. Молча пили чай,

отецъ не смѣлъ взять сахару, а сынъ накладывать себя по нѣскольку кусковъ въ стаканъ. Я была въ другомъ углу, гдѣ мыла свою посуду. Старикъ попросилъ помочь ему встать и хотѣлъ пойти лечь рядомъ въ свою комнату, когда тотъ закричалъ: «Ишь чего выдумалъ, въ комнату! Ступай въ подвалъ, выспись и завтра чтобъ на работу!» Ничего не сказавъ старикъ, и его свели въ подвалъ, гдѣ стояла для него койка. Утромъ въ семь часовъ пошелъ спать его будить на работу, старикъ былъ мертвъ.

Вотъ типичный экземпляръ, кончившій высшую совѣтскую школу, сынъ простаго зажиточнаго крестьянина, надѣвший хорошій костюмъ, (возможно, краденный), ставшій безбожникомъ-коммунистомъ, учителемъ школы. Мнѣ было востроенъ отцомъ и все принадлежало ему.

Намъ пришлось терпѣть. Сколько не искали мы комнатки, но найти не могли. Получаю какъ разъ изъ Москвы телеграмму отъ зятя, отца Ниночки: «Пріѣжайте, возьмите Ниночку». До того я писала ему не одинъ разъ и умоляла отлатъ мнѣ ее, мою дорогую дѣвочку, завѣщанную и отданную мнѣ моею покойной Ирочкой, но онъ не соглашался. Онъ по-моему ее любилъ. Взялъ отъ моихъ друзей къ себѣ. Женился послѣ моей дочери на коммунисткѣ. Своей любовью къ женщинамъ онъ жертвовалъ и любовью къ дочери. Женился, конечно, по-совѣтски, т.е. просто приводилъ въ домъ то одну, то другую жену. Эта была уже вторая. Ниночка такъ возмущалась этой женщиной, винушавшей ей отвращеніе, и возмущалась ея убѣждениями не быть вѣрующей, что бѣдняжка стала на себя не похожа и страдала ужасно. И вотъ я получила эту телеграмму.

Я немедленно уѣхала. Это было какъ разъ передъ совѣтскимъ годовымъ праздникомъ 17-го Октября. 15-го я имѣла радость видѣть своего Петю, а 16-го онъ былъ арестованъ. Словно послана мнѣ была возможность повидать его передъ ссылкой. На другой же день я уѣхала съ Ниночкой, а его сразу отравили въ Казахстанъ, но не на вольную, а въ лагерь. Черезъ полгода ему замѣнили вольной ссылкой въ г. Петропавловскъ. Въ то время однимъ изъ большихъ комиссаровъ власти былъ Енукидзе, это онъ помогъ его переводу. Вскорѣ Енукидзе былъ какъ контрреволюціонеръ разстрѣлянъ. Жена молодая пріѣхала къ Петѣ съ маленькимъ ребенкомъ, дѣвочкой, тоже Ирочкой, родившей послѣ моего отъѣзда изъ Москвы. Они прожили благополучно тамъ почти всѣ три года. Въ концѣ ихъ, внучка моя умерла въ три дня отъ менингита.

Итакъ, я привезла Ниночку въ квартиру этого ужаснаго коммуниста. Бѣдная, слабенькая, необыкновенно тихая дѣвочка, уже запуганная въ Москвѣ, попала опять въ условія страха и ужаса. Часто забивалась въ уголь и пряталась во что-нибудь, чтобы не слышать его брани и криковъ. Одинъ разъ я, зная,

что онъ придетъ не раньше какъ черезъ три часа, жарила оладьи въ ожиданіи Андрюши къ обѣду. Сверхъ ожиданія влруть пришелъ. Услыхавъ запахъ, рвануль запертую дверь въ нашу комнату, вырвалъ замокъ, сбросилъ сковороду съ оладьями на полъ, а горящую керосинку со всей силы разбилъ въ куски тоже обь полъ. Къ счастью, она горѣла слабо и потухла, не воспламенивъ разлившагося керосина. Затѣмъ, схвативъ табуретку, занесъ надъ моею головой и съ кощунственными словами, какъ бѣсноватый, хотѣль ударить по головѣ. Я не знаю, какъ я выскользнула и выбѣжала на улицу. Былъ холодный зимній день, я была безъ пальто. Къ счастью, Ниночки не было дома, ее взяла къ себѣ поиграть полюбившая и жалѣвшая ее сосѣдка, а то она перепугалась бы насмерть. Она дала мнѣ платокъ, и я побѣжала на мельницу къ Андрюшѣ, т.к. послѣдніе его слова вслѣдъ мнѣ были: «Если вернешся, убью и тебя и твоего Андрея».

Андрюша отпросился и мы пошли въ милицію, конечно, не зная опять, встрѣтимъ ли защиту или тоже коммуниста. Попросили видѣть начальника, насъ послали къ областному. Какъ вошли, сразу поняли, что зотѣ изъ приличныхъ людей, какъ-нибудь спасшихся, и ободрились. Разказали весь инцидентъ. Онъ далъ распоряженіе немедленно отправить двухъ милиционеровъ и привести учителя подъ конвоемъ, а насъ просилъ все о немъ разказать подробно. «Этого хулигана я давно добиваюсь». Его привели. Держать онъ себя непринужденно, нахально и, обратившись къ начальнику и собравшимся служащимъ милиціи, началъ рѣчь: «Товарищъ начальникъ, я того мнѣнія, что этихъ негодяевъ дворянъ-помѣщиковъ давно надо бы всехъ поуничтожать, и ошибка властей въ томъ, что съ ними слишкомъ мягко обращаются». Еще что-то пытался сказать, думая, что производитъ сильное впечатлѣніе своей ученостью, когда начальникъ спросилъ: «Ты кончилъ, Шеменевъ? Такъ вотъ что, если ты хоть однимъ словомъ позволишь себѣ не только грубость, но и невѣжество къ этимъ людямъ, то я съ тобой расправлюсь и посажу въ тюрьму. Слышишь?» А намъ сказать: «Идите спокойно домой, онъ васъ больше не тронетъ». Надо было видѣть всю подленькую, измѣнившуюся фигуру ошеломленного учителя. Мы домой не пошли, сосѣдка, гдѣ была Ниночка,

уступила намъ переднюю въ своей квартирѣ, перенесла къ себѣ наши вещи. Обь этомъ случаѣ стало известно всему городу. Всѣ знали этого звѣря, особенно родители дѣтей, учившихся въ школѣ, и намъ предложили очень близко отъ мельницы комнату у очень хорошихъ крестьянъ. Мы благодарили Бога за то, что благополучно избѣгли чего-нибудь худшаго отъ учителя, и за то, что мирно и дружески стали жить съ новыми хозяевами. Ниночка понеселась и успокоилась. Прожили мы у нихъ больше году. У нихъ тоже было несчастье, старшему сыну, ставшему самовольно «пионеромъ», было 10 лѣтъ. Они его боялись. Въ то время вездѣ въ школахъ, въ газетахъ и даже на стѣнахъ были объявленія, что дѣти, предавшие своихъ отца и мать за контр-

революціонное мнѣніе, за иконы въ домѣ и даже сообщившіе, что у родителей спрятаны какіе-нибудь вещи или продукты, получаютъ новый костюмъ и бесплатную поездку въ Крымъ на полное содержаніе. Только завидя, что зотѣ мальчишка идетъ, какъ другъ другу быстро говорятъ: «Ваня идетъ, Ваня идетъ-молчице». А онъ ко всему прислушивается и за малѣйшее замѣчаніе грозить

Городъ Вѣрний. Софійскій соборъ въ 19-мъ вѣкѣ.

предать. Вотъ какое воспитаніе давали дѣтямъ. Конечно, не всѣ поголовно были такими, рѣдко, но все же бывали и не испорченные большевистскимъ воспитаніемъ. Въ газетахъ на послѣдней страницѣ всегда бывалъ списокъ дѣтей-героевъ, напримеръ: «Николай Смирновъ, ученикъ такого-то класса, за предательство родителей награждается тѣмъ-то и тѣмъ-то и вносится въ списокъ дѣтской героики, а отецъ его за укрытіе трехъ мѣшковъ муки ссылается въ Сибирь».

По службѣ у Андрюши на мельницѣ тоже нелегко было. Директоромъ былъ назначенъ коммунистъ изъ Союза безбожниковъ, типъ очень похожій на учителя, у котораго мы жили. Узнавъ, что Андрюша высланъ за религію, онъ его сразу возненавидѣлъ и старался причинять всякія обиды и несправности, вплоть до того, что не выдавалъ полагающихся продуктовъ, а въ то время становилось все труднѣе и труднѣе съ флор. Сіюю я одинъ разъ на крылечкѣ съ Ниночкой и поджидаемъ возвращенія Андрюши съ мельницы. Онъ запаздываетъ, у меня предчувствіе чего-то недобраго. Видимъ, идетъ тѣла и на ней кто-то лежитъ, подвѣзжаетъ, какъ трудно писать и

переживать снова, но пусть узнают всё, кто не знает или не вѣрять, благодаря лживой пропагандѣ о «совѣтскомъ раѣ», истину о томъ, какъ страдалъ этотъ ни въ чемъ не повинный мой блѣдный сынъ; такихъ были миллионы и это не преувеличено. Въ конституціи Сталина на весь мѣръ извѣщало, что дѣти за родителей не отвѣтственны, ни въ рожденіи въ высшемъ сословіи, ни въ дѣлахъ ихъ. Въ моментъ революціи Андрюшѣ было три года, а Петѣ восемь. На телѣгѣ лежитъ Андрюша, глаза закрыты и какъ бы въ крови, языкъ распухшій, вышедшій наружу, брюки на колѣняхъ, какъ прожженные, и на правомъ колѣнѣ маленькая, а на лѣвомъ—во все колѣно, круглая рана. Сказать, конечно, ничего не можетъ, лежитъ спокойно, безъ стоновъ. Ничего не понимая, въ полномъ отчаяніи я съѣла къ нему и повезла въ больницу. Побѣжала къ врачу. Люди дождавшіеся, видя состояніе привезеннаго больного, стали кричать: «Въ очередь, въ очередь, нѣчего тутъ впередъ идти, очередей дожидайся!» Я никого не послушалась и вбѣжала въ первый же кабинетъ, прося придти къ подводу. Пошла женщина врачъ, посмотрѣла и побѣжала за другими врачами. Его подняли и помогли идти. Собрались все и говорить, онъ сожженъ и отравленъ какой-то щелочью. По осмотру сказали мнѣ, что глаза врядъ ли можно вылѣчить, что онъ видѣть не будетъ. Но Господь Милосердный не далъ ему еще этого испытанія, и уже черезъ мѣсяцъ глаза видѣли такъ же хорошо, какъ и прежде; языкъ втянулся, онъ могъ ѣсть, но на лѣвомъ колѣнѣ осталась навсегда глубокая круглая ямка, шрамъ почти во все колѣно. Въ большевистской Россіи, какъ во времена Египетскихъ казней, появился совсѣмъ особый, невиданный еще видъ паразитовъ на хлѣбныхъ, уже собранныхъ въ амбары злакахъ и на муку. Конечно, объ этомъ тщательно скрывается отъ міра, и недостатокъ зерна, и вѣдствіе этого голодъ объясняется засухой и неурожаемъ, но это опять ложь, все та же ложь. Называется этотъ паразитъ «хлѣбнымъ клещемъ», онъ стекловиденъ, распространяется молниеносно, и при извѣстномъ процентѣ его въ зернѣ или въ муку они не могутъ быть употребляемы въ пищу человѣку, а идутъ только въ навозъ или свиньямъ. Говорятъ, что при абсолютномъ зрѣніи видно клеца безъ микроскопа, зерно еле замѣтно какъ бы дышитъ, колыхается, но не могу этого утверждать. При первомъ обнаруженіи клеца амбары опрыскиваются растворомъ каустической соды. Какъ было и въ данномъ случаѣ, опрыскивателю надѣваютъ непромокаемую одежду, кожаная перчатка и противогазовую маску. Ничего того не оказалось. Никто изъ рабочихъ не соглашался. Призываетъ директоръ Андрюшу, хотя его какъ лаборанта это вовсе не касалось, и приказываетъ идти опрыскивать зараженный клещемъ амбаръ. Ссылный послушаться не

могъ. О результатѣ я написала. Прожженные колѣни были отъ стекающихъ капель, глаза и языкъ отъ вдыханія. Поправился и пошелъ опять на работу. Мѣсяца черезъ два приходитъ домой совсѣмъ разстроенный и растерянный и рассказываетъ: «Прихожу утромъ на мельницу, у воротъ встрѣчаютъ меня старый крупчатникъ, много лѣтъ испытанный мошеникъ, кланяется и говоритъ: «Здравствуй, товарищъ завѣдующій!» Я прошелъ мимо, принявъ эти слова за обычную насмѣшку. Иду дальше, рабочіе обращаются съ тѣми же словами, тогда я спрашиваю одного изъ нихъ: «Что это вы и за что стоворились сегодня надо мной издѣваться?»—«Какъ издѣваться? Да вѣдь ты прикажешь изъ управленія въ Алма-Атѣ назначить завѣдующимъ лабораторіей». Я и тутъ не повѣрилъ, меня, ссыльнаго, 19-ти лѣтъ, этого быть не можетъ, это было бы для меня истиннымъ новымъ несчастьемъ. Прошелъ въ лабораторію, зовутъ къ директору. Онъ бросаетъ мнѣ злобно бумагу со словами: «На, читай!» Тутъ я увидѣлъ, что это ужасная правда, прочитавъ приказъ: «Снимается съ работы завѣдующій лабораторіей Б. и назначается на его должность А.» Эта должность почти равносильна директорской. Безъ подписи и разрѣшенія завѣдующаго не можетъ быть отпущенъ съ мельницы ни одинъ пудъ муки, а мельница выпускала ежедневно тысячи пудовъ. Директоръ былъ золь какъ никогда. Онъ обогатился на сдѣлкахъ и мошеничествѣ съ крупчатникомъ и понялъ, что этому пришелъ конецъ, т.к. подбить моего Андрюшу на обманъ или заставить уступить онъ понимать невозможнымъ. Очевидно, пріѣхавшія тайная ревизія, гдѣ участвовали опытные ссыльные, убѣдились, что съ момента поступленія лаборантомъ Андрюши мука стала качествомъ лучше, и нужно было, чтобъ и количество выхода стало больше. «Что мнѣ дѣлать, мамочка? Вѣдь я не могу бороться съ этими старыми опытными волками, они меня сейчасъ же съѣдятъ! Я пробовалъ отказаться, но директоръ сказалъ, что это не отъ него зависитъ». Блѣдный завѣдующій такимъ большимъ и отвѣственнымъ дѣломъ заплакалъ. Я ему дала совѣтъ, пойти въ ГПУ объяснить, что не чувствуешь себя способнымъ къ такому отвѣстному дѣлу, гдѣ требуется и административный опытъ, и боишься не оправдать довѣрія». Онъ сейчасъ же пошелъ и сказалъ: «Я въ вашей власти, у меня нѣтъ защиты, и я прошу ГПУ оказать мнѣ эту защиту, и снять съ меня эту должность». На это былъ отвѣтъ: «Это сдѣлало главное управленіе, и мы ничего сдѣлать не можемъ, старайся оправдать довѣріе и не волнуйся».

36. МЫТАРСТВО

И вотъ началось новое его мученіе. На большое количество муки, предназначенной для отправки въ армію Московскаго округа, онъ наложилъ

запрещение как негодную. Идетъ къ нему крупчатникъ и со злобой заявляетъ: «Ты что, хочешь бороться съ нами? Мы тебѣ рога пообломаемъ!»— «Дѣляйте что хотите, въ муку добавленъ песокъ.»— «Слушай, товарищъ,—началъ тотъ заискивающимъ тономъ,—ты не препятствуй, правда, мы добавили немного песочку, но вѣдь этого не замѣтятъ». Оказалось, что въ надеждѣ его уломать они уже нагрузили поѣздъ на отправку безъ его разрѣшенія и подписи. Зовутъ къ директору. «Ты не разрѣшаешь отправку, смотри, какъ бы не сломать голову, поѣздъ уже нагруженъ, не разгружать же его?»—«Я не могу разрѣшить, у меня инструкціи, отъ которыхъ я не отступлю какъ честный работникъ, во-первыхъ, и, во-вторыхъ, въ Москвѣ при приемѣ тоже бываетъ анализъ и повѣсятъ меня, а не васъ». Директоръ тоже тотъ спустил и думалъ убѣдить, но ошибся. Муку пришлось выгрузить и употребить на бывшее при мельницѣ большое свиноводство.

Другой разъ, зная, что мука заражена въ одномъ амбарѣ клещемъ и не разрѣшена имъ въ употребленіе людямъ, они испекли хлѣбъ на 6 тыс. руб. на дневную раздачу. Онъ пошелъ въ пекарню и взялъ на анализъ хлѣбъ, въ немъ оказался клещъ въ количествѣ недопускаемомъ. Онъ наложилъ запрещеніе на раздачу хлѣба. Опять споръ директора и указаніе на то, что нельзя испечь новую порцію на сегодня хлѣба. Андрюша подалъ ему рапортъ, котораго тотъ не могъ подписать, а именно, что онъ слагаетъ съ себя отвѣтственность и расписывается какъ завѣдующій лабораторіей въ негодности муки, и предлагаетъ директору взять на себя разрѣшеніе на выдачу хлѣба. Въ результатѣ хлѣбъ свезен на свинарню, а рабочіе получили только на слѣдующій день двойную порцію. Исхудалъ мой Андрюша, не по силамъ была борьба съ мошенниками-коммунистами, и мало кто и рѣшился бы на это, вѣчно подъ страхомъ клеветы и мести. Писать не разъ въ управленіе, обращался въ ГПУ, но его не освобождали отъ должности. Наконецъ, пошелъ и заявилъ: «Поступайте со мной, какъ хотите, но я больше не въ силахъ». Черезъ недѣлю пришелъ приказъ изъ Алма-Аты: А. предлагается обучить техника (фамилію не помню), и по сдѣлкѣ имъ экзамена считается освобожденнымъ отъ завѣданія лабораторіей». Три мѣсяца бился съ неспособнымъ техникомъ. Наконецъ, 29-го Апрѣля тотъ сдалъ экзаменъ, и Андрюша радостный пришелъ домой. Какъ давняя, тяжелая гора свалилась съ его плечъ. 30-го пришелъ на работу, а во дворѣ раскрапиваютъ двѣ громадныхъ фигуры изъ фанеры: одна изображала врага коммунизма Чемберлена, а другая Андрюшу. 1-го Мая, въ день общаго празднованія, должна была быть манифестация, и эти двѣ фигуры нести впереди шествія. Андрюша пошелъ въ ГПУ и сказалъ объ этомъ. Оттуда позвонили при немъ по телефону съ

выговоромъ директору и приказали немедленно уничтожить фигуру Андрюши. 2-го Мая, когда онъ подошелъ къ мельницѣ, то на воротахъ увидѣлъ громадный плакатъ: «Снимается А. съ работы какъ контрреволюционеръ». (Это была месья директора, т.к. лаборанта онъ имѣлъ право снять своей властью).

Что съ этой работы уволили, это было только облегченіемъ, но у насъ не было никакихъ средствъ для существованія, а вѣдь насъ трое. Въ то время былъ въ Актюбинскѣ такой страшный голодъ, что по всѣмъ улицамъ лежали мертвые, или при послѣднихъ признакахъ жизни умирающіе отъ голода. Большею частью это были бѣдные мѣстные киргизы. По площади базарной бѣгали съ раздражающими душу криками маленкіе дѣти, брошенные матерью. Я видѣла, какъ онѣ ихъ сажали на паперть церкви и быстро убѣгали. Или прохожіе подбирали ихъ и тоже оставляли на паперти. Вечеромъ подвѣзжалъ грузовикъ и забиралъ куда-то этихъ дѣтей. Думается, да и по слухамъ, ихъ просто уничтожали. Я пробовала указать милиціи на того или иного умирающаго, но они только рукой махнули, а иной скажетъ: «А что съ ними дѣлать!»

Работы Андрюшѣ долго ждать не пришлось, черезъ четыре дня онъ получилъ предложеніе поступить инструкторомъ-лаборантомъ на элеваторъ для обученія желающихъ быть лаборантами. Поступилъ 10-го Сентября, а 13-го въ мѣстной газетѣ напечатано: «Не удивительно, что ревизіей, прѣхавшей изъ Москвы, установленъ виновникъ расхищенія, разъ прѣмщикомъ зерна завѣдуетъ бывший дворянинъ А. (все управленіе элеватора было въ то время отдано подъ судъ), высланный за контрреволюцію».

Глазамъ мы не повѣрили. Написали опроверженіе, что это недоразумѣніе, что А. только три дня какъ поступилъ на элеваторъ, и не прѣмщикомъ зерна, а въ лабораторію. Понесъ въ газету. Газета отказалась, пошелъ къ прокурору ГПУ, тотъ сказалъ такъ: «Намъ хорошо извѣстно, что ты абсолютно честный и что это на тебя клевета, но по закону извѣстная категорія людей не имѣетъ права реабилитировать себя въ печати». Это обвиненіе повліяло не только на моральную сторону Андрюши, но и на его сердце, какъ и всѣ нанизываемые одно на другое ложные обвиненія. Какъ глубоко вѣрующей, и въ промѣжуткахъ печалей онъ всегда былъ веселымъ и твердымъ. Ревизіи было доказано фактически, что онъ никогда не работалъ прѣмщикомъ и всего три дня на элеваторѣ, но съ работы его было приказано убрать.

Тогда его взяли къ себѣ помощникомъ и замѣстителемъ хлѣбный инспекторъ области. Андрюша думалъ, что будетъ всегда при немъ, но это былъ хотъ и честный, но лѣнивый, любившій отдохнуть въ семьѣ, жившій за нѣсколько верстъ отъ города челоуѣкъ (не коммунистъ). Кромѣ того, онъ часто уѣзжалъ по округу и, какъ говорилъ Андрюшѣ, былъ спокоенъ, что оставляетъ на него обязанности какъ

Свято - Казанскій Храмъ въ Върнаи 1898г.

Свято - Казанскій Храмъ, городъ Върный, 1898г.

на честнаго работника. Одинъ разъ онъ убѣжалъ и долго не возвращался. На обязанности инспектора было два раза въ мѣсяцъ дѣлать ревизію мельницы, съ которой Андриша былъ уволенъ. Положеніе было трудное и испріятное. Онъ являлся теперь старшимъ надъ директоромъ мельницы.

Вызвалъ инспектора, а тотъ письменно велѣлъ ему сдѣлать самому ревизію. Осмотрѣвъ и провѣривъ всѣ амбары и склады, Андриша далъ заключеніе остановить работу мельницы на три дня ввиду зараженія клещомъ въ большой степени. Директоръ взбѣсялся: «Ты съ ума сошелъ, да знаешь ли, что значить остановить такую мельницу, вѣдь это сотни тысячъ убытку?»—«Знаю, но тѣмъ не менѣе нахожу необходимымъ остановить мельницу». Директоръ пошелъ съ жалобой въ ГПУ. ГПУ вызвало немедленно инспектора, и на другой день была назначена коммисія изъ представителей ГПУ и лицъ, начальствующихъ по хлѣбному дѣлу. Всякій можетъ представить себѣ волненіе молодого ссыльнаго, въ случаѣ, если бы его распоряженіе признано было бы неосновательнымъ, обвиненъ былъ бы въ предумышленномъ вредительствѣ и судъ коротокъ. Всю ночь мы не спали, вѣдь неравны силы просто до невѣроятнаго.

Блѣдный, но какъ всегда выдержанный, съ молитвой въ сердцѣ шелъ мой измученный преслѣдованіями Андриша на мельницу, гдѣ

долженъ былъ рѣшиться вопросъ о его жизни и смерти. Нѣсколько часовъ дожидались мы съ Ниночкой его возвращенія. Еще издали по быстрой походкѣ и помаханію намъ рукой мы поняли, что онъ веселъ. Коммиссія и хлѣбный инспекторъ подписались подъ протоколомъ о правильности распоряженія замѣстителя хлѣбнаго инспектора А. и мельницу на три дня остановили. Директоръ послалъ въ Азма-Ату донесеніе съ просьбой снять его съ работы (директора), т.к. онъ не желаетъ подчиниться ссыльному мальчишкѣ, котораго онъ уволилъ за контрреволюцію. Снять его оказалось неудобнымъ, коммунистъ, большой активистъ, членъ союза безбожниковъ. ГПУ вызвало Андришу и ему сказали: «Мы противъ твоей работы ничего не можемъ сказать, выбери себѣ какую хочешь службу, но ссыльному неудобно быть на такой отвѣтственной должности». Андришѣ на другой же день предложили мѣсто кассира въ очень большомъ областномъ кооперативѣ. Весь небольшой городъ зналъ его приключенія по службамъ, завѣдующій не былъ коммунистомъ, и ему нуженъ былъ честный работникъ. Тутъ я испугалась. Черезъ его руки и подъ его отвѣтственность должны проходить очень большія суммы денегъ. Онъ смѣло брался, сталь получать много лучше жалованье и за трехмѣсячную отчетность получилъ благодарность.

Приходить одинъ разъ домой опять взволнованный и оскорбленный. Приѣхала ревизія изъ Москвы. Узнавъ, что кассиромъ молодой ссыльный и извѣстной дворянской фамиліи, сдѣлали выговоръ начальнику и приказали немедленно удалить. «Вы что же хотите, чтобы онъ украсть деньги и скрылся? Развѣ можно такихъ людей ставить на такое отвѣтственное денежное дѣло?» Начальникъ отвѣтилъ (все въ присутствіи Андруши): «Мы только сейчасъ спокойны. До него назначали все комсомольцы, которые скрывались, одинъ съ 25-ью тысячами, другой тоже около этого». Ревизія назначила своего комсомольца. Начальникъ не хотѣлъ оставить Андрушу совсемъ невиновнаго ни въ чемъ безъ заработка и предложить ему единственное свободное мѣсто по картотекъ. Обидѣлся мой бѣдный и говоритъ мнѣ: «Не хочу этого, что это, чтобы всѣ смѣялись: изъ кассировъ да въ картотеку? Ни за что не хочу». Я нашла нужнымъ не отказываться, а взять это мѣсто. Не хотѣлось ему очень, но онъ никогда не шелъ противъ моего желанія. Ревизія уѣхала по городамъ и селеніямъ Актюбинской области.

Черезъ два мѣсяца на обратномъ пути въ Москву заѣхали въ кооперативъ, и первый вопросъ былъ: «Ну что, какъ вы довольны новымъ кассиромъ?»—«Да вотъ три дня тому назадъ взяли 20 тысячъ и скрылся. Гдѣ его теперь искать?» Приходитъ Андруша торжествующій. Комиссія разрѣшила взять его обратно.

Оставался еще годъ до окончания ссылки, и онъ такъ и пробывъ въ этой должности. Вызываютъ его одинъ разъ въ ГПУ и говорятъ: «Завтра общее собраніе всѣхъ рабочихъ, оно должно дать согласіе принять кого-нибудь или не принять на военную службу. О тебѣ будетъ вопросъ. Тебя вызовутъ, и если спросятъ, за что ты высланъ, смотри, не вздумай сказать, что за религію и церковь».—«Что же я долженъ отвѣтить?»—«Скажи, что по обвиненію въ контролеюшіи по ст. 58, п. 10». Его не вызывали, а заочное постановили принять. Очень волновались мы, вѣдь если постановятъ принять, то отказаться нельзя (это не вопросъ религіи), понятно, какъ намъ этого ни подъ какимъ видомъ не хотѣлось. Назначенъ наборъ, онъ получаетъ повѣстку явиться на осмотръ. Я ему говорю: «А пойдй въ ГПУ и спроси, т.к. Петю за фамилію отвергли, о чемъ помѣстили въ паспортъ, можешь, Богъ дастъ, и тебя отвергнуть». На этотъ разъ онъ боялся послушать моего совѣта. Его осмотрѣли, обрили, но найдя сильный неврозъ сердца, дали длительную отсрочку, назначивъ лѣченіе. На другой день читаемъ въ мѣстной газетѣ: «Подлые люди изъ дворянъ набираются въ армию, чтобы вносить разложенье, такъ вотъ, нужно обнаруживать и выкидывать». Я укорила его за непослушаніе. Онъ пошелъ, не сказавъ куда. Приѣдъ домой, рассказалъ о томъ, что сдѣлалъ, надѣясь, что его освободятъ совсемъ:

«Я прошелъ въ военный совѣтъ, засѣдающій совмѣстно съ ГПУ, и просилъ разрѣшенія войти. Вошелъ: сидятъ за большимъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, все больше чины въ орденахъ. Всѣ изумленно на меня посмотрѣли, небывало нахальство. «Въ чемъ дѣло?»—спросилъ меня. Я отвѣтилъ: «Вчера меня осмотрѣла военная комиссія и приняла условно, до излѣченія сердца. Я пришелъ заявить, что я дворянинъ и титулованный». Они всѣ переглянулись и самый главный сказалъ: «Молодецъ, что пришелъ». Они сами понимали, что для этого нужна была большая рѣшимость и умѣнье побороть страхъ передъ ними. Его оставили въ покоѣ и черезъ два мѣсяца кончился срокъ его ссылки. Ему не дано было ограниченій, и онъ могъ вернуться даже обратно въ Москву, но мы подумали, что безопаснѣе быть подальше отъ центра, и рѣшили вернуться въ Алма-Ату, гдѣ и устроилъ свою жизнь. Влекла туда и другая, самая главная сторона жизни: узнали о существованіи тамъ катакомбной церкви.

37. КАТАКОМБНАЯ ЦЕРКОВЬ

Въ Актюбинскѣ мы больше году были совсемъ лишены Богослуженія. Утѣшеніе пришло неожиданно. Приѣхалъ туда еще сравнительно молодой архимандритъ О. Арсеній. Онъ былъ знакомъ съ той ссыльной семьей, о которой я писала, что жили съ нами вначалѣ въ землянкѣ и спали на столѣ и подъ столомъ. Они дали ему нашъ адресъ, и онъ сейчасъ же пришелъ, и остался ночевать. Совершилъ ночью тихо литургію, и мы смогли пробѣдиться Св. Тайнъ. Это было тотъ монахъ, котораго въ Туапсѣ не разрѣшали, а сослали на 10 лѣтъ, и который далъ мнѣ свѣдѣнія и объ игуменѣ Антонинѣ.* Отъ него я впервые узнала о томъ, что въ Россіи существуетъ тайная Катакомбная Церковь, возглавляемая митропол. Петербургскимъ Юсифомъ и имъ организованная по благословенію митроп. Петра Крутицкого, съ которымъ онъ, живя въ Чимкентѣ за 100 верстъ отъ Алма-Аты въ ссылкѣ, все время имѣлъ тайныя сношенія. Архим. Арсеній былъ рукоположенъ митрополитомъ и имѣлъ счастье содержать его матерьяльно. Церковь въ Алма-Атѣ вырыта глубоко въ землѣ, и освещалъ ее самъ митрополитъ, призванный для этого тайно.

Какъ завѣщала мнѣ О. Александръ, замученный на Медвѣжьей горѣ подъ Мурманскомъ, такъ никогда ни я, ни Андруша не имѣли общенія со священниками сергіанскими, поминавшими властей и митроп. Сергія.

Одинъ разъ приходило къ намъ со знакомыми, все тѣми же самими, почтенный по виду академикъ

*См. главу 21 въ Р.П. № 28, с. 131.

протоіерей О. Макарій. Предварительно я знала, что онъ сергіанецъ. Такихъ тоже выслали, чувствуя въ нихъ, въ нѣкоторыхъ, искреннюю вѣру въ Бога, такъ страшную сатанѣ въ лицѣ совѣтскихъ властей. Придя къ намъ, онъ поднялъ руку, чтобъ благословить меня, но я отклонила и не приняла, со словами: «Простите, батюшка, я не могу принять Вашего благословения, я знаю, что Вы принадлежите къ Сергіанской церкви, поминаете властей и Сергія». Онъ этого никакъ не ожидалъ, обратился съ поднятой рукой къ Андриюшѣ, но онъ тоже не принялъ. Онъ ушелъ, не говоря ни слова, сильно оскорбленный и сказалъ моей знакомой: «Что эта старая дама поступила такъ, я еще могу извинить, но этотъ мальчишка смѣлъ не принять моего благословения, это возмутительно». Черезъ нѣсколько дней онъ приходитъ и уже не вытаскаетъ благословлять, а говоритъ: «Меня очень заинтересовали Вы и Вашъ сынъ, я хотѣлъ бы побесѣдовать и узнать Вашу точку зрѣнія».

Я высказала свой опредѣленный взглядъ на Сергіанскую церковь и на Сергія. Послѣ этого мы выдѣлились, часто бесѣдовали, будучи совершенно противоположныхъ убѣждений. Онъ устроилъ у себя въ комнатѣ вродѣ маленькой церкви, служилъ обѣдно и просилъ Андриюшу приходить пѣть и читать, не поминать ни властей, ни Сергія. Мы отказались. Такъ шло время, мы стали друзьями, но не въ вопросѣ церкви, хотя съ его стороны стали чувствоваться примирительныя нотки къ нашимъ взглядамъ. Одинъ разъ у него былъ диспутъ съ прѣхавшимъ еще разъ къ намъ архимандритомъ Арсениемъ, но оба остались при своихъ мнѣніяхъ.

Онъ былъ посланъ всего на два года, и когда отбылъ срокъ, и пришелъ прощаться, то сказалъ: «Бесѣды наши не остались пустыми и безплодными. Я їду въ Москву и тамъ найду разрѣшеніе нашимъ разногласіямъ. Я обещаю, что если убѣжусь въ томъ, что не я правъ, то честно объ этомъ сообщу Вамъ». Онъ уѣхалъ. Черезъ три мѣсяца пришло письмо отъ его сына, гдѣ онъ сообщаетъ, что отецъ его вскорѣ по прїѣзду въ Москву официально отрѣкся и отошелъ отъ Сергіанской церкви. Отказался отъ богослуженія, за что посланъ на 10 лѣтъ, безъ права переселенія, неизвѣстно куда.

О томъ, что творилось вообще въ то время, трудно даже повѣрить. Я иногда брала людямъ шить платье или бѣлье, чтобъ заработать немного денегъ. Приходитъ женщина, оказавшаяся учительницей изъ гор. Аральска, на Аральскомъ морѣ. Они прѣхала поодѣться, какъ говорила: это былъ типъ совѣтской интеллигенціи, говорившей самымъ вульгарнымъ простонароднымъ языкомъ. Что и какъ могла она преподавать дѣтямъ — это загадка. Носила шелковые платья. Ей нужно было нарядное платье для гостей и въ церковь ходитъ. На мой вопросъ, развѣ въ Аральскѣ есть церковь, она отвѣтила: «А какъ же! У

насъ замѣчательная женщина-священникъ». Я думала, что ослышалась, и переспросила: «Что Вы сказали, священникъ-женщина?» — «Ну да? Что Вы такъ удивляетесь? Не все ли равно, развѣ она и исповѣдуется, и приобщается, и все исполняетъ, какъ мужчина». На мой ужасъ и страхъ передъ такимъ фактомъ, она сильно обиделась, вѣроятно, найдя во мнѣ глупую отсталость. Да! Чего, чего только не видѣла я и не испытала, но это былъ верхъ сверхъ-преступныхъ понятій, творившихся въ то время въ церкви при большевикахъ.

Итакъ, мы рѣшили переѣхать снова въ г. Алматы. Было это въ августѣ. Ъхали мы всѣ трое веселые и облегченные, хоть на время не думая о новыхъ несчастьяхъ. Андриюша освобожденъ! На каждой станціи покупали и наслаждались фруктами, отъ которыхъ отвыкли за три года. Настъ встрѣчалъ Архимандритъ Арсеній и привезъ въ хорошенькую комнатку опять на земляномъ полу, единственную, что могъ достать для насъ, но зато у вѣрующаго, одинокаго крестьянина, умудрившагося сбѣжать изъ сѣвернаго лагеря, пробраться на самый югъ и выстроить хату въ двѣ комнаты. Хата была въ саду. Съ хозяиномъ въ одной комнатѣ жилъ старій, почти слѣпой священникъ, высланный изъ Петербурга, бывшій близкій другъ О. Іоанна Кронштадскаго. Отецъ Іоаннъ передъ смертью отдалъ ему свой стеганный подрясникъ, который былъ съ нимъ. Иногда прѣзжалъ съ горъ отшельникъ, старій монахъ, братъ хозяина, котораго онъ выписалъ, когда устроился, чтобъ жить вмѣстѣ, но тотъ, боясь преслѣдованій, поселился въ горахъ. Всѣ мы и даже Ниночка оказались въ любимой намъ средѣ. Въ комнатѣ сдѣлали нары: внизу спалъ Андриюша, надъ нимъ Ниночка, а я спала на небольшой плитѣ, а когда зимой она топилась, то спала на столѣ. И какъ хорошо было. Если бы не вѣчный страхъ передъ ГПУ, то мы были бы вполнѣ счастливы. Андриюша поступилъ въ лабораторію при бойнѣ. Ниночку я отдала въ школу. Какъ трудно было этому слабенькому, миниатюрному ребенку. Приходить одинъ разъ (еще въ самомъ началѣ) изъ школы въ слезахъ и захлебываясь говорить: «Бабушка, я больше не пойду въ школу, ни за что не пойду. Одинъ мальчишка увидѣлъ на мнѣ крестъ, схватился за него, сталъ рвать его, позвалъ другихъ учениковъ, меня окружили, всѣ дергали, прыгали кругомъ и хохотали. Вошла учительница, увидѣла, что я плачу и не знаю, какъ вырваться, узнала въ чемъ дѣло и спрашиваетъ: «Зачѣмъ ты носишь крестъ?» Я отвѣтила: «Потому что я вѣрую въ Бога, и мамочка моя вѣрила, и бабушка, и я буду носить крестъ». Учительница отпустила ее домой, т.к. она отъ слезъ не могла успокоиться, и сказала, чтобъ бабушка сейчасъ пришла въ школу къ завѣдующей. Я похвалила, утѣшила и успокоила свою хорошую внучку.

Пошла въ школу: «Что, Вы развѣ не знаете, что не разрѣшено носить крестовъ?» Я отвѣтила, что знаю, но не подчиняюсь и не снимаю его съ моей дѣвочки т.к. я вѣрующая. «Въ первый разъ приходится мнѣ имѣть такое дѣло,—сказала она.—Крестъ надо снять!» Я отказалась, я, конечно, взяла бы ее немедленно изъ школы, но не имѣла права, т.к. обученіе въ школѣ было обязательнымъ, а въ случаѣ протеста ребенокъ отбирался отъ родителей и становился собственностью Совѣтовъ. Тогда завѣдующая сказала: «Снимите крестъ съ шеи, чтобы его не было видно, и если ужъ откажетесь совсемъ снять, то приколите или пришейте къ рубашкѣ». Я посоветовалась съ О. Арсеніемъ и съ его благословенія такъ и сдѣлала, чтобы не смущать ребенка, который отъ этого страдает, и не давать повода издѣваться надъ святымъ Крестомъ. Такъ и у Андриуши, и у Ниночки всегда на нихъ былъ крестъ, но не висѣлъ на шуркѣ на шею, а былъ пришитъ. Началось еще новое испытаніе для насъ: Ниночку заставляли вступить въ пионерки. Опять эта уменская дѣвочка съ твердостью взрослого человѣка отказалась и на вопросъ «почему» опять отвѣчала: «Потому что я вѣрующая въ Бога». Вызываютъ опять меня, и въ результатѣ, милостью Божьей, она до 1942 г., когда я съ ней разсталась, вѣроятно, навсегда, не была ни пионеркой, ни комсомолкой.

Помимо того, что она была очень развита, не по годамъ серьезна, переживая съ самаго почти рожденія только печаль, у нея былъ природный даръ къ рисованію. Пишу былъ, т.к. всѣ выше описанные факты нанизывались въ свѣдѣніяхъ ГПУ, и по достиженіи известнаго возраста такихъ арестовывали и ссылали на мученіе въ лагерь Сибири. Ниночкѣ было 17 лѣтъ, когда я съ ней разсталась, она кончала школу, пройдя всѣ 9 классовъ первой ученицѣй. Хочу надѣяться, что отецъ ея, у котораго она жила послѣдніе три года при мнѣ, не пошатнулъ ся убѣжденіемъ, что было бы для меня новымъ горемъ; онъ человѣкъ компромиссовъ, и надѣюсь только на ея твердость и память о матери и обо мнѣ. Когда ей въ Алма-Атѣ минуло 11 лѣтъ, то были Пушкинскіе торжества. Каждая школа должна была что-нибудь внести на выставку въ память Пушкина. Рѣшено было съ печатныхъ рисунковъ, взятыхъ изъ журнала царскаго времени «Столица и усадьба», нарисовать въ краскахъ въ значительно увеличенномъ видѣ домъ, гдѣ родился Пушкинъ, могилу его няни и еще два рисунка, всего четыре. Никто, даже изъ самаго старшаго класса, не брался за это. Кто-то сказалъ: «Вотъ Ниночка сможетъ, завѣрное». Призываютъ ее въ учительскую, а она, какъ я писала, родилась недоношенной семи мѣсяцевъ и осталась очень миниатюрной, но очень хорошенкой, съ большими, выразительными черными глазами. Учителя другихъ классовъ, не знавшие ее, улыбнулись. Ей показали

рисунки и завѣдующая школой спросила: «Ниночка, сможешь ты сдѣлать эту работу?» На что послѣдовать смущенный тихій голосокъ: «Я попробую». — «Ну вотъ что, если ты сдѣлаешь, то получишь матерію на новое платье, и бѣлье, и кромѣ того, коробку хорошихъ красокъ акварельныхъ и кистей». У насъ съ одержкой было очень бѣдно, она, придя домой, сказала мнѣ: «Бабушка, если я сдѣлаю, то тебѣ будетъ легче, не придется покупать на платье, я ужъ постараясь изо всѣхъ силъ». То, что сдѣлать этого 10-лѣтній ребенокъ, совершенно невѣроятно. Когда эти картины были въ рамкахъ на выставкѣ, то и мѣстные, и прїехавшіе изъ многихъ мѣстъ, даже изъ Москвы, учителя и служащіе по народному образованию спрашивали и хотѣли видѣть того талантливаго ученика, кто это исполнилъ, ожидая, конечно, увидѣть или узнать, что это кто-нибудь изъ старшихъ классовъ, и не хотѣли вѣрить, что это работа дѣвочки, еще не достигшей 11-ти лѣтъ.

Прошелъ мѣсяць, прошло два—ни матеріи, ни красокъ. Вызываютъ ее въ комсомольскую такъ называемую ячейку и заявляютъ: «Совѣтомъ комсомола постановлено, не давать тебѣ никакой награды за рисунки, т.к. ты отказалась быть пионеркой». Придя домой, она не плакала, а сказала только: «Мнѣ ничего отъ нихъ не надо, но какіе они всѣ гадкіе, эти комсомольцы». Да! Она была права!

Одинъ разъ мы сидѣли въ саду съ хозяиномъ, было совсемъ темно. Сидѣли за столомъ, за нами былъ большой кустъ. Мы говорили, какъ всегда и вездѣ, тихо. Въ кусту затрещали сучья, у хозяина былъ фонарикъ, онъ освѣтилъ кустъ и мы съ ужасомъ увидѣли убѣгающаго изъ него агента ГПУ.

Въ другой разъ было слѣдующее. Старый священникъ, жившій у хозяина въ нашей комнатѣ, служилъ вечерню. Я читала, т.к. Андриуша всегда прислуживала въ катакомбной церкви у Архимандрита Арсенія. Кромѣ священника, меня и Ниночки присутствовали хозяинъ. Вдругъ собака хозяина, очень большая и злая для чужихъ, подняла за окномъ невообразимый не просто лай, но съ какимъ-то остервенѣніемъ воевъ. Она на кого-то бросилась. Раздался мужской крикъ. Пришлось остановить службу, и мы всѣ вышли. Была темная ночь. Никакіе окрики не могли оторвать Мальчика (такъ звали собаку) отъ человѣка, которому она вѣшлась въ воротникъ. Она его до смерти искусила бы, если бы намъ всѣмъ не удалось ее оттащить. Мы сразу поняли, въ чемъ дѣло, поняла врага и умная собака. Передъ нами стоялъ бѣдный ГПУ, прикинувшійся пьянымъ. (Обычный приемъ, когда они попадались въ подслушаніи). Онъ пытался насъ уфрить, что не помнитъ, какъ попасть въ садъ подъ наше окно. Вездѣ подлость!

Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.

Иноческая Мура

Отраженія Души

Стихи Инокини въ міру Графини

НАТАЛІИ ВЛАДИМИРОВНЫ УРУСОВОЙ

Потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, лишенная даже ихъ погребенія и ея любимой Родины, какъ "предательница", передъ ней раскинулся огромный океанъ, пересѣчь который значило оказаться потерявшимъ все земное... Но душу, любящую Бога и Его прекрасный міръ, никто и ничто отнять отъ нея не могъ — у нее въ душѣ осталось отраженіе Божіей благодати. И она продолжала восхвалять Бога стихами съ благодарностью за абсолютно все. Эти скромныя искреннія пѣсни сохранились. Помяни въ молитвахъ многокоробную душу рабы Божіей Наталіи, дорогой читатель.

ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЬ (до революціи)

ЛѢТНІЙ вечеръ, солнце сѣло,
Затуманилась рѣка;
На вечернемъ небосклонѣ
Потемнѣли облака.
Гдѣ-то пѣсня раздастся,
Русской удали полна;
Заливается далеко
Колокольчикъ ямщика.
Легкій ветерокъ чуть дышитъ,
Ароматъ съ собой несетъ
И какъ будто тихо шепчетъ,
Что въ поляхъ ужъ рожь цвѣтеть.
Гаснуть звуки вмѣстѣ съ свѣтомъ,
Спать природа, спать земля;
Лишь кузнечики стрекоучь,
Да звенятъ коростеля.

НОЧЬ

ЗЛОВѢЩЕ багровое небо!
Что обещаешь ты намъ?
Обиліе насущнаго хлѣба,
Давъ волю небеснымъ слезамъ?
Или ненастье сулишь намъ,
Грозу съ ураганомъ несешь,

А весь урожай, всю надежду
Съ землею какъ пыль разметешь?
Молчать потемнѣвшее небо,
Багровить, очистившись тучь,
И всходить луна величаво,
На землю бросая свой лучъ!
И звѣзднымъ уборомъ одѣлся
Небесный святой небосклонъ,
И образъ тревоги согрѣлся
На мирный и благодатный сонъ.

И ЮНОСТЬ И СТАРОСТЬ

О, ЧИСТАЯ юность, надежды святая,
Какъ радостно въ старости вась вспоминать,
И темные пятна на жизни былые
Владычню просимъ съ души нашей снять,
О памяти смертной мы къ Богу зываемъ,
О теплыхъ души покаянья слезахъ,
Съ надеждой мы ими грѣхи омываемъ,
Въ мольбахъ о прошеніи повержены въ прахъ.
Чтобъ юность и старость другъ друга обняли,
Едины предстали въ полуношный часъ,
И добрый отвѣтъ на Судийшъ прияли
На просьбы всей жизни помиловать насъ.

ДОРОЖЕ ВЪШНИХЪ ДНЕЙ

И ВНОВЬ весна! Все въ мѣрѣ оживаетъ,
Повѣяло тепломъ изъ глубины небесъ.
Творенья тайною Святой Духъ облачаетъ
Въ одѣжду пышную луга, поля и лѣсъ.
Уборъ нѣвѣстъ на аблонтахъ сѣчетъ
Какъ въ рошу брачную вишневыи саль одѣтъ.
Ликуютъ мѣрѣ и всей природы силы славятъ,
Согрѣты тепломъ шлють солнышку привѣтъ.
Эфирный вѣтерокъ, какъ сномъ, легко сдуваетъ
Для будущишъ плодовъ на землю лепестки.
Подснежники, фиалки разцвѣтаютъ,
За ними разные весенние цвѣты.

А ты, о русский лѣсъ! Онъ весь благоухаетъ
Отъ таяня смолы подъ солнечнымъ лучомъ,
А духъ березъ — какъ почки разбухаютъ —
И ароматныхъ ландышей, одѣтыхъ серебромъ.
Могучий дубъ ленивъ на одѣянье
И не торопится украситья листомъ,
Онъ вѣрнѣ русскому старинному преданью
И жельетъ, какъ загремитъ весенний первый громъ.

Пернатый мѣрѣ весной, онъ каждой птичкой
Въ заботахъ растючихъ о будущишъ птенцахъ
И гнѣзла вьетъ, чтобы пестрые яички снести
Лодъ тѣнь кустовъ на травкѣ и въ дуплахъ.

Какъ перезвонъ колоколовъ Пасхальныхъ
Переливаются ихъ птички голоса,
И чувствуется въ треляхъ благозвучныхъ
Какъ благодарность ихъ пронзаетъ небеса.
И ручеекъ лѣсной, разлившись, бѣтаетъ
Отъ таяня задержанныхъ снѣговъ,
Какъ рѣзвое дитя шумитъ, бурлитъ и вѣтаетъ,
Неся песокъ и камешки размытыхъ береговъ.

Порхаютъ бабочки въ сознаньи воскресенья,
Узрѣвши Божий Свѣтъ изъ кукольныхъ гробовъ,
И земля влажную, и раздвигая листья,
Ролятъ колпачки кудрявые строчкою.

И человекъ какъ будто оживаетъ...
Но горести унять не можеть и весна,
Вѣдь сердца глубина тепла земли не знаетъ,
А грѣбъ его лишь надежда на Христа.
Что тяжести трудовъ и скорбь обремененя,
Согрѣвши огненной Любовію Своєю,
Онъ облечетъ въ СМІРЕННОЕ ТЕРПѢНЬЕ,
Что внутренне для душъ дороже вѣшнихъ дней.

СВЯТЫЕ ЛЮДИ

КАКЪ перламутръ переливаясь
Не ищетъ солнечныхъ лучей —
Душа сияніемъ отражаясь,
Блеститъ въ очахъ Святыихъ людей.

СОЛНЦЕ И ГОРЫ

КАКЪ сини сегодня далекия горы,
Какъ воздухъ прозраченъ и чистъ.
Природа какъ будто открыла всѣ поры,
Чтобы сладко дышала каждый листъ.
А солнце своими лучами златистыми
Съ любовью обняло весь мѣрѣ,
И какъ подблѣуемъ ребенка невиннымъ
Къ цвѣтамъ прикоснулся зефиръ.
О, если ужъ тутъ, въ этомъ мѣрѣ грѣховномъ,
Намъ данъ идеаль красоты,
Что жъ будетъ для тѣхъ, кто отъ сквернѣ
Облеченнымъ, достигнетъ небесъ высоты.
Вѣдь видимый мѣрѣ, онъ лишь отражаетъ,
Лишь благъ намъ обшанныхъ тѣнь,
И къ той красотѣ, гдѣ Самъ Богъ обитаетъ,
То первая только ступень.

Господь днемъ и ночью намъ длань простираетъ
И насъ непокорныхъ зоветъ,
Стерѣтъ всѣ грѣхи и проститъ обшаетъ,
Кто тишетность земного пойметъ.

ПРОХОДИЛИ ДНИ ЗА ДНЯМИ

ПРОХОДИЛИ дни за днями,
Лѣта, осени съ зимами,
Были сумрачные дни,
Были мрачные какъ тѣнь,
Какъ потухшие огни.

Были полные печали,
Были дни, уста молчали,
Только слезы изъ очей
Безудержно омрачали
Долгіе часы ночей.

Были дни ума исканій,
Безъ надежды упованій
Опускался долму мечь,
А въ борьбу земныхъ исканій
Тѣма старалась духъ воплечь.
Но и всколыхъ нависшей тучи
Лучи солнца, видъ могучій,
Ткани грозная прорвать,
И въ сердцахъ, въ объятыхъ жути,
Божимъ свѣтомъ возсіяетъ.

Разве въ жизни только горе?
Не была ль она какъ море
Съ перемѣнчивой волной,
То бушующей въ просторѣ,
То улегшейся въ покой!

Юность, свѣтлые мечтанья,
Встрѣчи, радости, свиданья,
И отвѣтная любовь,
Вѣдь не скорби волновали
Молодую нашу кровь!

Главы и горы: церкви Всѣх Святыхъ въ городѣ Вѣрный, современный Алма-Ата.

Намъ хотѣлось только счастья,
Ото всѣхъ во всемъ участья,
Чтобъ всегда весенній май,
Безъ грозы и безъ ненастья,
Быль бы съ нами вѣчный рай!

Многომилостями Бога

Намъ усѣяна дорога

Съ колыбели нашихъ дней,

Но умоумъ познать намъ много:

Цѣль спасительныхъ скорбей!

Старость — духъ воспоминаній,

Дни разчета всѣхъ скитаній

По пройденному пути.

И тропюю покаяній

Сердцемъ намъ дано пройти!

Оглянись на дни за днями,

Лѣта, осени съ зимами,

Богу ли угодно жить?

Не виновны ли мы сами,

Что Господь насъ позабылъ?

ТУЧКА

Тучка по небу скользя,

Тучка солнышко просила:

«Дай мнѣ, Солнышко, отвѣтъ,

Люди злые или нѣтъ?»

Я надъ городомъ летала,

Много разнаго слышала:

Говорятъ, что Бога нѣтъ,

Самъ собой явился свѣтъ.

Такъ на что мнѣ благодать,

Не хочу дождя нѣтъ дать!

Лучше къ небу поднимусь,

Къ оксану понсусусъ

И вольюсь въ него дождями,

Словно горькими слезами».

Тучкѣ солнышко въ отвѣтъ:

«Сотворившій этотъ свѣтъ:

Не велѣть мнѣ разсуждать,

Всѣхъ должно оберегать:

Какъ и добрыхъ, такъ и злыхъ,

И безбожныхъ, и святыхъ.

Разсуждать тебѣ не надо,

Орошай все Божье стадо,

Отберешь же Самъ Творецъ

Отъ волковъ Своихъ овецъ».

Тучка въ вихрѣ закрутилась,

Черной тучей обратилась

И разсыпалась дождемъ,

Благодать дая кругомъ.

ПАСХА 1944

Въ СВЯТУЮ Ночь ихъ нѣтъ со мною...

Но въ часъ, когда Воскресъ Христосъ,

О, мать, нельзя скорбѣть душою

И удержатъ глаза отъ слезъ.

Во всѣхъ концахъ земнаго шара

Сегодня летаетъ дивный гласъ

Тому, Кто искупилъ Даромъ

Грѣховный миръ отъ смерти спасъ.

И имъ, за Вѣру заключеннымъ,

Спаситель Самъ пошлетъ съ небесъ,

Дабы въ сияніи освѣщенномъ

Воспѣть со мной «Христосъ Воскресъ.»

Германия, 1944 г.

Древній Валаамскій Крестъ.

Возобновленный 46-й годъ издания, послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналъ обладаетъ правами Copyright by St. Herman of Alaska Brotherhood.

Печатается и редактируется
ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
P. O. Box 70, Platina California 96076 USA, Факс: (530) 352-4432 тел.: (530) 352-4430

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссіонерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраненіе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости внѣ всякихъ церковныхъ раздѣленій, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдующихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Преп. Германа Аляксинскаго, исходящаго съ благословенія Аримандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (+1969), и утвержденаго Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (+1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Сан-Францисскимъ.

ЖЕЛАЮЩЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССІИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссіонерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на «Русскій Паломникъ», также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію.

Годовое членство: 50 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патріарха Алексія II.
Статьи принимаются, но безъ полемики.
Посылать по адресу: P. O. Box 70, Platina CA. 96076, U.S.A.

СОДЕРЖАНІЕ № 32, 2004

1. Столѣтіе "Царствованія" Цес. Алексѣя 215
2. **ВАЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ**
Преп. Германъ Аляксинскій, II 220
3. **ИСКУССТВО СВ. РУСИ**
М. И. Глинка 232
4. **НОВЫЙ РОССІЙСКІЙ МАРТИРОЛОГІЙ**
Кемптенская Трагедія 240
5. Кіевскіе Новомученики 248
6. **СОВРЕМЕННЫЙ МАТЕРИКОНЪ**
Материнскій Плачъ, VI, Н.В. Урусова 253
7. **ИНОЧЕСКАЯ ДУРА**
Отраженія Души 269

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССІИ!

Требуйте журналъ во
всѣхъ книжныхъ магази-
нахъ Россіи.

Подписку
можно заказать:

Аля 13, г. Москва, 127299

тел.: (095) 772-5863
факс: (926) 200-7650

«Августейший отец и сын», Император Николай II и наследник Цесаревич Альксій.
Фотография сделана на яхте «Штандартъ», 1911г.

НА ЧЕТВЕРТОЙ ОБЛОЖКЪ: Икона Цесаревича Альксія,
защитника современной Россіи

СВЯТЫЙ
МУЧЕНИК
ПРЕВЧЪ
АЛЕКСИЙ

